

81.602(АА)

А 32

В О П Р О С Ы А Д Ы Г Е Й С К О Г О Я З Ы К О З Н А Н И Я

В Ы П У С К III

М А И К О П — 1989

602143

2001

26

АДЫГЕЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

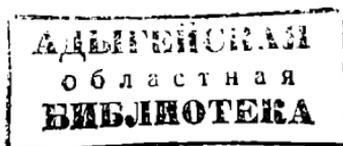
2012

2001

ВОПРОСЫ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЫПУСК III

602143



МАЙКОП — 1983

Редакторы **Блягоз З. У.**, доктор филологических наук, профессор, **Меретуков К. Х.**, кандидат филологических наук.

О ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На грамматическом уровне языка каждая часть речи характеризуется тем, что она имеет грамматические категории, отличающие ее от других частей речи. Ни одна группа слов, не располагающая такими структурными признаками, не может считаться частью речи, даже если составляющие ее слова связаны общностью семантики. Поэтому господствующим стало мнение, согласно которому языки, в которых слова не наделены грамматическими категориями, следует считать лишенными частей речи. Конечно, в любом языке слова можно подразделять на группы, скажем, по одним семасиологическим или одним синтаксическим (функциональным) их показателям, но таковые будут уже не части речи (в обычном понимании последних).

В специальной литературе стало традицией подводить под грамматическую категорию различные языковые явления. К ним относятся: а) частное грамматическое значение слова как единицы определенной части речи и способ его экспликации; б) несловоизменяемое (деривационное) значение слов и его внешнее обнаружение; в) семантически соотносительные, но грамматически различные первичные функции отдельных словоформ и их первоначальные постоянные формы как способы обнаружения разных членов предложения (например, финитность—инфинитность); г) оформление посессивных слов грамматически неоднородными морфемами (например личным и относительным аффиксами); д) семантически соотносительные формы различных групп слов, принадлежащие составляемым этими группами разным частям речи (например, динамичность—статичность); е) совокупность частных однородных грамматических значений, имеющих единое семантическое основание, представленных раз-

ными видами формально выраженных отношений и характеризующих данную группу слов как определенный грамматический класс и т. д.

Такой разницей в употреблении термина «грамматическая категория» по-своему отражает состояние разработки проблемы структурных признаков частей речи в адыгейском языке.

Грамматические категории, поскольку они составляют основу грамматического строя, не могут не выделяться среди других формальных явлений языка.

Правильное определение грамматической категории зависит от адекватного понимания ее самасиологической и формальной структуры, т. е. от того, признавать или не признавать ее поликомпонентной на смысловом и грамматическом уровнях языка, какие единицы считать ее компонентами на обоих уровнях и т. д. Этот вопрос продолжает оставаться предметом дискуссий в адыгейском языкознании.

Для существования и выявления грамматической категории необходимо, чтобы характеризующие ее слова как грамматические единицы располагали грамматическими значениями и грамматическими формами. Значение служит главным компонентом грамматической категории, как и любого другого грамматического явления. Реальность грамматической категории определяется наличием частных однородных грамматических значений, имеющих единое семантическое основание, и соответствующего набора словоформ для выражения объединенных и в то же время противопоставленных значений компонентов ее категориальной структуры.

Различные по своему характеру формальные категории — словоизменяемые и несловоизменяемые — базируются на разных значениях. Определяющими компонентами собственно грамматической (словоизменяемой) категории являются значения имеющих единое семантическое основание словоформ — членов парадигмы слова. Семантической основой несобственно грамматической (несловоизменяемой) категории служит значение слова во всех его словоформах и называемое еще классификационным значением.

Ни одно отдельно взятое частное грамматическое значение (например значение эргатива, значение ед. числа и т. д.) не может образовать грамматической категории, потому что последняя представляет из себя более высокую ступень грамматической абстракции по сравнению с любым отдельно взятым частным грамматическим значением, совокупность и обобщение частных грамматических значений. Каждое отдельно взятое частное грамматическое значение — это не грамматическая катего-

рия, а компонент грамматической категории, который в парадигме слова ассоциативно связан с подобными и однородными ему другими формально выраженными значениями того же слова и в то же время исключает их, противостоит им. Толкование отдельно взятого частного грамматического значения как грамматической категории не вяжется даже с обычным пониманием термина «категория», который, как известно, обозначает разряд, группу однородных предметов, явлений и т. д.

Отдельно взятая грамматическая форма слова также не может быть квалифицирована как грамматическая категория, ибо она является лишь способом обнаружения частного грамматического значения, тем же частным грамматическим значением в его определенном материальном воплощении. Когда говорят, например, о системе форм данного слова, о парадигме слова, под ней разумеют систему грамматических значений слова в их определенном материальном воплощении. Поэтому было бы неравномерным считать совокупность грамматических форм (без грамматических значений) способной самостоятельно организовать грамматическую категорию, лечь в ее основу.

Для грамматической категории важен состав грамматических значений и способов их материального воплощения. Как уже отмечалось, одиночное или отдельно взятое грамматическое значение слова как единицы определенного класса не может быть грамматической категорией, ибо она организуется объединением оппозитивных частных однородных грамматических значений, имеющих единое семантическое основание, и соответствующего ряда словоформ.

Игнорирование именно этой специфики грамматической категории имело своим результатом отнесение даже к собственно грамматическим категориям любого одиночного несловарного значения слова в его определенном материальном воплощении. Такая участь постигла, например, значения побудительности, союзности, взаимности, совместности, произвольности (см. ниже).

Это обстоятельство обусловило постановку нами вопроса о грамматической категории применительно к адыгским языкам в рецензии на сборник статей Х. У. Эльбердова «Адыгэбзэ грамматикэм и Гуэхугъуэ зэхэмыбзхэм щыщ», в которой сказано следующее: «Грамматическая категория существует как таковая лишь благодаря тому, что она представлена по меньшей мере двумя видоизменениями слова»¹.

¹ Зекох У. С. Ценный вклад в адыгское языкознание. — Ученые записки Кабард.-Балк. НИИ. Т. XVIII. Нальчик, 1961, с. 177.

Для адекватного осмысления сущности грамматической категории большое значение имеет последовательное различение терминов (понятий) «грамматическое значение» и «грамматическая категория». Необходимо прежде всего отметить, что объем этих понятий не совпадает: грамматическое значение — каждая частная реализация общего значения грамматической категории, выраженное в контексте речи значение словоформы — члена словоизменительной парадигмы, а грамматическая категория — совокупность частных однородных грамматических значений, выраженная членами словоизменительной парадигмы слова (части речи). Грамматическими значениями являются такие частные значения, как единств. число, множеств. число, патетивный падеж, эргативный падеж и т. д., а грамматическими категориями — такие обобщенные значения, как число, падеж и т. п. Таково же соотношение этих понятий и в плане выражения: носителем грамматического значения служит одна грамматическая форма, выразителем грамматической категории — совокупность грамматических форм (не менее двух).

С этой точки зрения научно оправданным можно считать выделение в адыгейском языке, например, грамматических категорий падежа, числа, определенности-неопределенности, лица, времени, склонения, переходности-непереходности.

Требованиям грамматической однородности и парадигматической соотнесенности реляционных значений и принадлежности способов их выражения к одной словоизменительной парадигме слова, конечно, не отвечает ни побудительность, ни союзность, ни взаимность, ни совместность, ни произвольность.

Как известно, идея побудительности квалифицируется традицией в качестве собственно грамматической категории. Однако в адыгейском она имеет бытие не как совокупность грамматически однородных и парадигматически соотнесенных словоизменительных (реляционных) значений, а как одиночное словообразовательное (деривационное) значение, и выражается это последнее одиночной словообразовательной (деривационной) формой слова. То же следует сказать и касательно значений союзности, взаимности, совместности, произвольности и способов их материального воплощения.

При определении грамматической категории важное значение имеет различение общего и частного в системе этого структурного признака части речи. Неумение различать эти понятия часто приводит к смешению грамматической категории с одиночным грамматическим значением слова или частным грамматическим значением члена словоизменительной парадигмы слова. Как уже отмечено, в грамматических очерках нередко путают

такие грамматические объекты, как «значение падежа» и «значение падежной формы». Между тем «значение падежа» есть значение грамматической категории, а «значение падежной формы» (т. е. значение каждого отдельного падежа — члена declinационной парадигмы) есть одно из частных грамматических значений, составляющих грамматическую категорию падежа.

Ни одной из семасиологических и формальных особенностей, присущих собственно грамматической категории, не обладает побудительность (каузативность). Побудительность — несловоизменительное (деривационное) значение, и поэтому она не может быть ни первоэлементом грамматической категории, ни тем более грамматической категорией. Деривационное побудительное значение — это такое значение, которое, сопровождая вещественное значение основы, участвует в образовании нового слова. То, что производится способом каузативной деривации, — *новое слово*, способное войти в ту или иную лексическую группировку слов внутри данной части речи, а не видоизменение слова, могущее служить компонентом собственно грамматической категории, членом ее словоизменительной парадигмы.

Побудительное (каузативное) значение, поскольку оно образует собою новое слово, оказывается в силу этого за пределами филиации значений производящего слова и не может быть членом принадлежащей последнему парадигмы, его словоизменительным вариантом: *клон* «идти» → каузатив *гъэ-клон* «заставить идти» (т. е. «послать») и т. п. Это обстоятельство не учитывается теми, кто считает соотношение подобных языковых образований за оппозицию каузативно значимых грамматических (словоизменительных) форм одного слова и на этом основании положительно решает вопрос о реальности так наз. «категории каузатива» в адыгейском языке. В этой самодельной «парадигматической оппозиции» нулевым ее членом оказывается производящее слово, а маркированным членом — производное слово. И не берется при этом в расчет даже тот самоочевидный факт, что принимаемые за «нулевой член оппозиции» языковые образования типа *клон* «идти» не являются каузативно значимыми ни в контексте, ни вне его и потому никак не могут вступать друг с другом в отношения парадигматически мыслимой грамматической оппозиции. Как уже сказано, любая парадигматическая оппозиция, образующая грамматическую категорию, предполагает существование не менее двух противопоставленных (resp. противоположенных) единиц, грамматически однородных, ассоциативно соотнесенных друг с другом и в то же время по своим частным грамматическим значениям исклю-

чающих друг друга (при наличии общего всем членам оппозиции и объединяющего их в одно целое семантического основания). Образования типа *клон* и *гэ-клон* не могут быть членами парадигмы одного слова и составить одну грамматическую категорию по той простой причине, что они представляют из себя разные слова, а не разные формы одного слова. В силу этой своей специфики такие языковые образования должны включаться в словари в качестве разных вокабул.

Противопоставления типа *клон* «идти»: *гэ-клон* «заставить идти» (= «послать») нельзя рассматривать в одном ряду, например, с оппозициями вроде *клалэ* «юноша» (нулевой член): *клалэ-х* «юноши» (маркированный член), в которых компоненты словоизменительной парадигмы передают соответственно частные грамматические значения единственного и множественного чисел, являющиеся расчленением общего и объединяющего формального значения количества и образуют в силу этого собственно грамматическую категорию числа.

Выражение деривационного значения может быть связано не с одной морфемой. Например, такие версионные значения, как «совершение действия в пользу косвенного объекта» и «совершение действия вопреки косвенному объекту», выражаются в составе глагольного слова разными морфемами: первое — префиксом *фэ-* (*фэ-сэтхы* «для него пишу», второе — префиксом *шло-* (*шло-сэтхы* «вопреки ему пишу»). Но эти образования, несмотря на выражение ими разных версионных значений, являются не разными грамматическими вариантами слова *тхэн* «писать», а произведенными от него с помощью разных версионно значимых словообразовательных префиксов новыми словами. Следовательно, *тхэн* «писать», *фэ-тхэн* «для него писать» и *шло-тхэн* «вопреки ему писать» — разные слова, а не разные грамматические (словоизменительные) формы слова. Такие единицы не могут быть первоэлементами собственно грамматической категории, не могут участвовать в организации словоизменительной категории. Каждое из них должно быть использовано в словарях в качестве самостоятельной лексической единицы, т. е. вокабулы.

То же можно сказать, например, и касательно идеи потенциалиса, фиксируемой в глагольных и других словах различными деривационными аффиксами — префиксом *фэ-* (префиксальный потенциалис) и суффиксом *-шэу-* (суффиксальный потенциалис). С помощью этих деривационных аффиксов от производящей основы, которая даже имплицитно не выражает понятия потенциалиса, образуются новые слова (с семантикой

и формой потенциализа), и не существует поэтому оснований для признания их словоформами, участвующими в организации словоизменительной грамматической категории потенциализа.

Не менее ошибочным представляется и часто наблюдаемое посвящение оппозиции «финитность-инфинитность» в грамматические категории. Финитное и инфинитное образования являются носителями семантически соотносительных, но грамматически разнородных первичных функций отдельных словоформ, первоначальными постоянными сигнализаторами этих функций как разных членов предложения. Финитная форма — это (с точки зрения ее первичной функции) предикативный член предложения, инфинитная — обстоятельственный член предложения, вследствие чего они несут в себе выражение принципиально различных грамматических значений, что лишает их возможности быть грамматически однородными единицами. В этом отношении противопоставление «финитность-инфинитность» отличается, например, от оппозиции падежных форм, члены которой служат в предложении предметными компонентами, выявляют предметное отношение и потому грамматически однородны, парадигматически соотносительны и в то же время противостоят друг другу как передатчики разных отношений данного предмета к другому предмету (при наличии общей им семантики предметных отношений), тогда как финитная форма, постоянно выступая в предложении главным его членом, эксплицирует отношение непостоянного признака предмета к самому предмету, а инфинитная форма, всегда являясь обстоятельственным членом предложения, констатирует условие протекания действия, обозначенного главным членом (так наз. «сказуемым»). В силу этих своих особенностей финитная форма и инфинитная форма не могут быть ни грамматически однотипными, ни парадигматически соотносительными и, следовательно, не могут образовать одну грамматическую категорию.

Принято также определять понятие притяжательности (посессивности) как категорию словоформ, т. е. как категорию собственно грамматическую. Между тем такое объяснение наталкивается на трудности: разные значения, подводимые под это понятие, объединяют каждое не ряды словоформ, а *ряды слов*. Ср. в адыгейском: *с-ы-нэ* «мой глаз», *с-ы-жэ* «мой рот», *у-ы-ныбэ* «твой желудок» и *с-и-джан* «моя сорочка», *с-и-тхыль* «моя книга», *с-и-шъэжъый* «мой нож». Первые три слова несут в себе указание на «предметы» (части тела), органически принадлежащие человеку, и это посессивное значение (т. е. значение неотчуждаемости) выражается в слове аффиксом *ы*. Последние три слова содержат указание на предметы, органически не при-

надлежащие человеку. Это — предметы отчуждаемой принадлежности. Значение принадлежности здесь фиксируется с помощью аффикса *и*.

Следовательно, в адыгейском языке идея органической (неотчуждаемой) принадлежности выражается в одних словах, идея неорганической (отчуждаемой) принадлежности — в других словах. Эти группы слов различаются внутри одной части речи. Идея органической принадлежности и идея неорганической принадлежности соотносительны, способы их выражения также соотносительны. Здесь налицо категория, но не собственно грамматическая (словоизменительная). Рассматриваемые идеи и способы их выражения составляют несловоизменительную морфологическую категорию, потому что члены образуемой оппозиции не могут быть представлены формами одного слова.

В кабардинском притяжательность обозначается одним аффиксом *и*: *с-и-нэ* «мой глаз», *с-и-жэ* «мой рот», *у-и-ныбэ* «твой желудок», *с-и-джанэ* «моя сорочка», *с-и-тхылъ* «моя книга», *с-и-сэ* «мой нож». Здесь нет разбивки значения принадлежности на органическое (неотчуждаемое) и неорганическое (отчуждаемое). Поэтому мы в свое время отмечали, что «адыгейский язык, в отличие от кабардино-черкесского, имеет и грамматическую категорию слов, квалифицируемую обычно в качестве категории притяжательности»².

Некоторые исследователи находят в кабардинском даже собственно грамматическую (словоизменительную) категорию притяжательности. П. М. Багов считает, что «данную категорию образует коррелятивная пара, состоящая из лично-притяжательных (посессивных) форм имен существительных, объединяемых общностью грамматического значения, и относительно-притяжательной (посессивной) формы»³. Однако налицо в данном случае не раздвоение общего посессивного значения на частные посессивные значения, а оформление посессивного слова разными по своей грамматической природе аффиксами — личным (*с-и-унэ* «мой дом») и относительным (*з-и-унэ* «чей дом»). Поэтому говорить здесь о категории посессива не приходится.

Из языковых образований, подводимых традицией под рубрику грамматических категорий, следует остановиться также на соотносительных формах динамичности и статичности. На

² Зекох У. С. Об основных структурных чертах адыгских языков. — Особенности грамматических категорий и их применения в адыгейской речи. Майкоп, 1978, с. 141.

³ Багов П. М. Имя существительное. — Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 71—75.

семантическом уровне форма динамичности и форма статичности действительно коррелируют друг с другом, но они не обладают общим для них грамматическим значением, могущим объединить эти единицы в словоизменительную парадигму одного слова для их конкретной реализации в последней в качестве ассоциативно воспринимаемых ее первоэлементов. Этой особенностью объясняется тот факт, что анализируемые единицы не являются грамматически однородными, чтобы могли быть выражены в системе форм одного слова, в его словоизменительной парадигме. Своеобразие этих языковых явлений предопределяет характер оппозиции динамичность-статичность. Если бы эти языковые образования имели статус видоизмененный одного слова, членов его парадигмы, то расчлененно выражаемое ими в парадигме общее значение могло бы получать квалификацию грамматической категории. Но дело в том, что, во-первых, такого общего значения рассматриваемые языковые образования не имеют, во-вторых, закрепленные за ними понятия выражаются не разными формами слова, а разными словами. Поэтому они не составляют собственно грамматической (словоизменительной) категории. Не образуют они и несобственно грамматической (несловоизменительной) категории, выделяемой внутри одной части речи, в связи с лексической и грамматической неоднородностью слов, выражающих понятие динамичности и понятие статичности.

Понятие динамичности характеризует действие или состояние предмета как процесс в самом его движении, осуществлении, выполнении. Слова, обозначающие это понятие, лексически и грамматически своеобразны и автономны (*макло* «идет», *матхэ* «пишет», *мэгъы* «плачет», *еды* «шьёт», *ешхы* «ест»). Своеобразны и автономны также слова, дающие агенту в его предикативной позиции предложения статически мыслимую характеристику (*унэ* «дом», *зы* «один», *къарэ* «карий», *щыс* «сидит» (букв.: «сидящий есть»), *клуагъэ* «пошел» (букв.: «пошедший есть») и т. п.).

Отсюда видно, что динамичность — сопутствующий признак глагольной части речи, статичность — свойство именной части речи, и они не могут образовать одну собственно грамматическую (словоизменительную) или несобственно грамматическую (несловоизменительную) категорию, определяющую какую-либо одну часть речи.

В адыгейском языке выделяются словоизменительные грамматические категории и несловоизменительные (деривационные) грамматические категории, которые отвечают выставленным в предыдущем изложении требованиям.

Категория падежа

Падеж представляет собой основную грамматическую категорию, характеризующую такие классы слов, как имена (предметные, качественные и количественные) и местоимения. В лице падежа адыгейский язык имеет словоизменительную морфологическую категорию: ее члены могут быть представлены формами одного и того же слова. Падеж выступает как морфологический выразитель абстрактного значения отношений, складывающегося исключительно в контексте речи, в силу чего значение это является синтагматическим, а сама категория — синтаксической. В системе падежных образований формы выражения отношений морфологические, а выражаемые отношения синтаксические. Таким образом, категория падежа как ряд видоизменений одного и того же слова является морфологической, а как совокупность синтагматических значений — синтаксической.

Категория падежа — общее формальное свойство, присущее имени, образующее (вместе с категорией определенности—неопределенности) его грамматическое субъектно-объектное состояние и участвующее в выражении им грамматического значения субстанциальности. Можно сказать, что формальные и семасиологические признаки, названные в этом определении, характеризуют имя как грамматически цельную и неделимую часть речи, имеющую наиболее полярный статус по отношению к глагольной части речи.

Вопрос о составе адыгейских падежей (сколько их и какие они) одни и те же авторы в разное время решали по-разному. Например, в нашей статье «О системе склонения в адыгейском языке» (1963) отмечалось, что адыгейская категория падежа представлена четырьмя падежами (в именах) и пятью падежами (в личных местоимениях). Падежи, общие именам и местоимениям, — это *п а т е т и в* (форма имени субъекта непереходного действия и ближайшего объекта), *э р г а т и в* (форма имени субъекта переходного действия и косвенного объекта), *о т н о с и т е л ь н ы й п а д е ж* (форма имени поясняющего дополнения) и *т в о р и т е л ь н ы й п а д е ж* (форма имени орудия действия). Специфический падеж личных местоимений — это *с р а в н и т е л ь н ы й п а д е ж* (форма объекта сравнения)⁴. Позднее выявлен еще новый падеж — *а д е с с и в* (форма имени, указывающая на местонахождение)⁵.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Зекох У. С. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, Адыгейск. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1969, с. 60 и след.

Таким образом, было установлено, что в адыгейском языке склонение имен и части местоимений имеет пять падежей, а склонение личных местоимений — шесть падежей⁶.

Дальнейшее изучение материала помогло выявить еще два падежа — сравнительный (для имен) и звательный (для личных имен). Теперь можно сказать, что категорию падежа образуют в адыгейском семь падежей: патетивный, эргативный, относительный, сравнительный, творительный, адессивный и звательный.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в адыгейском языке не имеется падежа, означающего отсутствие отношения между словами. Здесь все падежи являются морфологически производными (или «косыми»), синтагматически обусловленными и, следовательно, сигнализаторами отношений. Поэтому чуждо адыгейскому деление падежей на прямой и косвенные, которое присуще, например, европейским языкам, имеющим склонение. Зависимый статус адыгейского падежа делает необходимым исходить при определении его значения (или значений) из передаваемых им синтаксических отношений.

Каждый падеж представляет из себя сплав грамматического значения и грамматического способа его выражения. Например, патетивный падеж можно охарактеризовать как единство двух грамматических значений — субъектного и объектного — и двух грамматических способов их обнаружения — эксплицитного (дефинитный вариант) и имплицитного (индефинитный вариант). Раздвоение одного падежа на дефинитный и индефинитный варианты основано на том, что склоняемое слово используется в потоке речи в его как дефинитном, так и индефинитном оформлении.

Значения каждого падежа, являющиеся, как уже отмечалось, значениями отношения, весьма разнообразны, в силу чего приведение их к какой-либо единой семантической функции практически невозможно. Среди этих значений есть более абстрактные (менее конкретные) и менее абстрактные (более конкретные). К первым относятся такие значения, как субъектное, объектное и др.; ко вторым — такие значения, как собственно-характеризующее и обстоятельство-характеризующее.

Патетивный падеж и его значения. Патетивный падеж имеет значения:

1) Субъектное: *ШIуцIэкъор къихьагъ* (А. Хьаткъу, Былым фэкIод) «Шуцек вошел». *Къутырыр мэчъы*

⁶ См.: там же.

(А. Еутых, Сшынахыжъ) «Хутор спит». *Сянэ Лукыжыгыгъ* (Хь. Иэшъын, Хьэсигу) «Моя мать ушла».

2) Прямо-объектное: *Тхаматэм кIалэр кызыпплтыхи псынклэу джэуап кырытыжыгыгъ* (Хь. Иэшъын, ДэкIогъу пчыхъ) «Председатель, осмотрев парня, очень быстро ответил ему». *ШакIом мышъэр ыукIыгъ* «Охотник убил медведя».

Эргативный падеж и его значения. В эргативном падеже (в отличие от патетивного, все значения которого абстрактные) присутствуют значения, включающие в себя как абстрактные, так и конкретные. Значениями эргативного падежа являются:

1) Субъектное: *МэкъумэщышIэм чIыгур ежъо* «Крестьянин пашет землю». *Биболэты Шумафэ ышIэжыгыгъ* (Т. КIэраш, Насыпым игъогу) «Биболет узнал Шумафа». *Дзэукожъо жъы кылуагъ* (А. Хьаткью, Былым фэкIод) «Дзеукож сказал». *Рэджэбы зэукIэр ыгъэбыаугъ* (Д. Кэстан, Псыхъохэр зэхэлъадэх) «Раджеб успокоил собрание». *Хьазрэты зи ылуагъэп* (Ю. Лъэустэн, Къушъхьэр къэнэфы) «Хазрет ничего не сказал». *Аминэты зиплгахыгыгъ* (А. Еутых, Тыгъэр ташъхьагъ) «Аминет осмотрелась». *Байболэты шэкIо щэкI илагъ* (М. Пэрэныкью, Бзыу цыкIу) «Байболет имел тридцать охотников».

2) Косвенно-объектное: *Муратэ тхылъыр кIшъэшъэжъы ем реты* «Мурат дает книгу девочке». *Асхьад гъукIэм еупчIыгъ* (Ю. Лъэустэн, Ожъубаныкъохэр) «Асхад спросил у кузнеца». *Аминэты тхылъэр ышти, Рэмэзаны фихыгыгъ* (А. Еутых, Тыгъэр ташъхьагъ) «Аминет, взяв книгу, понесла ее Рамазану». *ЯтIонэрэ мафэм Маличы сеупчIыгъ* (Хь. Иэшъын, Зэрджаехэр) «На второй день я спросил у Малича».

3) Обстоятельственно-характеризующие: а) локальное: *АршакIо макIо* «Он идет на охоту»; б) темпоральное: *Пчэдыжъым къакIо* «Приходи утром»; 3) количественное: *Ац илъэсым Iоф ышIагъ* «Он работал год».

Относительный падеж и его значения: Относительный падеж имеет значения:

1) Субъектно-пояснительное: *КIалэу къэкIуагъэр мэчъые* досл. «Парень-который пришедший спит».

2) Объектно-пояснительное: *Унэу шIыгъэр лэгащэ* досл. «Дом-который я построивший слишком высокий».

3) Комплетивное: *Письмэр зытхыгъэр Ахьмэдэу аIо* досл. «Письмо написавший Ахмедом говорит».

4) Собственно-характеризующее (определятельное): *КIэлэгъаджэу Пэнэшъур зэукIэм кы-*

щыгуцылагъ «Учитель Панеш выступал на собрании». *Исмахылэ тхьаматэу хадзыгъ* «Исмаила избрали председателем». *Пхъэулу гумэклэу пхъэкIычэу кбытео* (М. Пэрэныкьу, НасыпышIомэ яорэд) «Дятел волнуясь трещеткой стучит». *Ар да хэу матхэ* «Он пишет красиво». *Ар изакъоу мэпсэу* «Он живет в одиночестве».

5) **Обстоятельственно-характеризующие:** а) темпоральное: *Пчыхъэу къакIо* «Приходи вечером»; б) целевое: *КIалэр шхэнэу шханIэм кIуагъэ* «Парень пошел в столовую поесть»; в) каузальное: *Ащ гъэлэтIэу кбылуагъ* «Он сказал ошибкой».

Сравнительный падеж и его семасиологическая характеристика. Падеж, который мы называем сравнительным, имеет объектное значение: *Исмахылэни сэ сынахьыжъ* «Я старше Исмаила». *КIалэр пшъашъэмни нахь лъаг* «Парень ростом выше девушки». *Ощни уиныбджэгъу нахь дах* «Твой друг красивее тебя». *Уятэни унахь лъэш* «Ты сильнее своего отца».

Как видно из этих примеров, сравнительный падеж указывает на лицо или предмет, с которым приводится сравнение.

Творительный падеж и его значения. Творительный падеж выражает следующие значения:

1) **Объектное:** *КIэлэеджакIор къэлэмкIэ матхэ* «Ученик пишет карандашом».

2) **Субъектное:** *Мы тхылъыр МуратэкIэ джыгъэ хъуцтэп* «Эта книга Муратом прочитанной не станет».

3) **Комплетивное:** *Ащ дэгъукIэ ыцIэ Iугъэ* «Он прослыл хорошим».

4) **Собственно-характеризующее:** *Ар ыгукIэ адыгэ* «Он адыг душой». *Тэ кIалэхэмкIэ мэу тыщысыцт* «Мы, молодые, здесь посидим». *Ащ графикымкIэ Iоф ешIэ* «Он работает по графику».

5) **Обстоятельственно-характеризующие:** а) темпоральное: *МазэкIэ чылэм ськIоцт* «Через месяц поеду в аул»; б) локальное: *МэзымкIэ школым сэкIо* «В школу хожу лесом»; в) **квантитативное:** *Ащ сыхьаткIэ садыр кбыкIухьагъ* «Он за час обошел сад». *Тигъунэгъумэ якIалэхэр таскIэ щэ ешъох.* «Дети наших соседей пьют молоко кружками»; г) **каузальное:** *Ащ шэхъугъэкIэ кбылуагъ* «Он сказал ошибкой».

Адессивный падеж и его значения. Адессивный падеж имеет обстоятельственно-характеризующее (локальное) значение: *Пщыпый. Ей, шъуади ськъихьаныр сэрыкIэ бэу щынэгъошху!* (Т. КIэраш, Ны Iушым ыпхъу) «Ши-

пий. Эй, к вам заходить очень опасно для меня!» ...Шъузы дахэр маш I о м д и мэлысты (А. Еутых, Дэхэ тхьагъэпцIым итхыд) «...Жена красивая возле огня садится». Гъурбэщы шъэфым д и сыкъэсышъ Мэшэ щынагъом джы себакъо (А. Еутых, Пшъэ-шъэ тхьалапI) «Достиг я лачуги потайной, Опасную яму переступаю».

Звательный падеж и его семасиологическая характеристика. Единственный смысловой признак, который характеризует вокативную форму имени,— это **воззвательное значение**: — *Мэдинай!* — *ягуащэу Дзэхъанэ къеджагъ* (Хь. Iэшъын, Мэхъулъэгъашу) «— Мадин! — позвала его жена Дзахан».

Категория определенности-неопределенности

Категория определенности-неопределенности принадлежит к числу недостаточно изученных структурных признаков частей речи. Об этом грамматическом явлении высказывались весьма противоречивые и подчас неверные суждения. Более того, уже делаются попытки отрицать реальность данной грамматической категории в адыгейском языке.

Грамматический объект, который принято называть категорией определенности-неопределенности, составляет древнейшее общее свойство «пассивных» слов. В качестве формальной характеристики класса «пассивных» слов эта категория эла бытие еще на адыгско-убыхском хронологическом уровне. Тогда адыгско-убыхское языковое единство характеризовалось наличием в его грамматической системе общего и единого префиксального способа выражения категории определенности-неопределенности. Это состояние продолжают ныне абазинский и убыхский языки. В абхазском сохранились следы префиксального выражения определенности, но вместе с тем имеются в нем инновации (например суффикс неопределенности -к и др.), возникшие на общеабхазской языковой почве. Адыгские языки располагают суффиксами определенности -р и -м, идущие от общеадыгского языка⁷.

Категория определенности-неопределенности является словоизменятельной морфологической категорией, составляющей принадлежность грамматической группировки предметных слов — подкласса именной части речи. Причем рассматриваемая категория присуща не всем предметным именам, а только нарицательным именам, да и то лишь в единственном числе. Поэтому правы те, кто считает категорию определенности-не-

⁷ Ср. Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков. М., «Наука», 1971, с. 43.

определенности менее распространенной, чем другие категории именного класса.

Нигилизм в отношении категории определенности-неопределенности не имеет под собой никакой почвы, ибо описываемое свойство предметных слов вполне отвечает требованиям, предъявляемым к собственно грамматической (словоизменительной) категории: во-первых, значение определенности и значение неопределенности представляют из себя соотносительные однородные частные грамматические значения, так как они входят в общее для них функциональное содержание дефинитного и индефинитного состояний имен, как видовые понятия входят в родовое понятие; во-вторых, способ экспликации значения определенности и способ передачи значения неопределенности как разные виды существования слова образуют систему его дефинитно-индефинитных форм, служат членами его словоизменительной парадигмы; в-третьих, между значением определенности и значением неопределенности как семантическими компонентами парадигмы существует формальное различие в отношении способа их внешнего обнаружения — различие, вполне нормальное для членов парадигматической оппозиции: дефинитное значение находит материальное выражение, а индефинитное значение представлено в словоформе нулевым формативом.

Анализаторы значений определенности и неопределенности, являясь постоянными элементами структуры слова, участвуют (независимо от их материальной выраженности или невыраженности) в образовании синтетической формы слова и несут в себе отправление артиклевых функций. Грамматический передатчик значения определенности выполняет уточняющую функцию: к его помощи говорящий прибегает в случаях, когда возникает необходимость в уточнении того, о каком именно предмете (из уже известных слушателю) идет речь в данной ситуации. Что касается носителя идеи неопределенности, фиксируемого нулевым аффиксом, то он выполняет функцию не уточнения, а сообщения о каком-то неопределенном для слушателя (и следовательно, новом для него) предмете.

Достоин быть отмеченным и тот факт, что значение определенности и значение неопределенности полнее раскрываются в контексте речи. В этом отношении категория определенности—неопределенности имеет сходство с категорией падежа.

На уровне грамматической семантики категорию определенности-неопределенности образуют значение определенности и значение неопределенности, а на уровне грамматической структуры эту категорию составляют определенная форма имени,

маркированная аффиксом *-р* или *-м*, и неопределенная форма, имеющая системно значимое нулевое окончание.

Стало традицией идущее от У. Х. Берсея мнение о бифункциональности *р*-формы и *м*-формы, которые одновременно выражают значение определенности и падежное отношение, но это мнение не находит поддержки у отдельных лингвистов. Последние противопоставляют традиционному мнению положение о возможности употребления формативов *-р* и *-м* в одних случаях в чисто определительной (артиклевой) функции, а в других случаях в чисто падежной функции. Они считают правомерным разграничение падежных и артиклевых функций формативов *-р* и *-м*.

Действительно, в конструкциях типа *Хьэр кьупшхьэм ецэгъу* «Собака (известная) гложет кость (известную)» и *Хьэ кьупшъхьэ ецэгъу* «Собака (неизвестная) гложет кость (неизвестную)» формативы *-р* (хьэ-р) и *-м* (кьупшъхьэ-м) чередуются с нулевым формативом (хьэ-∅, кьупшъхьэ-∅), и это происходит в связи с тем, что они в данных конструкциях фиксируют разные функции: материально выраженные — функцию определенности, нулевые — функцию неопределенности. Вместе с тем это чередование не затрагивает падежных функций означенных формативов: независимо от него форматив *-р* и его нулевой вариант, а также форматив *-м* и его нулевой вариант в равной мере фиксируют падежное отношение. Имя субъекта и имя объекта не могут пребывать в предложении иначе, как в том или ином падеже. Поэтому в приведенных конструкциях налицо четыре формы категории определенности-неопределенности — две дефинитных (хьэр, кьупшъхьэм) и две индефинитных (хьэ, кьупшъхьэ), но два падежа в разных вариантах каждый — патетив в дефинитном (хьэр) и индефинитном (хьэ) вариантах и эргатив в дефинитной (кьупшъхьэм) и индефинитной (кьупшъхьэ) разновидностях.

Следовательно, в любом морфологическом варианте изменяемого по рассматриваемой категории нарицательного имени ед. ч. — дефинитном и индефинитном — грамматически характеризующие его формативы (как материально выраженные *-р* и *-м*, так и нулевые их разновидности) являются бифункциональными, выражающими одновременно и артиклевые функции и падежные отношения.

Как отмечалось выше, на категорию определенности-неопределенности накладываются в адыгейском лексические ограничения. По линии «определенность-неопределенность» не про-

тивопоставляются, например, личные имена. Такое положение объясняется своеобразием лексической семантики этих имен, ориентированной на выделение обозначаемого предмета из групп однородных с ним предметов. Это свойство личных имен делает ненужным дополнительную констатацию идеи определенности с помощью служебных элементов слова. В таких именах окончания *-р* и *-м* выполняют только одну функцию — выражение падежных отношений.

Ограниченной оппозицией дефинитных и индефинитных образований характеризуются имена и на грамматическом уровне. Имена лишены описываемой грамматической категории во мн. числе. Противопоставление, служащее различению определенности и неопределенности, имеет свои особенности у имен и тогда, когда они стоят в эргативном падеже. Своеобразие состоит в том, что имена в эргативе значительно меньше, чем в патетиве, поддаются противопоставлению по определенности и неопределенности. Ср.: а) *Хъулъфыгъэм ар ылоцтэп* «Мужчина (известный) этого не скажет» и *Хъулъфыгъэ ар ылоцтэп* «Мужчина (неизвестный) этого не скажет»; б) *Бзылъфыгъэм ар ылъэгъун, ау хъулъфыгъэм ылъэгъунэп* «Женщина (известная) это заметит, но мужчина (известный) не заметит» и *Бзылъфыгъэ ар ылъэгъун, ау хъулъфыгъэ ылъэгъунэп* «Женщина (неизвестная) это заметит, но мужчина (неизвестный) не заметит»; в) *Пшъашъэм ышхыцтэп ац фэдиз мылэрысэ* «Девушка (известная) не съест столько яблок» и *Пшъашъэ ышхыцтэп ац фэдиз мылэрысэ* «Девушка (неизвестная) не съест столько яблок» и т. п.

То, что индефинитное состояние в эргативе выражает падежное отношение, подтверждается фактом оформления индефинитного имени с согласным исходом основы в позиции субъекта переходного действия и косвенного объекта падежным окончанием *-ы*, ср.: *Мэзыпэсы-м унэ-р ешлы* «Лесник (известный) строит дом (известный)» и *Мэзыпэс-ы унэ ешлы* «Лесник (неизвестный) строит дом (неизвестный)». *Седжагъ тхылъ-ы* «Я прочитал книгу (неизвестную)».

Определенность и неопределенность различаются не только в патетиве и эргативе, но и в сравнительном, творительном и адессивном падежах. Ср.: ср. п. *хатэ-м-ни* «чем огород (известный)» и *хатэ-ни* «чем огород (неизвестный)»; тв. п. *хатэ-м-кIэ* «огородом (известным)» и *хатэ-кIэ* «огородом (неизвестным)»; ад. п. *хатэ-м-ди* «возле огорода (известного)» и *хатэ-ди* «возле огорода (неизвестного)».

Из всех членов парадигмы склонения только относитель-

ный и звательный падежи не имеют отношения к выражению категории определенности-неопределенности.

Категория определенности-неопределенности вместе с категорией падежа участвует в организации грамматического субъектно-объектного состояния слов именной части речи в их синтаксическом положении дополнительных членов предложения.

Категория наклонения

В языкознании стало аксиомой понимание наклонения как грамматической категории глагольных слов. Так интерпретируют грамматическую природу наклонения специалисты европейских и некоторых других языков.

Действительно, во многих языках, в том числе в европейских, наклонение служит одной из формальных характеристик слов, обозначающих действие или состояние предмета как процесс. В этих языках изменение по наклонениям чуждо словам других грамматических классов.

В адыгейском языкознании также утвердилось мнение считать наклонение грамматической категорией глагола. Такая трактовка проблемы настолько сильно укоренилась в сознании авторов переводных грамматических очерков, что они расценивают всякий иной подход как неумение адекватно осмыслить грамматические реалии адыгейского языка, понять особенность его словоизменительной механики.

Между тем анализ накопленного исследовательской практикой материала позволяет ставить вопрос в иной плоскости, предложить новую точку зрения, согласно которой категория наклонения — формальное свойство именной части речи, образующее грамматически мыслимое предикативное состояние слов этого класса в их синтаксической позиции главного члена предложения.

Категория наклонения конституируется именными формами обнаружения модальности предикативной характеристики предмета. Эта модальность составляет содержание наклонения и находит выражение в системе модальных словоформ имени. Модальность предикативной характеристики предмета, служащая содержанием наклонения, морфологически фиксируется в главном члене предложения путем изменения формы представленного в нем имени. Здесь переплетаются модальность предикативной характеристики предмета, изучаемая морфологией, и модальность предложения в целом, являющаяся объектом синтаксиса. Таким образом, наклонение, выступая в предложении главным его членом, тем самым становится сред-

ством констатации модального содержания предложения.

Наклонение как собственно грамматическая (словоизменятельная) категория формируется представленными отдельными членами парадигмы собственно грамматическими (словоизменятельными) значениями а) реальности предикативной характеристики предмета, б) возможности наличия предикативной характеристики предмета и в) желательности существования предикативной характеристики предмета. Эти значения не синтаксические, отражающие валентные свойства слов, а номинативные, индифферентные к фиксации синтагматических отношений.

Существуют также способы внешнего обнаружения видовых значений наклонения, каждый из которых совместно с соответствующим модальным значением образует отдельный член парадигмы наклонения: значение «а» и способ его реализации составляют форму изъявительного наклонения (индикатив); значение «б» и средство его выявления — форму сослагательного наклонения (конъюнктив); значение «в» и способ его передачи — форму желательного наклонения (оптатив).

Таким образом, в адыгейском языке наличествуют три наклонения: изъявительное (индикатив), сослагательное (конъюнктив) и желательное (оптатив).

Изъявительное наклонение различает темпоральные формы: *дэхагъэ* «(он) был красив» (прошедшее время), *дахэ* «(он) красив» (настоящее время), *дэхэцт//дэхэн* «(он) будет красив» (будущее время). Сослагательное и желательное наклонения по временам не изменяются: *дэхэни//дахэцтыгъэ* «(он) был бы красив (конъюнктив) и *дэхагъот* «ах, если бы (он) был красив» (оптатив).

Грамматическая традиция ошибочно считает наклонениями самые разнообразные формы. Автор этих строк также причислял к членам модусной парадигмы императивную, прохибитивную и дозволительную формы слов⁸, которые, судя по результатам проведенных позднее исследований, больше тяготеют к междометным образованиям.

По мнению М. А. Кумахова, предпринявшего попытку реконструировать общеадыгскую систему наклонений, некоторые модусные формы (индикатив и др.) восходят к общеадыгскому хронологическому уровню⁹.

⁸ См.: Зекох У. С. К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке (на материале бжедугского диалекта). — «Ученые записки» Адыгейск. НИИ. Т. V. Языкознание. Краснодарск. кн. изд-во, 1966, с. 167 и след.

⁹ См.: Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков, с. 241.

Категория времени

Как уже отмечалось, категория падежа, определенности-неопределенности и наклонения являются словоизменительными грамматическими категориями, характеризующими имена как отдельный грамматический класс слов. Они отличают именные слова от глагольных на грамматическом уровне. Это—общая черта сходства названных структурных признаков именного класса.

Однако эти категории имеют, кроме присущих каждой из них собственно категориальных свойств, и рассмотренные выше специфические дифференциальные особенности. Каждая категория обслуживает имена в том или ином их синтаксическом выступлении и тем самым участвует в организации одного из обретаемых ими грамматических состояний — субъектно-объектного и предикативного. Категория падежа обслуживает имена (и местоимения) в их синтаксическом использовании в роли предметных членов предложения, но те же имена лишаются форм склонения, когда переходят на синтаксическую позицию главного члена предложения. Таким образом, падеж служит грамматической категорией субъектно-объектного состояния имен.

Сказанное распространяется и на категорию определенности-неопределенности, но она (в отличие от категории падежа, охватывающего все группировки имен и местоимений) принадлежит только нарицательным именам ед. ч. Что касается нарицательных имен. мн. ч., личных имен и местоимений, то им чуждо изменение по формам определенности и неопределенности. Следовательно, категория определенности-неопределенности представляет из себя структурный признак нарицательных имен ед. ч. предметных членов предложения, т. е. субъектного и объектного дополнений.

Категория наклонения отличается от категорий падежа и определенности-неопределенности тем, что она обслуживает имена и местоимения, когда последние служат в предложении его главным членом. Модус не обслуживает имена и местоимения, когда они имеют другой синтаксический статус. Это дает основание считать категорию наклонения формальным свойством предикативного состояния имен и местоимений.

От этих категорий отличается в указанном отношении категория времени. Данный структурный признак определяет именные и местоименные слова независимо от их синтаксического выступления в предложении: *П ш ъ а ш ъ э къэклогъагъ* «Девушка приезжала» и *Къэклогъагъэр п ш ъ а ш ъ э* «Приезжав-

шая — девушка (есть)»; *Чъагъэ тхэтэп* «Бежавшего нет среди нас» и *Ар чъагъэ* досл. «Он бежавший (есть)»; *Чъэн сылукагъэп* досл. «Я не встречал имеющего бежать» и *Ар чъэн* досл. «Он имеющий бежать»; *Сэ сытхэшт* «Я буду писать» и *Тхэщтыр сэры* досл. «Имеющий писать я (есмы)» и т. д.

Падеж, определенность-неопределенность и наклонение, характеризую имя (или местоимение) в одном из его синтаксических выступлений в предложении, обретают тем самым статус формального свойства члена предложения, тогда как время, маркируя имя (или местоимение) в любой его синтаксической функции, остается структурным признаком части речи.

Из сказанного видно, что в адыгейском языке, в отличие от многих других языков, темпоральную характеристику получает не действие, а субъект или объект действия. Рассматриваемая категория служит средством передачи такой характеристики предмета, в которой момент речи служит точкой отсчета для различения грамматических времен. Именно через отношение к моменту речи проводится установление границ между прошедшим, настоящим и будущим.

Если значение времени представляет предмет как отнесенный в план прошлого, то налицо грамматическое значение прошедшего времени. Предмет может быть соотнесен также с планом настоящего и будущего: в этих разных случаях мы имеем соответственно грамматическое значение настоящего времени и грамматическое значение будущего времени. Эти грамматические значения и способы их внешнего обнаружения, взятые вместе, образуют грамматическую категорию времени.

Категория времени относится к собственно грамматическим (словоизменительным) категориям имени и местоимения. Грамматические значения, участвующие в организации грамматической категории времени, отражают не синтаксические свойства слов, а смысловую абстракцию отнесения предмета (т. е. производителя или объекта действия) в план прошлого, настоящего или будущего. Поэтому соотносительные частные грамматические значения времени, которые образуют грамматическую категорию времени, являются номинативными (несинтаксическими) грамматическими значениями.

Значительным разнообразием темпоральных значений и способов их выражения обладает прошедшее время. В системе значений прошедшего времени различаются: 1) значение давнопрошедшего времени, представляющее предмет как отнесенный в план прошедшего, предшествовавший другому плану прошедшего: а) в позиции субъектного дополнения: *К I о гъ а-*

гъэр мэчъые «Тогда ходивший спит»; б) в позиции главного члена: *Ар кIогъагъэ* досл. «Он тогда ходивший (есть)»; 2) значение определенного прошедшего времени (перфект): а) в роли субъектного дополнения: *КIуагъэр мэчъые* «Пошедший спит»; б) в функции главного члена. *Ар кIуагъэ* досл. «Он пошедший (есть)»; 3) значение неопределенного прошедшего времени (имперфект): а) в позиции субъектного дополнения: *КIощтыгъэр мэчъые* «Ходивший спит»; б) в функции главного члена: *Ар кIощтыгъэ* досл. «Он ходивший (есть)».

Формы настоящего времени обладают семантикой одновременности по отношению к грамматической точке отсчета. Они не имеют положительных признаков темпоральности. Отсутствие внешних показателей времени составляет основной способ выражения презентных значений. Формы настоящего времени, как и формы прошедшего и будущего времени, оборудованы личными, числовыми и модусными аффиксами. Эти аффиксы, обозначая каждый специально приуроченный к нему десигнат, вместе с тем фиксирует и грамматически мыслимое настоящее время.

Выразителями презентных значений служат имена:

<p>а) В позиции субъектного (или объектного) дополнения <i>Тхьаматэр мыры</i> досл. «Председатель — этот (есть)». <i>Цахэр мыры</i> досл. «Красивый — этот (есть)» <i>Апэрэр мыры</i> досл. «Первый — этот (есть)» <i>Мыр ныбжьыкI</i> досл. «Этот — молодой (есть)» <i>Щысыр мыры</i> досл. «Сидящий — этот (есть)» <i>КIорэр мыры</i> досл. «Идущий — этот (есть)»</p>	<p>б) В роли главного члена предложения <i>Мыр тхьаматэ</i> досл. «Этот — председатель (есть)» <i>Мыр дахэ</i> досл. «Этот — красивый (есть)» <i>Мыр апэрэ</i> досл. «Этот — первый (есть)» <i>НыбжьыкIэр мыры</i> досл. «Молодой — этот (есть)» <i>Мыр щыс</i> досл. «Этот — сидящий (есть)» <i>Мыр макIо</i> «Этот идет»</p>
--	--

Последний пример правого столбца не содержит в позиции главного члена предложения причастия настоящего времени: его место занимает глагол. Причастия, образованные от глаголов, имеют субъектно-объектное состояние, но они не обладают предикативным состоянием, ибо предикативная позиция, в которой отглагольные причастия могли бы получить пре-

дикативное оформление, всегда закреплена за глаголом. Выражение процессного содержания главного члена предложения является единственной синтаксической функцией глагола, что, собственно, и делает невозможным образование от последнего предикативно оформленного причастия.

Формы настоящего времени могут заключать в себе указание на определенный момент речи, но могут и не содержать такового. В первом случае презентные формы фиксируют собственно настоящее время, во втором — несобственно настоящее время (более или менее длительный отрезок реального времени, его постоянство и т. д.). Формы настоящего времени могут употребляться в функции прошедшего и будущего времен.

В организации грамматической категории времени участвуют также формы имени, которые характеризуют его десигнат после момента речи о нем. Их называют формами будущего времени.

В адыгейском языке различают две формы будущего времени — форма на *-щт* и форма на *-н*. Передатчиками значений будущего времени служат имена:

а) В позиции субъектного (или объектного) дополнения

К I э л э е г ъ э д ж э щ т ы р
Якѳуб (ары) досл. «Имеющий
быть учителем — Якуб
(есть)»

Бэрэ д э х э щ т ы р м ы у нэр
ары досл. «Имеющий долго
быть красивым — этот дом
есть»

А п э р э щ т ы р м ы р ы
досл. «Имеющий быть пер-
вым — этот (есть)»

Щ ы с ы щ т ы р м ы р ы
досл. «Имеющий сидеть—
этот (есть)»

Т х э щ т ы р м ы р ы
досл. «Имеющий писать—
этот (есть)»

б) В функции главного члена предложения

Якѳубэ к I э л э е г ъ э-
д ж э щ т / / к I э л э е г ъ э-
д ж э н досл. «Якуб — имею-
щий быть учителем (есть)».

М ы у нэр бэрэ д э х э щ т / /
д э х э н досл. «Этот дом —
имеющий долго быть краси-
вым (есть)»

М ы р а п э р э щ т / / а п э р э н
досл. «Этот—имеющий быть
первым (есть)»

М ы р щ ы с ы щ т / / щ ы с ы н
досл. «Этот—имеющий сидеть
(есть)»

М ы р т х э щ т / / т х э н досл.
«Этот — имеющий писать
(есть)».

Различие между формой будущего времени на *-щт* и формой будущего времени на *-н* Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф видели в том, что первое, которое они именуют «будущим пер-

вым или фактическим», выражает «реальное действие в будущем», тогда как второе, которое те же авторы называют «будущим вторым или необходимым», передает «нереальное, но необходимое или предполагаемое действие в будущем, или такое реальное действие, которое не безразлично — нежелательно или желательно — для говорящего»¹⁰.

Анализируя это положение, Ю. А. Мухамеджанов не без основания указывает на неправомочность квалификации будущего I в качестве «реального будущего», потому что оно выражает не «реальное действие», а «действие предполагаемое»¹¹. Ю. А. Мухамеджанов держится мнения, согласно которому форма будущего времени на *-щт* «в отношении осуществления предполагаемого действия носит утвердительный характер»¹². Далее он отмечает, что форма будущего времени на *-н* «выражает обусловленность»¹³. М. А. Кумахов называет будущее на *-щт* «будущим категорическим»¹⁴.

Касаясь вопроса хронологии будущих времен, М. А. Кумахов пишет, что форма будущего времени на *-щт* сложилась «после распада общеадыгского языка — основы», а форма будущего времени на *-н* народилась «в эпоху общеадыгского языкового единства»¹⁵. В то же время он не считает бжедугский суффикс будущего времени *-т* «исходным»¹⁶.

Категория числа

Категория числа несет в себе выражение различных понятий: а) понятия количества называемых субъектно-объектным именем носителей бытийного признака предмета; б) понятия соотношенности называемого предикативным именем или глаголом бытийного признака предмета с тем или иным количеством его носителей.

Такая характеристика категории числа означает, что этот структурный признак присущ как именам, так и глаголам. Однако категория числа своеобразна и своеобразно обслуживает не только разные части речи, но и разные грамматические

¹⁰ Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка, с. 339.

¹¹ Мухамеджанов Ю. А. Будущие времена в адыгейском языке. — «Ученые записки» Адыгейск. НИИ. Т. II. Майкоп, Адыгейск. кн. изд-во, 1963, с. 125.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков, с. 214.

¹⁵ Там же, с. 213, 215.

¹⁶ Там же, с. 215.

группировки слов внутри одной и той же части речи, обнаруживая порой больше общих черт сходства в разных частях речи, нежели в разных грамматических состояниях слов внутри одной части речи.

Конституирующими элементами категории числа в системе субъектно-объектных имен (т. е. имен в их грамматическом субъектно-объектном состоянии) служат две грамматические формы и их грамматические значения: а) отмеченная отрицательным аффиксом несинтаксическая грамматическая форма ед. числа и ее несинтаксическое (номинативное) грамматическое значение единичности; б) обладающая положительным аффиксом несинтаксическая грамматическая форма мн. числа и ее несинтаксическое (номинативное) грамматическое значение множественности.

В силу этой своей специфики категория числа в системе субъектно-объектных имен является несинтаксической (номинативной) грамматической категорией. Числовые формы имен субъекта и объекта служат средством обнаружения количественных отношений предметов, средством их названия.

В качестве компонентов категории числа в системе предикативных имен и глагола выступают две грамматические формы и их грамматические значения: а) характеризуемая отсутствием специальных показателей синтаксическая грамматическая форма ед. числа и ее синтаксическое грамматическое значение единичности; б) имеющая специальный положительный аффикс синтаксическая грамматическая форма мн. числа и ее синтаксическое грамматическое значение множественности.

Следовательно, категория числа в системе предикативных имен и глагола может быть квалифицирована как словоизменятельная синтаксическая грамматическая категория. Числовые формы предикативных имен и глагола фиксируют синтаксические свойства слов, отражают виды их связей с другими словами в контексте речи и, следовательно, являются формами согласования.

Объединение названных оппозиционных грамматических форм и грамматических значений происходит на базе общей идеи числа, являющейся родовым понятием по отношению к видовым значениям компонентов структуры категории числа.

Категория числа — структурный признак именных и глагольных слов, но числовые противопоставления присущи не всем входящим в эти классы словам.

По наличию или отсутствию числовых корреляций именные слова делятся на две группировки:

1) Имена, характеризующиеся числовыми корреляциями. Такие имена в ед. числе оформляются нулевым показателем единичности, а во мн. числе — показателем множественности *-хэ-*. При этом имена в их субъектно-объектном состоянии маркируются суффиксом *-хэ-* (*nalo- хэ-р* «шапки», *чылэ-хэ-р* «аулы» и т. д.), но они же в их предикативном состоянии снабжаются тем же суффиксом без огласовки (*nalo-х* досл. «шапки (суть)», *чылэ-х* досл. «аулы (суть)» и т. п.). Таким образом, для имен данной группировки характерно выраженное противопоставление ед. и мн. числа.

2) Имена, не имеющие числовых противопоставлений. К ним относятся: а) слова, называющие небесные светила: *тыгъэ* «солнце», *мазэ* «луна»; б) слова, знаменующие видимую над землей атмосферу, разноцветную полосу на небесном своде и т. п.: *уашъо* «небо», *лэгъукъоис* «радуга», в) слова, указывающие на главные стороны горизонта: *къыблэ* «юг», *темыр* «север», *тыгъэкъокIыпI* «восток», *тыгъэкъохъапI* «запад» и т. д.

В адыгейском наличествуют имена, не входящие в указанные группировки, но используемые в контексте речи преимущественно в том или ином числе. И соответственно можно условно выделить:

1) Имена, употребляющиеся преимущественно в ед. числе. К ним принадлежат: а) вещественные имена: *тхъу* «масло», *щэ* «молоко», *шъоу* «мед» и т. п.; б) абстрактные имена: *пэгагъ* «гордость», *лыгъэ* «мужество», *адыгагъэ* «адыгство», *гъаблэ* «голод», *чъылэ* «холод», *зэщыгъо* «скука», *гукъау* «горе» и т. д.

2) Имена, используемые преимущественно во мн. числе. Таковыми являются имена типа *зэныбджэгъухэр* «друзья», *зэмэхъулгъэгъухэр* «свои», *зэлэгъухэр* «ровесники», *зэгъогогъухэр* «попутчики», *зэцэгъухэр* «компаньоны», *зэотэкъэгъухэр* «партнеры» и т. д.

Эргатив ед. числа используется в живой речи в значении мн. числа: *Ныбджэгъум а-Iуагъ* «Друзья сказали (что-то)». Эта особенность характерна для чемгуйского диалекта¹⁷. Встречается она и в речи абадзехов. В указанном случае налицо смысловое (не грамматическое) согласование между именем субъекта и именем предикатива. Наблюдается между упомянутыми единицами и грамматическое согласование: *Ныбджэгъум-э а-Iуагъ* «Друзья сказали (что-то)». Форма эргатива мн. числа

¹⁷ См.: Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков, с. 8.

на *-мэ* используется в бжедугском диалекте¹⁸ и является «традиционной для адыгейского языка»¹⁹. Эргатив мн. числа на *-хэмэ* (*сабийхэмэ* «дети»), который принято считать «правильно образованным» вариантом этого падежа, также присущ бжедугской речи. Что касается разновидности эргатива мн. числа на *-хэм* (*сабийхэм* «дети»), то она служит нормой для абадзехского и чемгуйского произношения.

Предикативная форма имени обоих чисел употребляется в функции обращения, и при этом она приобретает различную стилистическую маркированность. Помещенное в начале предложения предикативное имя обращения вносит в общую семантику контекста оттенок ласки, если оно сопровождается препозитивной частицей *а*: *А Пакъ, сьд уищылакIэ?* «Пак, как поживаешь?» *А сипшъашъэх, дэгъоу шъушлагъэ шъукъызэрэкуагъэр* «Девочки мои, хорошо сделали, что пришли».

Предикативное имя обращения, занимая ту же позицию, может, если оно употреблено без частицы *а*, нести в себе выражение холодной вежливости: *Пакъ, сьд уищылакIэ?* Передатчиком смыслового оттенка холодной вежливости, официального обращения к собеседнику может также дефинитный вариант патетива субъектно-объектного имени ед. числа: — *Даор, ма сомишъэ, къысэт Сурэр! (Хь. Iэшъын)* «— Дао, на (возьми) сто рублей, отдай за меня Сурэ!».

В адыгейском языке, как и в кабардинском, форма патетива мн. числа с суффиксом *-хэ-* не обязательно предполагает наличие флексии *-р*. В разговорной речи употребляется форма мн. числа с суффиксом *-хэ-* без падежной флексии *-р*: *КIалэхэ мэчъы* «Юноши спят». *Пшъашъэхэ къалэм макло* «Девушки едут в город». *КIэлэджакIохэ еджанIэм макло* «Ученики идут в школу».

Категория лица

Категория лица служит собственно грамматическим средством обнаружения отношения бытийного признака предмета к его носителю. В качестве носителя (субъекта) бытийного признака может выступать в речи: а) сам говорящий (1-е лицо), б) собеседник говорящего (2-е лицо) или в) лицо, не принимающее участия в речи (3-е лицо).

Отношение бытийного признака предмета к его носителю представляет из себя собственно грамматическое значение лица:

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка, с. 384.

отношение к говорящему — значение 1-го лица, отношение к собеседнику — значение 2-го лица, отношение к неучаствующему в речи — значение 3-го лица.

Эти значения являются частными значениями, т. е. видовыми значениями по отношению к родовому значению лица. Они одинаково указывают на отношение бытийного признака и его носителя к говорящему лицу, что и делает их однородными. Вместе с тем эти значения, будучи связаны абсолютным единством содержания, находятся друг к другу в отношениях оппозиции (1-е лицо противопоставлено 2-му лицу, а оба они — 3-му лицу) и, следовательно, образуют единство противоположностей, именуемое грамматической категорией лица.

На семантической плоскости категории лица находятся значения упомянутых трех лиц, которые служат значениями компонентов категориальной структуры категории лица — формы 1-го лица (*сэ/ло* «иду»), формы 2-го лица (*о/ло* «идешь») и формы 3-го лица (*ма/ло* «идет»). Эти формы имеют статус членов парадигмы одного слова, его грамматических видоизменений, словоизменительных форм.

Значения компонентов структуры категории лица отражают синтаксические свойства слов, а сами компоненты структуры категории лица используются в речи как способы выражения синтаксической связи глагольных слов или предикативных имен с именем агенса. По этому признаку и квалифицируется категория лица в качестве синтаксической грамматической категории.

Категория лица обслуживает слова двух частей речи — имени и глагола, но считать ее исключительно глагольной или именной категорией нельзя. Аффиксы лица одинаково маркируют в позиции главного члена (так наз. «сказуемого») слова именной и глагольной лексики. Ср.:

Слова именной лексики	Слова глагольной лексики
<i>Сэ сы-к/лэлээгъадж</i> «Я учитель»	<i>Сэ сэ-к/ло</i> «Я иду»
<i>О у-к/лэлээгъадж</i> «Ты учитель»	<i>О о-к/ло</i> «Ты идешь»
<i>Ар Ø-к/лэлээгъадж</i> «Он учитель»	<i>Ар ма-к/ло</i> «Он идет»

Отсюда видно, что категория лица в адыгейском представляет собой общепредикативную категорию, а не исключительно глагольную или именную.

Адыгейские слова именной и глагольной лексики характери-

зуются изменением по лицам как субъекта, так и субъекта и объекта. В первом случае (I) налицо одноличное (моноперсональное) изменение по лицам, во втором (II)—многоличное (полиперсональное) изменение по лицам. Ср.:

I		II	
Ед. ч.		Ед. ч.	
1. <i>сы-лыжъ, сэ-кло</i> «я старик» «иду»	1. <i>с-е-упчлыгъ,</i> «я спросил его»	<i>с-е-плъы</i> «смотрю на него»	
2. <i>у-лыжъ, о-кло</i> «ты старик» «идешь»	2. <i>у-е-упчлыгъ,</i> «ты спросил его»	<i>у-е-плъы</i> «смотришь на него»	
3. <i>∅-лыжъ, ма-кло</i> «он старик» «идет»	3. <i>∅-е-упчлыгъ,</i> «он спросил его»	<i>∅-е-плъы</i> «смотрит на него»	
Мн.		Мн. ч.	
1. <i>ты-лыжъ, тэ-кло</i> «мы старики» «идем»	1. <i>т-е-упчлыгъ,</i> «мы спросили его»	<i>т-е-плъы</i> «смотрим на него»	
2. <i>шъу-лыжъ, шъо-кло</i> «вы старики» «идете»	2. <i>шъу-е-упчлыгъ,</i> «вы спросили его»	<i>шъу-е-плъы</i> «смотрите на него»	
3. <i>∅-лыжъы-х, ма-кло-х</i> «они старики» «идут»	3. <i>∅-е-упчлыгъэ-х,</i> «они спросили его»	<i>∅-е-плъы</i> «смотрят на него»	

Изменение глагольных слов и предикативных имен по лицам префиксальное.

Категория переходности-непереходности

В русском и некоторых других языках выражение понятий переходности и непереходности имеет свои особенности. Известно, например, что русский язык не располагает специальными морфологическими средствами экспликации идеи переходности-непереходности, если не считать единственной возвратной частицы *-ся*, служащей передатчиком общего значения непереходности, делающего некоторые глаголы семантическими коррелятами переходных глаголов. Вместе с тем глаголы с частицей *-ся* образуют группу возвратных глаголов, имеющую статус семантико-словообразовательной категории. Поэтому правы те, кто считает русский язык лишенным категории переходности-не-

переходности как морфологической грамматической характеристики глагола.

В адыгейском языке, в отличие от русского и некоторых других языков, наличествует категория переходности-непереходности как морфологическая грамматическая категория. Эта категория обслуживает только слова глагольной лексики. Поэтому ее можно квалифицировать как категорию исключительно глагольную. Примеры:

Переходные глаголы Непереходные глаголы

Ащ тхылъ е-тхы
«Он пишет книгу»

Ащ джанэ е-ды
«Она шьет платье»

Ащ мылэрысэ е-шхы
«Он ест яблоко»

Ахэмэ ар а-щэ
«Они ведут его»

Ар дахэу ма-тхэ
«Он пишет красиво»

Ар дэгъоу ма-дэ
«Она шьет хорошо»

Ар ма-шхэ
«Он ест (вообще)»

Ахэр мэ-гъы-х
«Они плачут»

Правда, некоторые имена, являющиеся «отглагольными образованиями», также имеют формально выражаемое значение переходности-непереходности, но этой особенностью они обязаны общей у них с глаголами исходной лексической семантике: *Ащ тхылъ ы-тхыгъ // ы-тхыщт* досл. «Он книгу написавший (есть) // «имеющий писать (есть)». В морфологической структуре «отглагольных имен» значение непереходности не получает внешнего обнаружения: *Клалэр театрэм -кIуагъэ // -кIощт* досл. «Юноша в театр пошедший (есть) // «имеющий пойти (есть)». Собственно имена предметные, качественные и др.), составляющие абсолютное большинство в общей системе именной части речи, не заключают в себе идеи переходности-непереходности и поэтому грамматически ее не выражают.

Грамматические формы глагола, составляющие категорию переходности-непереходности, отличаются своеобразием морфологической структуры. Особенно примечательна в этом отношении форма 3-го лица, в которой лицо субъекта выражается префиксом непереходности *ма-//мэ-* (ед. и мн. ч) и префиксами переходности *е-* (ед. ч.) и *а-* (мн. ч.). Примеры:

Переходные глаголы

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>Ащ бэщыр е - у п с ы</i> «Он строгаёт палку»	<i>Ахэмэ бэщхэр а-упсы</i> «Они строгают палки»
<i>Ащ чЫгур е - ж ъ о</i> «Он пашет землю»	<i>Ахэмэ чЫгур а-жъо</i> «Они пашут землю»
<i>Ащ машэ е-тІы</i> «Он роет яму»	<i>Ахэмэ машэ а - т І ы</i> «Они роют яму»

Непереходные глаголы

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>Ар ма - д э</i> «Она шьёт»	<i>Ахэр ма - д э - х</i> «Они шьют»
<i>Ар ма - ч ъ э</i> «Он бежит»	<i>Ахэр ма - ч ъ э - х</i> «Они бегут»
<i>Ар мэ - гу щ ы І э</i> «Он разговаривает»	<i>Ахэр мэ-г у щ ы І э х</i> «Они разговаривают»

В адыгейском языке наличествует ограниченное количество переходных глаголов типа *-щэты* «простаивает», не имеющих положительных морфологических показателей 3-го лица субъекта.

Важным морфологическим признаком категории переходности-непереходности в адыгейском является также аранжировка личных префиксов субъекта и объекта в структуре двухличных глаголов: в переходных глаголах показатель лица субъекта стоит на втором месте, а показатель лица объекта — на первом (*у-с э-х ь ы* «тебя я несу»); в непереходных же глаголах личный префикс субъекта занимает первое место, а личный префикс объекта — второе место (*сы-о-упчІы* «я у тебя спрашиваю»).

Грамматические формы, служащие первоэлементами грамматической категории переходности-непереходности, не лишены и определенных синтаксических особенностей: непереходная форма принимает доминирующее участие в организации интранзитивной конструкции предложения, находясь в синтаксическом контакте с управляемым именем субъекта в патетивном падеже (*Лыжъыр мэ-чъы* «Старик спит»); переходная форма создает транзитивную конструкцию предложения вместе с управляемыми именем субъекта в эргативном падеже и именем ближайшего объекта в патетивном падеже (*Шъузым лыр е-жъо* «Женщина варит мясо»).

Переходная форма и непереходная форма своеобразны и на семасиологическом уровне: первая обозначает переход глагольного действия на ближайший объект, вторая не указывает на обращенность глагольного действия на ближайший объект.

Категория притяжательности

Грамматические формы переходности и непереходности могут иметь в адыгейском бытии как разные морфологические варианты одного слова, ср.: неперех. *ма-шхэ* «ест (вообще)» и перех. *е-шхы* «ест (что-то)», неперех. *ма-дэ* «шьет (вообще)» и перех. *е-ды* «шьет (что-то)», неперех. *ма-тхэ* «пишет (вообще)» и перех. *е-тхы* «пишет (что-то)», неперех. *мэ-ц/ыц/ы* «мнется» и перех. *е-ц/ыц/ы* «мнет (что-то)» и т. п. Таким свойством не обладают грамматические формы притяжательности. Каждая форма притяжательности — форма органической (неотчуждаемой) принадлежности и форма неорганической (отчуждаемой) принадлежности — обслуживает особый круг слов в пределах одной части речи.

Форма органической принадлежности, которая фиксирует идею неотчуждаемой принадлежности, характеризует группу слов типа *с-ы-нэ* «мой глаз», *с-ы-ныбэ* «мой живот», *с-ы-жэ* «мой рот», *с-ы-бгъэ* «моя грудь», *с-ы-гу* «мое сердце» и т. п., которые для выражения упомянутой идеи содержат специальный морфологический элемент — префикс *ы-*.

Иной круг слов обслуживает форма неограниченной принадлежности, несущая в себе обнаружение понятия отчуждаемой принадлежности. Таковы слова типа *с-и-пало* «моя шапка», *с-и-джыб* «мой карман», *с-и-чыс* «мой кисет», *с-и-джэдыгу* «мой тулуп», *с-и-квэлэм* «мой карандаш» и т. п., в которых значение неорганической принадлежности запечатлено префиксом *и-*.

Таким образом, понятие органической принадлежности и понятие неорганической принадлежности выражены в различных словах, а не в разных формах одного слова. Однако функцию передатчика этих понятий выполняют все же не слова как лексемы, а их определенные морфологические грамматические формы. Значения этих форм тоже грамматические. Поэтому создаваемая посессивными формами и посессивными значениями категория притяжательности — это морфологическая грамматическая категория. Поскольку же категория притяжательности существует и выявляется не в видоизменениях одного слова, не в его парадигме, она является неслововоизменительным структурным признаком слов.

В каждой определенной группе слов данной части речи, как

это видно из сказанного выше, дополнительная к лексическому значению слова идея притяжательности — понятие органической принадлежности или понятие неорганической принадлежности — передается одиночной грамматической формой слов, и только как семантически соотносительная пара грамматических форм разных лексических групп слов одной части речи образуют грамматические формы органической и неорганической принадлежности грамматически мыслимую категорию. Аффиксы *ы-* и *и-*, фиксирующие в словах названные значения, — не деривационные (т. е. не словообразовательные), а формообразующие, и только в силу этого своего статуса создаваемые ими семантически соотносительные грамматические формы разных лексических групп слов и их грамматические значения в совокупности оказываются подводимыми под общую рубрику грамматических категорий. Здесь мы имеем, конечно, не собственно грамматическую категорию, существующую и выявляемую в рамках единой словозменительной парадигмы слова как единицы определенного грамматического класса слов.

Носителями грамматической формы органической принадлежности и грамматической формы неорганической принадлежности являются именные слова в обоих грамматических состояниях этих слов — субъектно-объектном и предикативном, в силу чего категория притяжательности входит в список грамматических категорий именной части речи.

В кабардинском языке, ближайше родственном адыгейскому, не существует категории притяжательности: здесь налицо одно общее (не делимое на виды) значение притяжательности и соответствующая ему одна общая грамматическая форма, показателем которой служит единственный префикс притяжательности *и-*, например: *с-и-пылэ* «моя шапка», *с-и-нэ* «мой глаз» *с-и-ныбэ* «мой живот», *с-и-жъэ* «мой рот», *с-и-жыпэ* «мой карман», *с-и-бгъэ* «моя грудь» и т. п.

Существуют разные мнения о генезисе и истории категории притяжательности, но вопрос еще не получил окончательного разрешения.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДЫГЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

С развитием литературного языка, с процессом становления его норм и стилей во многом связаны характер и уровень лексикографических изданий. Словарь, по верному определению А. Франса, — «это целый мир в алфавитном порядке»¹. Отражая в словаре современный мир во всем его многообразии, составители словарей делают большое общественное дело. Об этом хорошо сказал выдающийся испанский лексикограф Б. Касарес следующими словами: «Инициаторы всех больших словарей XX века с самого первого момента стремились убедить культурные силы соответствующих стран в том, что организации, руководившие указанными работами, — Академии, Общества, Конгрессы и т. д., а также все лица, самоотверженно предложившие им свои услуги, выполняют патриотическое дело, которое в случае удачи принесет славу не только узкому кругу инициаторов и составителей, но и всей нации, поднимая его культурный престиж в глазах цивилизованного мира»².

Адыгейская лексикография явилась важнейшим средством пропаганды норм развивающегося новописьменного литературного языка. Нормализаторская роль словаря не ограничивается указанием или описанием значений лексической единицы, но охватывает и ее стилистическую характеристику. На современном этапе развития адыгейского литературного языка и разработки его норм нельзя обойтись без указания на функциональную закреплённость словарных единиц за тем или иным стилем, так как говорить вообще о норме литературного языка

¹ Франс А. Полн. собр. соч., XX, М.—Л., 1931, с. 362.

² Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 263.

теперь оказывается недостаточным, приходится выявлять и описывать стилистические нормы. Естественно, первые лексикографические работы по адыгейскому языку, как правило, ограничивались отбором лексических единиц, не выходящих за пределы нормы литературного языка. И это было правомерно, так как уровень развития самого литературного языка и адыгейского языкознания того времени не позволяли дать словам и фразеологизмам функционально-стилистическую характеристику. Поэтому попытки стилистической характеристики, предпринимаемые в некоторых из них, очень робки, стилистическое описание слов, представленное в разных словарях, зачастую носит противоречивый характер.

Нормы адыгейского литературного языка не только прослеживаются в лексикографических изданиях, но в них находят свое закрепление. Словари способствуют нормализации литературной речи, поднятию речевой культуры народа.

В лексикографических работах фиксируются лексические и некоторые грамматические нормы адыгейского литературного языка. Поэтому словари, закрепляя эти нормы, содействуют их упрочнению. При этом лексические нормы прослеживаются и находят законодательное закрепление не только в одноязычных, но и двуязычных словарях. И двуязычные словари являются нормативными, поскольку словарный материал в них излагается на литературном языке.

Адыгейская лексикографическая теория и практика строятся на основе русской лексикографической традиции, созданной работами таких ученых, как Л. В. Щерба, С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Ф. П. Фалин, А. М. Бабкин, А. П. Евгеньева и другие.

За советское время созданы словари адыгейского языка различного типа и назначения³, которые пропагандируют и распро-

³ См.: Нэмтэккьо Юсыф. Биологие терминхэмэ ягушыгаль. Краснодар, 1934; Гашъхъэмаф Д. Адыгэ орфографическэ словарь. Мыекъуапэ, 1940, 1944, 1955; Краткий русско-адыгейский словарь-справочник. Майкоп, 1955; Адыгэ орфографическэ справочник кIэкI, Мыекъуапэ, 1955; Русско-адыгейский словарь. Под редакцией Х. Д. Водождокова, М., 1960; ХъатIэнэ А. А., КIэрэщэ З. И. Адыгэбзэм изэхэф гушыгаль. Мыекъуапэ, 1960; ЗекIогъу У., Мыхъамэдженэ Ю., Одэжьдэкъо Хъ. Адыгэ орфографическэ гушыгаль. Мыекъуапэ, 1968; Тхъаркъяухъо Ю. Адыгэ синоним гушыгаль кIэкI. Мыекъуапэ, 1969; Краткий русско-адыгейский словарь (для начальной школы), (Составители словника Брантов Ш. И., Удовиченко Д. М. Перевод с русского Шаззо К. Г. Научный редактор и автор принципов составления словарных статей Блягоз З. У.), Майкоп, 1973; Адыгейско-русский словарь. Под редакцией Ж. А. Шаова, Мыекъуапэ, 1975; Тхъаркъяухъо Ю. А. Адыгэбзэм ифразеологизмэ гушыгаль. Мыекъуапэ, 1980; Меретуков К. Х. Адыгейский топснимический словарь. Майкоп, 1981; и др.

траняют нормы молодого адыгейского литературного языка.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, особенно со времени создания Адыгейского научно-исследовательского института, в Адыгее заметное развитие получают изучение фонетического и грамматического строя адыгейского языка и лексикографическая работа.

Активизация общественно-политической жизни народа, развитие науки, техники, а также народного образования сопровождались значительным пополнением адыгейского языка новыми терминами. Заимствование являлось основной базой для образования и развития терминологического фонда адыгейского языка. Поэтому, чтобы помочь происходящему процессу сложения терминологической системы быстро развивающегося языка, необходимо было разобраться в потоке заимствований, определить, какие термины вместе с обозначаемыми им понятиями можно и нужно заимствовать, а какие понятия можно и нужно передавать средствами родного языка. Важное значение имело и объяснение значений новых терминов на адыгейском языке. Этой цели служила словарная работа. «Составление словарей, — отмечал еще тогда Ю. К. Намитоков, — является одним из важных мероприятий, требующих ускоренного решения в области языкового строительства»⁴.

«Терминологический словарь по биологии», составленный Ю. К. Намитоковым, включает в себя 721 термин. Перевод биологических терминов с русского языка на адыгейский сопровождается толкованием их значений на адыгейском языке, что, естественно, способствует освоению новых терминов учителями и учащимися.

Русские и интернациональные термины, приводимые в Словаре, поданы в алфавитном порядке. В тех случаях, когда в адыгейском языке нет эквивалентных им терминов, биологические термины в адыгейской части словарной статьи повторяются в адыгейской транскрипции, что означает: данные термины заимствованы или могут быть заимствованы адыгейским языком: *аорта* — *Гаорта*, *аппендикс* — *Гаппендикс*, *бактерии* — *бактерхэр*, *витамины* — *витамихэр*, *гемоглобин* — *гемоглобин*, *дарвинизм* — *дарвинизм*, *имунитет* — *имунитет*, *углеводы* — *углеводхэр*, *экология* — *Тэкология* и другие.

Автор не ограничился транскрипцией собранных им биологических терминов. В ряде случаев (когда имеется такая возможность) он к русским и иностранным терминам подобрал адыгейские эквиваленты: *жабры*—*жалэхэр*; *желток*—*КлэнкIэ*

⁴ НэмтIэкъо Юсыф. Биологие терминхэмэ ягушыIалъ, с. 3.

кугъу, желудочный сок—нэгъуис, желчь—ззыис, кожа — шъо, мышцы—лъыпцэхэр, печень—шлу, почка—жъэжъьер, сердце — гур, слепая кишка—кIэтIый нэшъу, спиной мозг—тхы къуп-игъхэ куцIыр, сухожилия—фэхэр, удобрение—чIыгъэшлуныр, уродства—сэкъатныгъэхэр, усики—пэкIэ цIыкIухэр, ушная се-ра—тхьакIум цуй, чешуя—пIоны, шерсть—цы, язык—бзэгу и некоторые другие.

В отдельных случаях Ю. К. Намитоков те или другие термины переводит на адыгейский язык или калькирует их: вид — лIэужыгъу, водоем—псытыпI, выводковые птицы—къыращырэ къолэбзыухэр, дробление — ужъгъэиныр, дыхальце — жьыкъэщанI, жабренная крышка — жэлашгъхь, живорождение—псаурыхъу, жизненная сила—цыIэныгъэ кIуачI, кровеносная система — лъыр зэрыкIорэ систем, мочеточник — гъутхьапскIуанI, пищевод — гъомлэпхъэчый, покровительственная окраска — къэзыухъумэрэ шъор, размножение — бэгъон, самооплодотворение — ежь-ежьырэу чъэжъырэр, семя — кIэлапхъ, спячка — чъые, яйцевод — кIэнкIэкIуанIэ и некоторые другие.

Усвоению биологических терминов адыгейским языком способствовало и то, что автор научно верно и то же время доступно для массового читателя характеризует каждый термин. Толкование термину дается во всех случаях: и тогда, когда термин заимствуется, и тогда, когда подбирается к нему адыгейский эквивалент или кальку. Примеры:

Моногамия — моногамия псэушгъхэхэмэ яхъурэ ябзырэ язакъоу зэдэпсэхэмэ ары. БиологиэмкIэ моногамия зыфалорэр зэлIы-зэшъузыр ары. (н. 38).

Пищевод — гъомлэпхъэчый — жэкIоцIым шыублагъэу нэгъум нэсыфэкIэ гъомылапхъэр зэрыкIоу, къурбэкъэеу жьы къызэращэрэм ыкIыбы щыль чыеу псэушгъхэми, цIыфыми ахэ-лъыр ары. (н. 44)

До войны, в 1940-м году, выходит «Адыгэ орфографическэ словарь», составленный Д. А. Ашхамафом⁵ После войны, в 1955-м году, издается «Адыгэ орфографическэ справочник кIэкI. ГушыIэ зэхэлъхэмэ ятхыкI» («Краткий адыгейский орфографический справочник. Сложносоставные слова»), ставящий задачу показать правописание сложных слов⁶ Справочник был адресован работникам книжного издательства. Оба словаря — краткие и охватывают небольшую часть общепотребительной в книжной речи лексики. В них, естественно, лексика не рассматривается в плане ее функционально-стилистического расслоения. Они представляют интерес с точки зрения формирования

⁵ См.: Д. Ашъхэмаф. Адыгэ орфографическэ словарь.

⁶ См.: Адыгэ орфографическэ справочник кIэкI.

и закрепления лексических норм молодого новописьменного адыгейского литературного языка, поскольку в них представлены слова, наиболее употребительные в письменно-литературных стилях адыгейского литературного языка.

В 1955-м году увидел свет также «Краткий русско-адыгейский словарь-справочник», составленный М. Х. Шовгеновым и А. М. Гадагатлем⁷ Словарь-справочник является переводным, тем не менее его адыгейская часть содержит пометы, представляющие интерес с точки зрения стилистической интерпретации некоторых исконно адыгейских и заимствованных слов. Так, авторы, передавая значение русского слова при помощи синонимичных им адыгейских слов, иногда указывают на диалектную принадлежность одного из синонимов: **зонт** — шатыр, шамсый (*бжед.*); **сапог** — щазымэ, шырыкъу (*тем.*); чувал — дзыо, къапшыкъ (*абадз.*); смола — мыстхъу, къэтран (*шанс.*).

Используется в словаре-справочнике и такая стилистически значимая помета, как *устар.* (устаревшее): **Буква** — букв, хьарыф (*устар.*). **Каска** — каск, тандж пау (*устар.*). **Союз** — зэгъусэхэр, зэготхэр, союз зэдызиIэхэр, зэцэйхэр (*устар.*). **Переводчик** — зэдзэкIакIо, тэлмаш (*устар.*).

Авторы противопоставляют терминологическое и бытовое использование слова: **Якорь** — 1. (*морск.*) гъурз; 2. (*быт.*) лыкъу. **Ярмо** — 1. (*быт.*) бжьы; 2. (*полит.*) къин, а иногда указывают и на жанровое различие терминологического употребления адыгейских слов, эквивалентных разным значениям русского или интернационального слова: **отражать** — 1. (*лит.*) къыщыгъэлъэгъон; 2. (*воен.*) зэкIэдзэжьын.

В рассматриваемом словаре-справочнике довольно последовательно показано соотношение адыгейского слова и русского заимствования как бытовое и терминологическое. Если русское или интернациональное слово в своем терминологическом употреблении заимствуется адыгейским языком, то отдельные значения того же слова, связанные с бытом, передаются средствами адыгейского языка: **Рассказ** — 1. (*лит.*) рассказ; 2. (*быт.*) къэбар. **Развитие** — 1. хэхьоныгъ; 2. (*филос.*) развитие. **Соглашатель** — дегъэштакIо, соглашатель (*полит.*). **Вещество** — 1. (*быт.*) пкъыгъо, 2. (*хим.*) вещество. **Договор** — 1. (*быт.*) зээгъыныгъ, къэрар; 2. (*документ*) договор. **Ладан** — 1. (*религ.*) ладан, 2. хъунгу (*устар.*).

Адыгейские названия многих географических объектов, как представлено в словаре-справочнике, используются в обиходно-бытовой речи, тогда как русские названия тех же объектов ис-

⁷ См.: Краткий русско-адыгейский словарь-справочник.

пользуются в книжно-литературной речи на уровне терминологического употребления: **Армавир** — 1. (*геогр.*) Армавир; 2. (*быт.*) Ермэлхьабл. **Крым** — 1. (*быт.*) Кърым, 2. Крым (*геогр.*). **Сибирь** — 1. (*быт.*) Сыбыр, 2. (*геогр.*) Сибирь.

В Словаре-справочнике противопоставляются не только производные варианты одного и того же слова, но и разные слова-наименования отдельных городов. И здесь за исконно адыгейским словом признается право его использования в быту, а заимствованное слово функционирует в книжной речи в качестве термина: **Кубань** — 1. Пшызъ 2. (*геогр.*) Кубань. **Лабинск** — 1. (*геогр.*) Лабинск, 2. (*быт.*) Чэтыун.

В «Русско-адыгейском словаре», составленном коллективом авторов в составе: Аутлева М. Г., Гадагатля А. М., Даурова Х. Б., Зекоха У. С., Тхаркахо Ю. А., Хоретлева А. С., Шартана Х. У при участии Шадже М. Ч. и Джанчатова М. Х.⁸, представлен перевод наиболее употребительной русской лексики на адыгейский язык. Адыгейская часть словаря не содержит стилистических характеристик, если не считать пометы *уст.* (устаревшее) к некоторым адыгейским названиям ряда городов, рек и стран: **Армавир** г. Армавир, *уст.* Ермэлхьабл къ. (с. 1049); **Белореченск** г. Белореченск, *уст.* Шытхьалэ къ (с. 1050); **Кисловодск** г. Кисловодск, *уст.* Нартсан къ (с. 1052); **Новороссийск** г. Новороссийск, *уст.* Цэмэз къ (с. 1054); **Волга** р. Волга, *уст.* Индыл *ис* (с. 1050); **Дон** р. Дон, *уст.* Тен *ис*. (с. 1051); **Египет** Египет, *уст.* Мысыр (с. 1050); **Сирия** Сирие, *уст.* Шам (с. 1055); **Турция** Турцие, *уст.* Тыркуй (с. 1056); **Кавказ** Кавказ, *уст.* Юдышь (с. 1051). Правда, избранный принцип не всегда выдерживается, не всегда пометой *уст.* отмечаются редкоупотребительные старые наименования некоторых географических объектов. Например, **Гиагинская** (станция) Джэдждэ (станция), **Гиагинский район** Джэдждэ район (с. 1051), **Крым** Къырым (с. 1052) и др.

В 1960 году вышел «Толковый словарь адыгейского языка» А. А. Хатанова и З. И. Керашевой. Объясняя структуру словарной статьи Словаря, авторы отмечают, что «за основным словом обычно следует грамматическая и стилистическая характеристика»⁹. Раскрывая содержание, вносимое в понятие «стилистика», авторы указывают на то, что «при словах, нуждающихся в той или иной стилистической характеристике, даются особые пометы»¹⁰. Далее приводятся

⁸ См.: Русско-адыгейский словарь.

⁹ ХьэтIэнэ А. А., КIэрэщэ З. И. Адыгабзэм изэхэф гушыгаль, с. XII.

¹⁰ Там же, с. XIII.

«стилистические» пометы, используемые в Словаре. «Пометой *«жъыгъэ»*, — пишут авторы, — обозначаются старинные, редкоупотребительные в современном живом разговорном языке слова. Отдельную помету имеют слова с пренебрежительным оттенком — *пхъэтэпэмыхь*, иронически — *кIэнакIэу*. Слова, вошедшие в словарь из различных диалектов, имеют пометы, *абадз.* (абадзехское), *бж.* (бжедугское), *шапс.* (шапсугское) Слова, употребляемые только в разговоре с детьми, имеют помету: *сабышбз* — детский»¹¹. Как видим, авторы поставили перед собою задачу — снабжать слова не так уж большим количеством помет, но и эти отмеченные пометы не всегда являются стилистическими. Как отмечено в специальной литературе, «областная окраска не входит в палитру стилистических средств, каким располагает литературный язык в каждом данном его синхронном состоянии»¹². Помета *жъыгъэ* «устаревшее» также указывает не столько на стилистическую прикрепленность слова, сколько на историческую перспективу. Вообще, характеристика лексических единиц с помощью предложенных помет проводится в Словаре непоследовательно. Так, многие устаревшие слова, приводимые в Словаре в качестве вокабулы, не отмечены пометой *жъыгъэ* «устаревшее»: *азанджанI* «минарет» (с. 4), *азат* «вольнотпущенник» (с. 4), *ашрай* «ашрай» (с. 11), *ашъо* «кольчуга» (с. 12), *джэрджэр* «воля» (с. 164), *мэIу* «шит», *тенджыз* «океан» (с. 531), *токъумэкъу* «булава» (с. 540), *хас* «съезд» (с. 599), и другие, тогда как этой пометой обозначены некоторые еще употребительные в обиходно-бытовой речи слова: *«гощнан* (гощнанэр) *жъыгъэ* ласкательное название пожилой женщины княжеского или дворянского рода при обращении» (?) (с. 51), *«фабэ* (фабэр) *жъыгъэ* суп с кусочками теста...» (с. 574) и др.

В 1968 году вышел орфографический словарь адыгейского языка, составленный У. С. Зекохом, Ю. А. Мухамеджановым и Х. Д. Водождоковым¹³. Естественно, в нем нет стилистических помет. Но следует обратить внимание на то обстоятельство, что из 15.000 слов, включенных в рассматриваемый словарь, около 400 слов имеют различного рода пояснения, данные в скобках. Эти пояснения в своем абсолютном большинстве представляют собой слова и выражения, указывающие на родовую принадлежность слова-вокабулы, являющегося в современной речи

Там же.

Гельгардт Р. Р. О стилистических категориях. — ВЯ, 1968. № 6, с. 59.

¹³ См.: ЗекIогъу Уцужьыкъу, Мыхъамэдженэ Юныс, Одэжьдэкъо Хъаджымэт. Адыгэ орфографическэ гушыгаль.

неупотребительным. Примеры: **адэ**, **адэр** (узы лъэпкъ) («вид болезни»); **ашлэгъудж**, **-джэр** (лэжьыгъэ лъэпкъ) («вид зерновой культуры»); **быльтырыку**, **-кур**, **-кухэр** (псэушъхэ лъэпкъ) («вид животного») и другие. Среди пояснительных слов имеются 109 синонимов из общеупотребительной лексики, противопоставленных словам-вокабулам как нейтральные к стилистически ограниченным. Поэтому пояснения, содержащиеся в рассматриваемом орфографическом словаре, можно считать своеобразными стилистическими пометами, указывающими на устарелость и неупотребительность слов, за которыми следуют уточняющие слова, следовательно, на ограниченность использования уточняемых слов в письменно-литературных стилях адыгейского языка. Примеры: **ичрам** (лътэныгъ) «уважение», **дэгъодаш** (щыкIагъ) «недостаток», **щаурхъ** (амал) «возможность» и другие. Среди них встречаются запретные слова, к которым даются эвфемизмы, выступающие в качестве пояснительного слова: **мэзыхъ** (тыгъужъ) «волк», **дэхэужьы** (ужьы) «ласка».

Синонимы тесно связаны со стилистическим расслоением лексики языка. В «Кратком словаре адыгейских синонимов» Ю. А. Тхаркахо¹⁴ собрано более 1700 слов-синонимов, объединенных в 500 синонимических группах.

Автор словаря предпринял попытку показать в словарных статьях не только то, что объединяет и разъединяет слова, входящие в одну синонимическую группу, в семантическом плане, но и характеризовать их и в плане возможностей взаимозамены, употребления и сочетания, другими словами, в плане их стилистического использования. В качестве примера укажем на некоторые характеристики синонимов стилистического характера, приводимые в рассматриваемом словаре.

Употребительность. Отмечается, что из синонимической группы *амалынчъ*, *къулайцыз* «беспомощный» первое слово, доминанта, *амалынчъ* более употребительно (имеется в виду в литературной речи); из синонимического ряда *делэ*, *акъылынчъ*, *шъхъакъэ*, *шъхъэнкI*, *шъхъэныкъу*, *балид* с общим значением «глухой» первое слово, доминанта, *делэ* наиболее употребительно.

Ограниченность в употреблении. Определенные члены синонимической группы противопоставляются в первую очередь доминанте в плане употребительности—неупотребительности в литературной речи. Так, из синонимического ряда *лэныгъ*, *хъадэгъу*, *аджал* с общим значением «смерть» последнее слово — *аджал* более других стилистически снижено.

¹⁴ См.: Тхъаркъохъо Юныс. Адыгэ синоним гушъыгъэ лэпкъ.

Синоним *хысан* выделяется своей ограниченностью в употреблении среди его синонимов *гухэлъ, мурад, лъэгъун, хысан* с общим значением «намерение».

Ограниченность в употреблении того или иного слова иногда связана и с возрастом говорящего. Так, из двух синонимов *ни-тлунэшъу, хьафиз* «слепой» второе слово (*хьафиз*) реже встречается в устах молодого поколения. Это слово чаще всего употребляется именно людьми пожилыми, старыми.

Устарелость. Ограниченность в употреблении часто связана с устарелостью того или иного слова. В Словаре отмечаются слова, выходящие из употребления. Так, из синонимических пар *минут, такъикъ* «минута», *букв, хьарыф* «буква», *шлуагъэ, шэр-сэн* «характер, достоинства» вторые менее употребительны в литературной речи. Нетрудно заметить, что в подобных рядах наблюдается вытеснение ранее заимствованных слов (*такъикъ, хьарыф, шэрсэ-н*), на их место вступают новые заимствования (*минут, букв*) и исконные слова (*шлуагъэ*). Этот процесс охватил и более богатые синонимические ряды. Так, из группы синонимов *гъэшлэгъоны, шлагъо, хьэламэт, плэлъэшлагъу* последние два выделяются ограниченностью своего употребления. Естественно, ограниченностью употребления отмечены не только старые (обычно арабские, тюркские, иранские) заимствования, она характерна и для ряда исконно адыгейских слов. Например, из двух исконно адыгейских синонимичных слов *гуцаф, гурышхъу* «подозрение» второе (*гурышхъу*) менее употребительно в литературной речи.

Сочетательные возможности. В Словаре отмечено сочетательное ограничение тех или иных членов синонимического ряда. Так, из синонимической группы *сысын, хьыен, хъублэблэн, усэсэн, уцлэлэн, ушъошъон, тхытхын, тхьон, хъупшлэшлэн, пцлыхъохъон, клэзэзын, тлыгурыгун, зэзэн, лъэпэрэпэн, клэрэон, клэрэрэн, олъэн, утэлъэн, утэрэлъэн, плэтлэрэон* с общим значением «покачиваться» слово *усэсэн* сочетается со словами, обозначающими жидкообразную густую массу, *тхытхын, тхьон, хъупшлэшлэн, пцлыхъохъон, плэтлэрэон* — только со словами, обозначающими живые существа. Слово *къуапцлэ* выделяется из синонимической группы *шлуцулэ, лыцлагъэ, къуапцлэ, къарэ* с общим значением «черный, чернявый» тем, что в отличие от других синонимов оно употребляется преимущественно к человеку, поэтому сочетается со словами, обозначающими человека. Из синонимичных слов *федэ, чар* «выгода» последнее слово употребляется преимущественно со словами, выражающими имущество.

Сочетательные ограничения иногда предопределяются грамматическими характеристиками синонимичных слов. Так, из си-

нонимической группы *кIэтхъун, кIэлэн, ечъэжъэн, илъын, зыдзын, зыкIырыун* с общим значением «побежать» три слова (*кIэтхъун, кIэлэн, зыдзын*) требуют постановки управляемого ими имени в эргативном падеже, а синонимичные им другие слова (*ечъэжъэн, илъын, зыкIырыун*) сочетаются только с именами, выступающими в именительном падеже. Ср.: *Шъэожъыем кIитхъугъ, кIулагъ, зидзыгъ, но Шъэожъыер ечъэжъагъ, илъыгъ, зыкIырыугъ* «Мальчик побежал».

Грубость. Слова, отмеченные грубостью, как правило, стилистически снижены, поэтому они менее употребительны в письменно-литературных стилях, их обычное место — обиходно-бытовая речь. В рассматриваемом Словаре отмечены синонимы, начиненные оттенком грубости. Так, в синонимической группе *нэпэнчъ, нэпэтех, пьдзаф, укIытэнчъ, бзэджэрылъф, джэгуалъ, сэрадж* с общим значением «бессовестный» выделяются грубоватостью своего выражения три слова: *бзэджэрылъф, джэгуалъ, сэрадж*. Особо отмечается неупотребительность в литературной речи слова *бзэджэрылъф*. Из синонимического ряда *егъэпщынын, кIэхэхын, егъэбжымын, къегъэжын, къылуфын* с общим значением «наказать» выделяются последние три слова как грубые и поэтому менее употребительные.

Модальность. Выражение отношения говорящего к содержанию высказывания — важная составная часть семантико-стилистической структуры слова. В Словаре отмечены синонимы, обладающие некоторой модальной окраской. Например, рассматривая синонимическую группу *зэтехын, зэкIэхын, зэкIэкъын* с общим значением «раскрыть», автор отмечает, что последний синоним (*зэкIэкъын*) выражает отрицательное отношение говорящего к содержанию высказывания. Такой же модальной окраской отмечены и последние слова следующих синонимических рядов: *ехъопсэн, енэцIын, енэгъоплъэн* с общим значением «позавидовать кому-л.», *зыщылъэтын, зыщыхъушъутын* с общим значением «вскочить».

Стилистическая закреплённость. Стилистическая окраска слова лежит в основе распределения лексических единиц между функциональными стилями. В Словаре предпринимается попытка квалифицировать те или иные слова в плане принадлежности их к функциональным стилям. Незаработанность вопросов функциональной стилистики адыгейского языка и, как следствие, отсутствие четких критериев выделения стилей языка, недифференцированность функциональных стилей адыгейского языка предопределили и характер стилистической квалификации лексических единиц. Как известно, автор Словаря ограничивается указанием на отнесенность того или иного сло-

ва к книжной или обиходно-бытовой речи. Так, стилистическая характеристика, даваемая членам синонимической группы *зэбгырычъын*, *зэбгырыхъушъутын* с общим значением «разбежаться», ограничивается указанием на большую употребительность слова *зэбгырычъын* и на меньшую употребительность синонима *зэбгырыхъушъутын* в книжной речи.

Чтобы продемонстрировать характер стилистической квалификации членов синонимических рядов, представленной в рассматриваемом Словаре, приведем еще два синонимических ряда с характеристиками входящих в них синонимов. Так, рассматривая синонимический ряд *ехъырэхъышэн*, *еджэнджэшын*, *фэгуитлун* с общим значением «сомневаться в чем-л.», автор отмечает, что слово *ехъырэхъышэн* наиболее употребительно, чаще других используется, а его синоним *еджэнджэшын* — менее употребительно. Синоним же *фэгуитлун* еще больше уступает другим по своей употребительности и не в состоянии всегда заменять другие синонимы в контексте.

Члены синонимического ряда *гуцыл*, *жэдэкл*, *псалъэ* с общим значением «слово» различаются тем, что слово *гуцыл* чаще других используется в речи, слово *жэдэкл* — малоупотребительно, а их синоним *псалъэ* характернее для книжной речи.

Краткий русско-адыгейский словарь (составители словника Брантов Ш. И., Удовиченко Д. М., перевод с русского Шазо К. Г., научный редактор и автор принципов составления словарных статей Блягоз З. У.)¹⁵ содержит перевод наиболее употребительной в начальной школе русской лексики на адыгейский язык.

«Адыгейско-русский словарь», составленный Водождоковым Х. Д., Зекохом У. С., Меретуковым К. Х., Мухамеджановым Ю. А., Тхаркахо Ю. А., Хагундоковой Т. Ц., вышел в 1975 году¹⁶ В нем представлена основная общеупотребительная лексика адыгейского литературного языка. Перечень помет, использованных в рассматриваемом словаре, свидетельствует о том, что в нем ведущее место занимает терминологическая лексика, характерная для письменно-литературных стилей: анат. (анатомия): *жъэжъый* «почка», *кIыпкъ* «поясница», *лъынтфэишху* «артерия», *тхъакIум* «ухо»; археол. (археология): *неолит*; архит. (архитектура): *бгыкъушху* «прогон (опорная балка)», *портал*; астр. (астрономия): *комет* «комета», *орбит* «орбита», *планет* «планета»; бот. (ботаника): *бжыдзэггалIэ* «полюнь» *бзамэ* «мышей», *енэб* «папоротник», *ежъашхъо* «лебедя», *къэлар* «черемша», *къэцы* «осот», *блэкъэбы* «ханка»; воен. (военный

¹⁵ См.: Краткий русско-адыгейский словарь (для начальной школы).

¹⁶ См.: Адыгейско-русский словарь.

термин): *ефрейтор, лейтенант, миномет, плац, полигон*; г р а м. (грамматика): *падеж*; ж. д. (железнодорожное дело): *плац-карт «плацкарта», дрезинэ «дрезина», перрон, стрелочник, тамбур*; зоол. (зоология): *жираф, мамонт, медуз «медуза», дэмбай «зубр»*; иск. (искусство): *лезгинк «лезгинка», карнавал, статуй «статуя»*; и с т. (исторический): *аталыкъ «аталык», (къэ-латыр «штабель дров», лишенец «лишенец», ллакьу «род», маитэ «бердыш», пчы «пика», феодал, феодализм*; кул и н. (кулинария): *лаваш, кагор, лангет, лэпсы «мясной бульон», пашетт, плов, тэджэпс «опара»*; лин г в. (лингвистика): *артикуль, диалект, дифтонг, лексиколог, лексикограф, морфем «морфема», омоним, пычыгъу «слог», транскрипцие «транскрипция»*; лит. (литературоведение): *классицизм, куплет, новелл «новелла», персонаж, прототип, символизм, трагизм*; м а т. (математический): *дифференциал, дробь, логарифм, синус, теорем «теорема»*; м е д. (медицина): *атеросклероз, коклюш, диспансер, нэк/эбыдз «ячмень»*; м о р. (морское дело): *кортик, миноносец «миноносец», дрейф, лоцман, мачт «мачта», маяк, трап, флагман*; м у з. (музыка): *арие «ария», либретт «либретто», мандолин «мандолина», сопран, сырын «дудка», тенор*; пол и т. (политический термин) *коалицие «коалиция», кадет, либерал, либерализм, манифест, национализм, пакт, расизм*; р е л. (религия): *инджыл «евангелие», бирам «байрам», культ, къаймэт «загробная жизнь», муазин «муэдзин», мыслъымэн «мусульманин»*; с. х. (сельское хозяйство): *къэрсэбан «зябрь», лобогрейк «лобогрейка», мелиорацие «мелиорация», ферм «ферма»*; спорт. (физкультура и спорт): *кий, клюшк «клюшка», матч, теннис, футбол, футболист*; т е а т р: *премьер «преьера», суфлёр, партер, сцен «сцена»*; т е х. (техника) *лифт, домкрат, локатор, манометр, машин «машина», динамо, мотор, насос, пресс, скрепер, спидометр, станок, угломер*; ф а р м. (фармацевтический термин): *касторк «касторка», пирамидон, морфий*; ф и л о с. (философия): *диалектикэ «диалектика», материализм, материе «материя», механизм, надстройк «надстройка», позитивизм, практицизм», рационализм*; ф и н. (финансовый термин): *дебет, сэрэбырэ «гривенник»*; ф о т. (фотографическое): *диапозитив, негатив*; х и м. (химия): *кобальт, кальций, лакмус, марганц «марганец», неон, радий, реакцие «реакция», суперфосфат, углерод, фосфат, фосфор*; ю р. (юридический термин): *кассацие «кассация», прокуратур «прокуратура», процесс.*

В словаре встречаются и другие сокращенные пометы, которые не попали в «список условных сокращений»: полигр.: *клише, монотип, картографие «картография», оттиск, петит, печатник*; ав. *пилот, пилотаж, планер, планеризм, пропеллер*;

геогр.: *рельеф, пик, полюс*; физ.: *полупроводник, спектр, оптика* «оптика», *протон*; бух. *пассив*; и некоторые другие.

Некоторые слова снабжены несколькими пометами, что связано с многозначностью и различными функциональными возможностями слова: **Формализм** *филол., иск., лит.* формализм; **фрагт** *мор., торг.* фрагт; и т. д.

Терминологическая лексика, отмеченная в словаре, в своей основной части состоит из русских заимствований, употребительных в книжной разновидности языка. Правда, пометы проставлены непоследовательно. Так, например, заимствованное слово *пассив* отмечено пометой *бухг.*, но противопоставляемое ему слово *актив* не имеет никакой пометы. Слово *дебет* отмечено пометой *фин.*, но в стилистическо-терминологическом отношении равноценное ему слово *кредит* отсутствует в словаре.

Для указания на устную разновидность языка используются некоторые пометы: *уст.* (устаревшее слово), *фольк.* (фольклор), *разг.* (разговорное слово), *детск.* (детское), *неодоб.* (неодобрительно), *эвф.* (эвфемизм).

Большой слой лексики отмечен как устаревший: *азат* «вольнотпущенник», *бырамыты* «беглый раб», *бэджэнд* «аренда», *гээрриб* «чужестранец», *джэмэхьат* «квартал», *кэээр* «скупой», *кээлат* «кремневый пистолет», *кээлэсэрай* «дворец, замок», *ларкэ* «хоккей», *мэчанэ* «помещение», *саугэз* «подарок», *саугээт* «памятник», *Урысый* «Россия», *хьыкум* «суд», *шыхьарэ* «город», *Индыл* «Волга», *Шам* «Сирия» и другие. Правда, без этой пометы в словаре остались ряд действительно устаревших слов: *абэ* «аба», *аишо* «кольчуга», *бзалэ* «колчан», *табыумэ* «пожалуйста», *тазыр* «штраф», *хьардж* «расход», *шээхьахь* «гонимый, вестник» и некоторые другие.

Выделены в словаре отдельные слова, прикрепленные к фольклорной речи: *джэманцарыкэ* «джоманшарик (конь сказочный)», *мэзгуац* «мезгуаш (в адыгейской мифологии: богиня растительности и плодородия)», *лээншэ* «тлепш (в адыгейской мифологии: бог кузнечного дела)», *нэгьучлыц* «баба-яга», *нарт* «нарт (в народных преданиях: человек, принадлежащий к богатейшему племени нартов)», *псыхьогьуац* «русалка», *пшыс* «сказка», *дул-дул* «дуль-дуль (мифический конь)». Не все слова, характерные для фольклорной речи, отмечены в словаре. Например, такие слова, как *джанцэрэхэ* «джаншерих (тяжелое перекатываемое орудие нартов в виде большого колеса с режущими лопастями; сказочное колесо)», *таурыхэ* «предание, быль», *джынджыф* «джинджиф (сказочная порода лошадей)», встречаемые преимущественно в сказках, не имеют соответствующей пометы.

В плане функционально-стилистического расслоения литературного языка большой интерес представляет помета *разг.* Но этой пометой отмечено в словаре, как ни странно, не адыгейское слово, а русское заимствование *поп*. Слово *поп* является разговорным в русском языке, но не в адыгейском.

Пометы *кІэн.* (кІэнакІэу «иронически»), *пхъэтэп.* (пхъэтэп-мышь «пренебрежительный»), *сабыибз* «детский», о которых говорится в словаре, стилистически значимы, но ими отмечены только единичные слова.

Стилистика считается «молодым» разделом языкознания. Это утверждение еще в большей степени верно относительно новописьменных языков, в которых выделению лингвистической стилистики как науки мешала, кроме всего прочего, и слабая функциональная расчлененность последних. За годы Советской власти не только созданы литературные языки, но заметно расширились их функции, естественным последствием чего явились стилистическое расслоение, специализация языковых средств для обслуживания определенных сфер общения, закрепление тех или иных лексических и грамматических средств за определенными языковыми стилями. Следовательно, появилась возможность стилистической интерпретации языковых фактов. Претворяя в жизнь эту возможность, адыгейское языкознание за последние десять лет сделало заметный шаг в исследовании проблем стилистики, что начинает положительно сказываться и на стилистической характеристике лексики, на словарях. Первая попытка более или менее полной стилистической характеристики словарных единиц — фразеологизмов предпринята во «Фразеологическом словаре адыгейского языка»¹⁷

Все слова языка подразделяются на нейтральные и стилистически окрашенные. Нейтральные слова в словаре не сопровождаются стилистическими пометами. Среди стилистически окрашенных слов выделяются противоположные полюса — книжные и обиходно-бытовые пласты лексики, которые отмечены в словаре специальными пометами: *къ* (обиходно-бытовые слова) и *тх* (книжные слова). Среди обиходно-бытовых слов представлены и такие просторечные слова, как *ныбэшъоузы хъун* «давиться от смеха», *ыцэ Іууигъэчыщт* «скупой», *дунаир тегъэхъыкІын* «осыпать ругательствами», *дунаим ехыжьын* «отправиться на тот свет», *ишыкІэ машо егъэугъ* «торопливый», *кукуум игъыбзэ къещэхын* «жалобиться», *ытхъабылыпчэ пызын* «печалиться» и многие другие. Книжностью отмечены такие фразеологизмы, как

¹⁷ См.: Тхъаркъуахъо Ю. А. Адыгабзэм ифразеологизмэ гушчыгаль.

зао ешлылэн «воевать с кем-л.; пойти войной на кого-л.», *зэхэ-шлыкыр нэсын* «дойти умом», *иклынлэ фэгэотын* «найти выход», *шлошэхъуныгээ фырилэн* «верить кому-л.», *лэапсэ фэшлын* «обосновать», *пэрыхъу фэхъун* «оказать сопротивление», *текло-ныгээ кбыдэхын* «одержать победу» и многие другие.

В словаре отмечены пометой *х* (стиль литературно-художественной речи) ряд фразеологизмов, наиболее употребительных в художественной литературе: *бгээм дэфэжсьырэн* «полон чем-л.», *гур кбытеофэ* «пока стучит сердце», *жыым зэрихъан* «ликовать», *нэклэ кээдзыхъан* «охватить глазом (взглядом)» и другие.

Таким образом, в рассматриваемом словаре предпринята попытка распределить стилистически отмеченные фразеологизмы между функциональными стилями адыгейского языка. Правда, фразеологизмы, относящиеся к газетно-публицистическому стилю и стилю научной и педагогической литературы, даны недифференцированно, отмечена только их принадлежность к письменно-литературным стилям, к книжной разновидности языка.

В «Адыгейском топонимическом словаре» К. Х. Меретукова нет стилистических помет. Но абсолютное большинство представленных в нем топонимов употребительнее в обиходно-бытовом стиле. Это такие названия географических объектов, как *Абадзэм ишэхъал зыттыгээр*, *Алый инсэялэ*, *Батлыжэ ихъуат*, *Ислэам инсын*, *Кээсэй шклыгъу* и многие другие, которые не имеют русских параллельных наименований, а также старинные наименования современных русских поселений, как *Абадзэхэ-хъабл* «ст. Абадзехская», *Грунэхъабл* «ст. Гривенская», *Жыы-убгъу* «Джубга», *Псыфабэ* «Горячий ключ» и др. В словаре, естественно, представлены и современные общеупотребительные топонимы: *Адлер*, *Анап* «Анапа», *Апшеронск*, *Аскээлай* «Ассоколай», *Геленджик*, *Шэхъэгъуащэ* «р. Белая», *Псэкъупс*, «Псекупс», *Пшыз* «р. Кубань» и др.

На основе создания орфографических и других словарей, написания научных грамматик и школьных учебников выработались и закрепились нормы адыгейского литературного языка, что положительно сказалось и на повышении речевой культуры народа.

Дальнейшее развитие адыгейского литературного языка, становление его норм и стилей настоятельно требуют создания словарей, отражающих функционально-стилистическое расслоение адыгейской лексики на современном этапе ее развития, создания словаря, содержащего стилистическую оценку лексических единиц — слов и фразеологизмов адыгейского языка.

¹⁸ См.: Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СООТНОШЕНИИ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРЕВЕРБОВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В отличие от русского языка, имеющего превербно-предложный строй, адыгейский язык характеризуется превербно-последложным строем. Как послелог, так и превербы являются важным средством выражения различных грамматических отношений.

Превербы и послелог во многом сходны, но они имеют и расхождения в морфологическом, семантическом и синтаксическом плане.

Превербы тесно связаны с морфологией глагола, а послелог — с предшествующими именами. Превербы выражают локальные и направительные отношения вообще, тогда как послелог играют уточняющую роль в этих отношениях. Сравним, например, *КIалэр псым хэс* «Юноша (вообще) сидит в воде», но *КIалэр псы гузэгум хэ-с*. «Юноша сидит посреди воды» и т. д. Превербы, являясь приставками, сливаются с глагольными основами, а послелог представляют собой самостоятельные лексические единицы. Превербы и послелог относятся к разным словоизменительным категориям. Многие превербы в большей степени грамматикализованы, чем послелог.

Одним из наиболее важных грамматических сходств послелогов и превербов следует считать синтаксическую их соотносимость. Как известно, оба они служат для выражения различных грамматических отношений. Это обстоятельство дает возможность рассмотреть их во взаимосвязи, т. е. группировать превербы вокруг послелогов по тождеству выполняемых ими синтаксических функций.

Послелог и превербы довольно подробно освещены в спе-

циальной литературе по адыгейскому языку¹. Разработаны их морфологические, семантические и синтаксические особенности.

Однако в адыгейском языке функциональное соотношение послелогов и превербов, грамматические признаки, объединяющие и разъединяющие их, до сих пор не было предметом специального исследования.

В данной работе рассматриваются лишь некоторые послелоги, вокруг которых группируются превербы по функциональному их тождеству.

* * *

Послелог *кӀоцӀ//ыкӀоцӀ* «в», «внутри». Сочетание этого послелога с превербами *дэ-*, *и-* передает местонахождение предмета внутри чего-либо: *Джанэр пхэонтэ кӀоцӀым дэ-лэ* «Платье лежит в сундуке», *Хьалыгъур хьаку кӀоцӀым и-т* «Хлеб находится в печке», *Чылэ кӀоцӀым клуб дэт* «В селе находится клуб», *Унэ кӀоцӀым стол и-т* «В комнате стоит стол».

Эти же превербы в составе глагола самостоятельно передают те же отношения, что и послелоги, т.е. местонахождение кого-чего-либо внутри чего-либо: *Джанэр пхэуантэм дэ-лэ*, *Хьалыгъур хьакум и-т*, *Чылэм клуб дэ-т*, *Унэм стол ит*.

Сочетание послелога *кӀоцӀ//ыкӀоцӀ* с превербами *дэ-*, *и-* не всегда обязательно. В адыгейском языке сосуществуют такие формы как *Лыр лэгъэ кӀоцӀым и-лэ* и *Лыр лагъэм и-лэ* «Мясо лежит в тарелке», *Шкаф кӀоцӀым тхылгъэр дэ-лэых* и *Шкафым тхылгъэр дэлэых* «В шкафу лежат книги», *Унэ кӀоцӀым пхэнтӀэкӀухэр и-тых* и *Унэм пхэнтӀэкӀухэр и-тых* «В комнате стоят стулья». Здесь совпадают отношения, выражаемые послелогом и превербами, в результате чего послелог *кӀоцӀ//ыкӀоцӀ* становится грамматически избыточным.

В адыгейском языке имеются превербы, которые могут не соотноситься с послелогом *кӀоцӀ//ыкӀоцӀ*. К ним относятся превербы *хэ-*, *кэо-*, *бгэо-*, *го-*, *жэ-дэ* и т. д. Например, не говорят *Псы кӀоцӀым хэ-с*, *Жэ кӀоцӀым жэ-дэ-лэ*, *Унэ кӀоцӀым го-с*, *Хьаку кӀоцӀым кэо-с*.

Среди приведенных превербов хотя преверб *хэ-* имеет значение, соответствующее значению послелогов *кӀоцӀ//ыкӀоцӀ*, но в данном случае он не употребляется в сочетании с указанным послелогом.

Это явление объясняется тем, что имена существительные, закрепленные за превербами *хэ-*, *дэ-*, *и-*, разные по значению. За превербом *хэ-* закреплены имена существительные, имеющие

¹ См.: использованную литературу.

вещественное, собирательное и абстрактное значения, а за превербами *дэ-, и-* — имена существительные, обозначающие отверствие, углубленное место, полое пространство². Поскольку послелог *кЮцІ//ыкЮцІ* обозначает действие, совершающееся внутри предмета, он синтаксически больше связан с именами последней группы.

В отличие от превербов *дэ-, и-* послелог *кЮцІ* сохранил свое материальное тождество с именем существительным *кЮцІ* «путь».

Послелог *ыуж*, *кЫыб*, *кЮгъу* «за» «вслед за». Данные послелогии в основном употребляются с превербами *кЮо-, лЪэ-, лЪы-*, имеющими те же значения, что и перечисленные послелогии: *КІалэр пшъашъэм ыуж лЫжъым лЪи-кЫыгъ* «После девушки юноша вышел вслед за стариком», *Ар унэ кЫыбым кЮохъагъ* «Он зашел за дом», *КІалэр чЪыг кЮгъум кЮо-хъагъ* «Юноша зашел за дерево» *ШкІэр ку кЫыбым кЮо-хъагъ* «Теленок зашел за телегу», *Машинер къакъырэ кЮгъум кЮохъагъ* «Машина зашла за сарай».

Некоторые из указанных превербов могут быть реализованы без послелога: *Ар унэм кЮо-хъагъ* «Он зашел за дом», *Ар чЪыгым кЮо-хъагъ* «Он зашел за дерево». Однако это распространяется не на все послелогии данной группы. Иногда обнаруживается строгая зависимость между превербом и послелогом, т. е. невозможность употребления преверба без соответствующего послелога. Например: не говорят *Псым хатэр кЮо-лЪ*, *КІалэр пшъашъэм лЫжъым лЪи-кЫыгъ* и т. д.

Данные послелогии также как и превербы сохраняют материальную связь с теми именами, от которых они образовались: *уж* «след», *кЫыб* «спина», *кЮгъу* «угол» (послелогии); *кЮо-* «угол», *лЪэ-* «нога» (превербы).

Послелогии *пашъхъ*, *гун*, *нэІу* «перед», «у». Значение этих послелогов соответствует значению превербов *пэ-, пэ-Іу, Іу*: *Хым бгъэжъыр Іу-тЫсхъагъ* «Орел сел у моря», *Машинер хъамбарым Іу-т* «Машина стоит у амбара», *ЧЪыгыр унэм пэ-Іу-т* «Дерево стоит перед домом», *Комбайнер мэзым пэ-Іу-т* «Комбайн стоит перед лесом».

В адыгейском языке реализуется сочетание послелогов с указанными превербами. *Машинер хъамбар гунэм Іу-т* «Машина стоит перед амбаром», *ЧЪыгыр унэ пашъхъэм Іу-т* «Дерево стоит у (перед) дома», *Комбайнер мээ Іунэм Іу-т* «Комбайн стоит перед лесом (у леса)».

² См.: Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Москва-Нальчик, 1964, с. 167.

Преверб *Іу-* чаще употребляется с послелогом *пашъхь*, *гун*, *нэІу*, чем преверб *нэ-Іу*. Например, в речи реже встречаются выражения *Унэ пашъхьэм чъыг нэ-Іут*, *Чэу гунэм пхъэнтІэ-кІу нэ-Іут*, чем формы *Унэ пашъхьэм чъыг Іу-т*, *Чэу гунэм пхъэнтІэкІу Іу-т*.

Наблюдаются случаи употребления данных послелогов в сочетании преверба *Іу-* с префиксом направления *къы*: *Маши-нэр унэ пашъхьэм къы-Іу-у-цуагъ* «Машина стала перед домом», *Велосипедыр чэу нэІум къы-Іу-и-гъэ-уцуагъ* «Он поставил велосипед перед плетнем». В данном случае направительное значение преверба *къы-* затемняется, а отношение, передаваемое превербом *Іу-*, сохраняется.

Отмечается материальное единство послелогов и превербов. Послелог *нэ+Іу*, *гу+нэ*, *нэ+шъхьэ* соответственно возводятся к именам *глаз+рот*, *сердце+нос*, *начало*, *нос+голова*, а превербы *нэ-*, *Іу-* — именам «нос», «начало», «рот», «отверстие».

Послелог *чІэгъ* «под». С таким значением выступает и преверб *чІэ-*: *Чъыгым чІэ-с* «Сидит под деревом», *Унэм чІэ-с* «Сидит под домом», *Хъакум чІэ-лъ* «Лежит под печкой», *Диваным чІэ-лъ* «Лежит под диваном».

Преверб *чІэ-* часто реализуется без послелога *чІэгъ*. Но для дифференциации передаваемого им отношения, иногда требуется наличие послелога *чІэгъ*, например, *Унэм чІэ-с* и *Унэм къы-чІэ-кІыгъ*. Смысловое значение первого предложения можно воспринимать и как «проживает в квартире», и как «находится под домом». Во втором синтаксическом построении также не дифференцировано его смысловое значение. Оно может воспринято двояко: «вышел из дома» и «вышел из-под дома». Наличие же в этих предложениях послелога *чІэгъ* вносит ясность: *Унэ чІэгъым чІэ-с* «Сидит под домом», *Унэ чІэгъым къы-чІэ-кІыгъ* «Вышел из-под дома».

Послелог *чІэгъ* и преверб *чІэ-* выражают действие, происходящее под чем-либо: *Тхъапэ чІэгъым чІэ-с* «Сидит под листком», *Стол чІэгъым чІэ-лъ* «Лежит под столом», *Тхылъ чІэгъым чІэ-лъ* «Лежит под книгой».

Действие, совершающееся из-под чего-либо, передается путем совместного употребления превербов *къы* и *чІэ-* с динамическими глаголами: *Унэ чІэгъым къы-чІэ-кІыгъ* «Вышел из-под дома», *Псы чІэгъым къы-чІэ-кІыгъ* «Вышел из-под воды», *Ошъопцэ чІэгъхэм къа-чІэ-кІыгъ* «Вышел из-под туч».

Однако действие, совершающееся из-под чего-либо, передаваемое послелогом и сложным превербом *къы+чІэ*, не всегда постоянно. В зависимости от имени, с которым они употребляются, это значение может приобрести стилистическую окраску,

т. е. может восприниматься в значении «из»: *Шыхэр мэз члэгъым къы-члэ-клыгъэх* «Лошади вышли из леса».

Первый компонент послелогога *члэ+гъ* и преверб *члэ-* имеют одно и то же происхождение. Они образованы от имени существительного *члэ* «одно».

Послелог *шъхьагъ* «над». Первый его элемент возводится к имени существительному *шъхэ* «голова», а синонимичный ему послелог *клыу* — к имени существительному «поверхность», «верх».

Указанные послелогоги соответствуют по значению превербам *те-, ны-, шло-, шъхэ-щы-, шъхэ-ры-, шъхэ-ны-ры-*. Из этих превербов сохранили свою лексическую значимость первый компонент сложных превербов — *шъхэ-* «голова» и преверб *ны-*, который возводится к именной основе «нос», «начало».

Превербы и послелогоги данной группы указывают на действие, происходящее на поверхности или же над поверхностью предмета: *Бгы шъхьагъым чъыг те-т* «Над курганом стоит дерево», *Къутэмэ клыум бзыу тес* «На сучке сидит птичка», *Псы шъхьагъым пцел чъыг шъхьащыт* «Над речкой стоит верба», *Унэ шъхьагъым самолет шъхэ-ны-ры-быбы-клыгъ* «Над домом пролетел самолет», *Остыгъэр стол шъхьагъым ны-лъагъ* «Лампа висит над столом».

Послелогоги *шъхьагъ* и *клыу* чаще употребляются с превербами *те-, ны-*: *Стол клыум тхылъ те-лъ* «На столе лежит книга», *Плэкlor шъхьагъым сурэт ны-лъагъ*. «Над кроватью висит картина», *Хы клыум къухъэр те-т* Дословно: «На море стоит корабль».

С превербами *шъхэ-щы-, шъхэ-ры-* и *шъхэны-ры-* указанные послелогоги реже употребляются, т. к. повторение значения «над», выражающего одновременно и послелогом, и превербом грамматически становится избыточным. Поэтому из-за стилистических соображений обычно опускаются послелогоги. Например, вместе *Псыхъо шъхьагъым чъыг шъхьа-щыт* и *Унэ шъхьагъым самолет шъхэ-ны-ры-быбы-клыгъ* чаще применяются в письменной и разговорной речи формы выражения *Псыхъом чъыг шъхэ-щыт*, *Унэм самолет шъхэ-ны-ры-быбы-клыгъ*.

Послелогоги *шъхьагъ*, *клыу* в сочетании с превербом *шло-* в адыгейском языке почти не употребляются, хотя они, как было сказано выше, по значению идентичны.

С помощью направительного префикса *къы-* создается возможность комбинированного употребления рассматриваемых превербов: *къы-шъхэ-те-уцуагъ*, *къы-шъхэ-ны-уцуагъ*, *къы-шъхэ-ны-ры-бы-бы-клыгъ*, *къы-шъхэ-шло-уцуагъ* и т. д. Хотя образование этих форм грамматически возможно, но в разго-

ворной и письменной речи (кроме формы *кзы-шъхьэ-пыры-бы-бы-клыгъ*), они почти не употребляются.

Послелогои *Иушъу, Iуп, дэжь* «у». Послелогои *Иушъу, Iуп* выступают со значением, соответствующим русскому предлогу «у», а послелог *дэжь* имеет ряд функциональных значений. Одним из них является и значение «у». Поэтому мы в данном случае объединили три послелогоа по выражаемым отношениям (О других значениях послелогоа *дэжь* см. ниже).

Послелогоам *Иушъу, Iуп, дэжь* соответствуют по своему значению превербы *Iу-, кIэлъы-ры-*: *КIалэр псым Iу-с* «Юноша сидит у реки», *Кур дэпкъым кIэлъы-ры-уцуагъ* «Телега стала у стены», *Машинэр мэзым Iут* «Машина стоит у леса». Хотя эти превербы передают те же отношения, что и послелогои, но они не взаимоисключают друг друга, т. е. совместное употребление послелогов и превербов становится нормой в языке: *КIалэр псы Iушъом Iу-с, Кур дэпкъым дэжь кIэлъы-ры-уцуагъ, Машинэр мээ Iупэм Iут. Самолетыр мээ Iушъом Iу-тIысхьагъ.*

Превербы *Iу-* и *кIэлъы-ры* с динамическими глаголами выражают различные отношения: *КIалэр мэзым Iу-хьагъ* «Юноша подошел к лесу», *Кур псым Iуи-щыгъ* «Он телегу отвел от реки», *Тракторыр чъыгым кIэлъы-ры-хьагъ* «Трактор подъехал к дереву», *КIалэр лыжъым къыкIэлъы-ры-хьагъ* «Юноша подошел к старику».

В эти отношения не вносят изменения послелогои, включаемые в данные синтаксические построения: *КIалэр псы Iушъом Iухьагъ* «Юноша подошел к лесу», *Кур псы Iушъом Iуи-щыгъ* «Он отвел телегу от реки», *Тракторыр чъыгым дэжь кIэлъы-ры-хьагъ* «Трактор подъехал к дереву», *КIалэр лыжъым дэжь къы-кIэлъы-ры-хьагъ* «Юноша подошел к старику».

Следует отметить, что сочетание превербов *Iу-* и *кIэлъы-ры* в речи практически не применяется, тогда как послелогои *Иушъу* и *дэжь* или *Iуп* и *дэжь* могут совместно употребляться в речи: *Мээ Iушъом дэжь Iу-тIысхьагъ* «Сел у леса», *Псы Iушъом дэжь IутIысхьагъ* «Сел у реки». Причем, перестановка послелогов не допускается, т. е. послелог *Иушъу* должен всегда предшествовать послелогоу *дэжь*. Например, не говорят *Псыхъом дэжь Iушъом, Мэзым дэжь Iушъом* и т. д.

Послелогои *Иушъу, Iуп* в форме эргатива сочетаются с предшествующим именем (*псыхъо Iушъом, унэ Iупэм, орыжъ Iушъом*), а послелог *дэжь*—в исходной форме с именем, стоящим в эргативном падеже (*лыжъым дэжь, сымаджэм дэжь, фермэм дэжь*).

Послелогои *Iу+шъу, Iу+n* сохранили генетическую связь с именами. Первые их компоненты возводятся к имени *Iу* «рот»,

а вторые — соответственно к именам *шэ* «кожа» и *пэ* «рот», «отверстие». Отмечается также генетическая близость превербов *лу-* и *клэ-лзы-ры-* с именами. Преверб *лу-* восходит к самостоятельному слову *лу* «рот», отверстие», а первые два компонента преверба *клэ-лзы-ры* имеют также материальное сходство с именами *клэ* «хвост», «конец», *лэ* «нога», «ступня».

Послелог *ыбгэу*. В адыгейском языке функционирует вариант этого послелoga — *ыбгэуклэ*. Оба они обозначают действие, происходящее недалеко от предмета, переводятся русскими предлогами «рядом», «сбоку», «возле». Соответствуют этим значениям и действия, выражающие превербами *го-*, *бгэуры-бгэодэ-*: *Клалэр лыжэым го-с* «Юноша сидит возле старика», *Клалэр шым бгэо-дэ-т* «Парень стоит рядом с лошадыю», *Лазэр сымаджэм бгэодэ-с* «Врач сидит возле больного».

Нужно сказать, что указанные превербы не употребляются с послелогом *ыбгэу*. Например, не говорят *Лазэр сымаджэм ыбгэу бгэодэ-с* или *Лазэр сымаджэм ыбгэу бгэуры-с*. Хотя грамматически возможны такие формы, как *Сымаджэр Лазэм ыбгэуклэ го-с*, *Лазэр сымаджэм ыбгэуклэ бгэодэс*, но они также в речи редко применяются.

Послелог *ыбгэуклэ* чаще употребляется в сочетании с превербами *шы-*, *те-* и др. *Кур машэм ыбгэуклэ шы-т* «Телега стоит рядом (возле) ямы», *Пшэашээр пхэнтлэклэм ыбгэуклэ алрэгэум те-уцуагэ* «Девушка возле скамейки стала на ковер».

Превербы *го-*, *бгэодэ-* с динамическими глаголами обозначают действие, приближающееся к тому или иному предмету: *Клалэр чыгым бгэодэ-хьагэ* «Юноша подошел к дереву», *Лыжэыр шым бгэодэ-хьагэ* «Старик подошел к лошади». Эти превербы могут быть реализованы с направительным префиксом *кзы-*: *Клалэр шым кзы-бгэодэ-хьагэ* «Юноша подошел к лошади», *Клалэр кум кзы-го-хьагэ* «Парень подошел к телеге». В таких случаях возможность употребления *ыбгэу*, *ыбгэуклэ* в своем послеложном значении с превербами *кзы-*, *го-*, *кзы-бгэодэ-* исключается. Ср. например, *Кээрэгэулыр вагоным ыбгэу го-хьагэ* или же *Кээрэгэулыр вагоным ыбгэуклэ кзы-бгэодэ-хьагэ*.

Послелог *ыбгэу*, *ыбгэуклэ* сохранили свою лексическую значимость. Они также как и первые компоненты превербов *бгэу-ры*, *бгэо-дэ-* возводятся к имени *бгэу* «бок», а преверб *го-* к самостоятельному слову *гу* «сердце».

Послелог *кзыхэклыклэ*, *пае*. Послелог *кзыхэклыклэ* по значению идентичен русскому предлогу «из-за», а *пае* — многозначен. В числе других значений послелог *пае* имеет и значение

«из-за», «ради». Оба они обозначают действие, происходящее из-за предмета.

По своей функции данным послелогам соответствует значение, передаваемое сочетанием префикса направления *кбы* и преверба *кьо*. Причем значение «из-за», соответствующее значению послелогов *кбыхэклыкIэ* и *нае*, превербы *кбы-кьо* приобретают только с динамическими глаголами: *Танкхэр Iуаштхьэм кбы-кьо-кIыгтэх* «Танки вышли из-за холма», *Тыгтэр горизонтым кбы-кьо-кIыгтэ* «Солнце вышло из-за горизонта», *Мазэр оштъуапицэмэ кба-кьо-кIыгтэ* «Луна вышла из-за туч». Когда превербы употребляются со статическими глаголами, они указывают на местонахождение предмета за кем-чем-либо: *КIалэр чыг кIыбым кбы-кьо-уцуагтэ* «Юноша стал за деревом».

В отличие от превербов и послелогов, соотносимость у которых не обязательна (Ср.: *Кур мэз гузэгум хэт* и *Кур мэзым хэт*; *ПхэнтIэкIур чыг чIэгтым чIэ-т* и *ПхэнтIэкIур чыгым чIэ-т*), между послелогам и превербами данной группы существует строгая взаимозависимость. Например, чтобы передать действие, направленное из-за предмета, в следующих предложениях требуется наличие как послелога, так и преверба: *Лыжтым нае кIалэр кьоэгум кбы-кьо-кIыгтэ* «Из-за старика юноша вышел из-за угла», *Оштъуапицэхэм кбахэклыкIэ тыгтэр горизонтом кбы-зэрэ-кьо-кIыгтэр кэтлэгтэгугтэп* «О том, что солнце вышло из-за горизонта, мы не заметили из-за туч».

Из-за отсутствия строгой зависимости между послелогам и превербами, иногда ограничиваются передачей значения лишь послелога, или же преверба. Например, *ПхэнтIэкIур чыг чIэгтым чIэ-т* «Скамейка стоит под деревом». Местонахождение предмета в данном предложении может быть передано без послелога *чIэгтэ*: *ПхэнтIэкIур чыгым чIэ-т* «Скамейка стоит под деревом».

Напротив, в предложениях, в которых наличествуют послелоги *кбыхэклыкIэ*, *нае* и превербы *кбы-кьо*, не допускается перевода лишь одного из них. Здесь передается значение послелога и преверба: *Машиным нае кIалэр кьоэгум кбы-кьо-кIыгтэ* «Из-за (ради) машины парень вышел из-за угла» и т. д.

Послелог *кбыхэклыкIэ* образован от застывшей деепричастной формы глагола, а первая часть послелога *нае* возводится к имени существительного *нэ* «нос», «начало». Общеадыгский локальный преверб *кьо*- генетически увязывается с послелогом *кьоэгтэ* «угол, место, находящееся за кем, чем-либо»³.

³ См.: Кумахов М. А. Указ. соч., с. 174.

Послелог *ехуулэу* «к». Данному значению соответствует значение, передаваемое превербами *клэры-*, *клэлтыры-*. Последние используются в этой функции при их употреблении с динамическими глаголами.

Послелог *ехуулэу* передает временные отношения: *Тхьау-мафэм ехуулэу колхозым коцыр Іуихыжыгыгъ* «К воскресенью колхоз завершил уборку урожая», *Каникулым ехуулэу студентыр ядэжь зиггэпсэфынэу кээкложыгыгъ* «К каникулам студент приехал домой, чтобы отдохнуть», *Гэмафэм ехуулэу туристхэм заггэхьазэрыгыгъ* «К лету туристы подготовились».

Превербы же *клэры-*, *клэлтыры-* обозначают действие, приближающееся к чему-либо: *Пхьашлэр унэм клэлтырыхьагыгъ* «Плотник подошел к дому», *Лэжьаклохэр колхоз тхьаматэм клэлтыры-хьагыгъ* «Труженики подошли к председателю колхоза».

Таким образом, послелог совместно с превербом обозначает действие, совершающееся в определенный отрезок времени. И здесь значение послелога и преверба переводится отдельно, т. е. каждый из них сохраняет присущий ему оттенок: послелог—временной, а преверб действие, приближающееся к кому-чему-нибудь: *Жьонаклохэр пчыхьэм ехуулэу мэзым клэлтыры-хьагыгъ* «Пахари к вечеру подошли к лесу», *Іахьогьур щэджагьом ехуулэу псыхьом клэлтыры-хьагыгъ* «К полудню стадо подошло к речке». *Пчэдыжьым ехуулэу туристхэр кьушгьым кьы-клэлтыры-хьагыгъ*. «К утру туристы подошли к горе»

Послелог *дэжь* «к», «у», «от». По значению данному послелогу соответствуют превербы *Іу-*, *клэры-*, *жэхэ-*, *клэлтыры-*.

Совместное употребление послелога *дэжь* и указанных превербов с динамическими глаголами передает действие, приближающееся к кому-чему-либо или же действие, отдаляющееся от кого-чего-либо, а со статическими глаголами — действие, совершающееся у кого-чего-либо: *Кьухьэр нэпкьым дэжь Іу-хьагыгъ* «Корабль подошел к берегу», *КІалэр чьыгым дэжь клэры-хьагыгъ* «Парень подошел к дереву», *Машинэхэр хьамбарым дэжь клэлтыры-хьагыгъ* «Машины подъехали к амбару», *Комбайнэр коц хьасэм дэжь клэлтыры-хьагыгъ* «Комбайн подошел к полосе пшеницы»; *Кьухьэр нэпкьым дэжь Іу-уцуагыгъ* «Корабль стал у берега», *КІалэр чьыгым дэжь клэры-уцуагыгъ* «Парень стал у дерева» и т. д.

При обозначении действия, исходящего от кого-чего-либо, используется послелог *дэжь* и комбинированные превербы, т. е. сочетание превербов *Іу-*, *клэлтыры-*, *клэры-* с префиксом направления *кьы-*.

В таких случаях присутствие послелога *дэжь* в синтаксиче-

ском построении зависит от имен, между которыми совершается действие. Если это действие совершается между одушевленным и неодушевленным именами, то наличие послелого в предложении не обязательно: *Комбайнерыр комбайнэм* (не комбайнэм дэжь) *къы-кIэры-кIыжьыгъ* «Комбайнер ушел от комбайна», *КIалэр псыхъом* (не псыхъом дэжь) *къы-кIэры-кIыжьыгъ* «Юноша ушел от реки», *Шыхэр къакъырэм* (не къакъырэм дэжь), *къы-Iу-кIыжьыгъэх* «Лошади отошли от сарая». Но, когда это отношение возникает между одушевленными именами, то присутствие послелого *дэжь* в предложении становится обязательным: *Комбайнерыр бригадырым (ы) дэжь къы-Iу-кIыжьыгъ* — нельзя сказать *Комбайнерыр бригадырым къы-Iу-кIыжьыгъ* или же *КIалэр лыжьтым (ы) дэжь къы-Iу-кIыжьыгъ*. — не говорят — *КIалэр лыжьтым къы-Iу-кIыжьыгъ* и т. д.

Как видно из рассмотренного материала, большинство послелогов имеет по значению превербы-эквиваленты: *чIэгъ* — *чIэ* «под»; *къогъу-къо* «за», «в», «из-за»; *бгъу—бгъо* «рядом», «сбоку», «возле» и другие.

Однако в адыгейском языке наличествуют такие послелогии, у которых нет по значению соответствующих превербов: *ычIы-пIэ* «вместо», *зафагу* «между», *гузэгу* «посередине», *фэшъхьаф* «кроме», *щегъэжьагъэу* «с», «от», *щыщ* «из», *фэд* «подобен», *фэдиз* «около», *игъо* «во время», *къыпэ* «до», *ыпэ* «до», *пae* «для», «ради» и многие другие.

Эти послелогии не имеют и закрепленного за ними преверба. Они употребляются почти со всеми простыми и сложными превербами: *КIалэм ычIыпIэ ар мэзым къы-кIоцIыра-щыгъ* «Вместо юноши его провели через лес», *Лыжьтым фэшъхьаф «къы-гуа-гъэ тIысхьагъэп.* «Кроме старика с ним никого не посадили», *Къалэм щыщ КIалэм бгъо-да-гъэтIысхьагъ.* «С ним посадили парня из города» и другие.

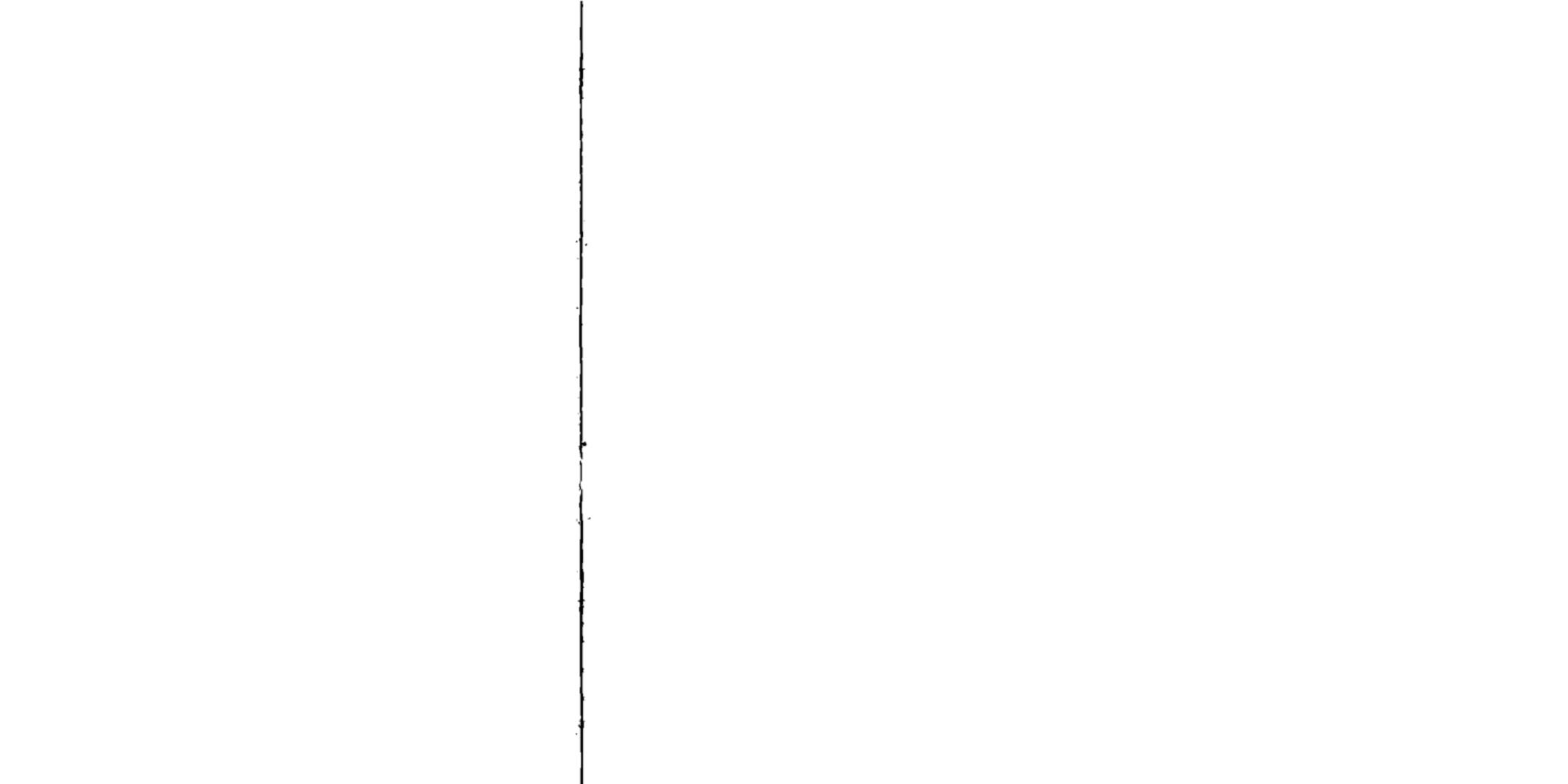
Приведенные примеры показывают, что функциональное значение каждого послелого и преверба передается отдельно. Это означает, что превербы синтаксически не зависимы от послелогов. Например, при наличии одного и того же послелого превербы меняются: *Мэзпэсыр мэз гузэгум къы-хэ-кIыгъ* «Лесник вышел из середины леса». *Мэзпэсыр мэз гузэгум хэхьагъ* «Лесник вошел в середину леса». *Мэзпэсыр мэз гузэгум къыкIоцIырыкIыгъ* «Лесник прошел через середину леса».

Ниже приводится таблица о функциональном соотношении послелогов и превербов в адыгейском языке.

ТАБЛИЦА

о функциональном соотношении послелогов и превербов в адыгейском языке

пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр	пос	пр
кIоцI	дэ п кIоцI	уж кIыб кьо- гьу	кьо лэ лгы	нэIу па- шъхъ гуп	пэ Iу пэ-Iу	чIэгъ чIэ		шъ- хъа- гъ	те пы шIо шъхъэ щы шъхъэ гыры- шъхъэ ры	Iушъу Iу Iуп кIэ дэжь лгы ры		ыб- гьу	го бгьу ры бгьо дэ	кы- хэкIы кIэ пае	кьо кы- кьо	ехъу- лIэу дэжь	кIэ- кIэ- лгы ры	лэжь	у кIэ- лгы жэхэ кIэ-
в		за, вслед		перед у		под		на, над		у		рядом возле		из-за		к		к, у, от	



ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп, 1966.

Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.

Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка. Краснодар, 1930.

Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. М., 1964.

Кумахова З. Ю. Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик, 1972.

Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.

Керашева З. И. Проблема провербов в адыгских языках. УЗ Адыгейского госпединститута. Т. I, Майкоп, 1957.

Меретуков К. Х. Грамматические способы связи в адыгейском языке. УЗ АНИИ, т. XIV, Майкоп, 1972.

Мухамеджанов Ю. А. О провербах в адыгейском языке. УЗ АНИИ, т. XII, Майкоп, 1972.

ПРЕВЕРБЫ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале бжедугского диалекта)

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о превербах в бжедугском диалекте, хотелось бы высказать некоторые замечания по поводу трактовки в специальной литературе глаголов, обозначающих движение и направление движения, так как, во-первых, наличие или отсутствие направленности действия у глаголов имеет принципиальное значение для исследуемой проблемы, во-вторых, движение и направление движения тесно связаны в адыгейском глаголе, в составе которого могут выступать превербы.

Специалисты, пишущие о превербах в адыгейском языке, касаются и глаголов, обозначающих движение, выясняют характер и направление действия этих глаголов. Так, Н. Яковлев и Д. Ашхамаф, рассматривая вопрос о залогах, затрагивают глагольные основы со значением движения извне внутрь чего-нибудь или изнутри чего-нибудь, которые они считают остатками некогда существовавших в адыгейском языке «центростремительной» и «центробежной» форм глагола.¹ По их мнению, глагольные основы с огласовкой «э» (*редзэ* — он кидает внутрь, он бросает в) обозначают движение внутрь чего-нибудь («центростремительная» форма), глаголы с огласовкой «ы» (*редзы* — он кидает изнутри, он выбрасывает) обозначают «обратное направление движения» («центробежная» форма), а в

¹ Для обозначения подобных глаголов З. Керашева использует термины «иллативные» и «элативные» формы (см. об этом: Рогова Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка, Краснодар—Майкоп, 1966, с. 282), а Х. Урусов пользуется обеими парами терминов (см. об этом: Урусов Х. Ш. Морфемика адыгских языков, Нальчик, 1980, с. 75, 76).

повелительном наклонении (*идз* — кидай внутрь, *идз* — кидай изнутри, выкидывай) «обе эти формы полностью совпадают друг с другом»², и, как отмечает Ю. Мухамеджанов, «в подобных глагольных формах характер направления зависит от местонахождения говорящего»³.

Такое толкование характера и направления действия глаголов типа *редзэ-редзы* следует признать в основном правильным, но нельзя пройти мимо того факта, что названные авторы не точно передают значение глаголов *редзы* (кидает изнутри) и *идз* (кидай изнутри), т. е. неверно указывают направление действия глагола по отношению к говорящему.

Конкретизируя положение Н. Яковлева и Д. Ашхамафа о глаголах *редзэ-редзы*, Ю. Мухамеджанов пишет: «Если говорящий будет находиться внутри чего-либо, то глагол, например, *идз* будет выражать вместе с основным значением и направление «изнутри» (бросай изнутри); если же говорящий находится за пределами предмета, о котором идет речь, то направление указывает вовнутрь предмета (бросай вовнутрь)»⁴.

Безусловно, важнейшим моментом в определении направления действия глаголов типа *редзэ-редзы* является местонахождение говорящего. Но также очевидно, что говорящий не может находиться одновременно и в помещении, и вне помещения. При глаголе *редзы* говорящий должен находиться в помещении, из которого что-то выбрасывают, и по отношению к этому говорящему направление из помещения является не направлением «изнутри», как пишут Н. Яковлев, Д. Ашхамаф и Ю. Мухамеджанов, а направлением действия наружу. Например, в предложении *Шъэожъыем мыжъор унэм редзы* «Мальчик выбрасывает камень из комнаты» глагол *редзы* непременно предполагает, что говорящий и субъект действия находятся в помещении. Нет нужды доказывать, что для говорящего и мальчика (субъекта действия), находящихся в комнате, направление действия из комнаты является направлением наружу, а не «изнутри». Следовательно, глагол *редзы* правильно перевести: «бросает наружу». Так же и второе значение глагола *идз*: «выбрасывай наружу», а не «выбрасывай изнутри».

«Бросает изнутри» или «выбрасывай изнутри» может сказать лицо, находящееся вне помещения, при этом действующий находится не рядом с говорящим, а в помещении.

² Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, с. 326.

³ Мухамеджанов Ю. А. О провербах в адыгейском языке. — Ученые записки АНИИ языка, литературы и истории, т. XII, языкознание, Май-ксп, 1971, с. 46.

⁴ Там же.

Значение глагола *редзэ* «бросает внутрь» связано с говорящим, находящимся вне помещения, а *редзы* «бросает наружу» — с говорящим, находящимся в помещении.

Таким образом, эти два значения не противопоставлены. О противопоставлении направления действия глаголов можно говорить, на наш взгляд, только по отношению к лицу (говорящему или действующему), находящемуся в одном месте: или вне помещения (*Шъэожъьем мыжъор унэм редзэ* «Мальчик бросает камень в комнату» — *Шъэожъьем мыжъор унэм къыредзы** «Мальчик выбрасывает камень из комнаты сюда»), или в помещении (*Шъэожъьем мыжъор унэм редзы* «Мальчик выбрасывает камень из комнаты туда» — *Шъэожъьем мыжъор унэм къыредзэ* «Мальчик бросает камень в комнату сюда»).

Кроме того, противоположность направления действия глаголов *редзэ* — *къыредзы* предполагает обязательное участие преверба *къ*: *редзэ* «бросает внутрь» — *къыредзы* «бросает изнутри (сюда)»; *редзы* «бросает наружу» — *къыредзэ* «бросает внутрь (сюда)». При глаголах *редзэ*—*къыредзы* говорящий находится на одном месте — вне помещения, а действие глагола *редзэ* «бросает в» направлено в сторону от говорящего, т. е. в помещение, при глаголе же *къыредзы* «выбрасывает наружу» действие направлено в сторону говорящего, т. е. из помещения; при глаголах *редзы* — *къыредзэ* говорящий находится тоже на одном месте — в помещении, действие глагола *редзы* «выбрасывает наружу» имеет направление от говорящего, т. е. из помещения, действие же глагола *къыредзэ* «бросает сюда в» направлено в сторону говорящего, т. е. в помещение.

В обеих парах, как видим из примеров (*редзэ* — *къыредзы* и *редзы* — *къыредзэ*), направления действия глаголов противопоставлены, они вступают в оппозицию, поддерживают друг друга грамматически. Нужно отметить, что в формировании значения и направления действия глаголов типа *редзэ-редзы* участвуют не только говорящий и действующий, но и собеседник, к которому обращена речь.

«Первичные «локальные» различия («к»: «в/у»: «от») могут соотноситься либо с говорящим, либо со слушающим...» — пишет Джон Лайонз⁵.

В глаголах первого лица говорящий и действующий совпадают, а собеседник выступает самостоятельно: *исэдзэ* «бросаю

* Н. Яковлев и Д. Ашхамаф дают примеры то с участием преверба *къ* (*къырецэ* — сюда ввозит, *къырецы* — сюда вывозит), то без его участия (*редзэ* — кидает внутрь, *редзы* — кидает изнутри).

⁵ Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику, М., «Прогресс», 1978, с. 317.

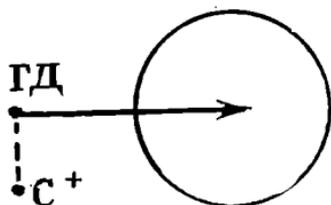
в», *исэдзы* «выбрасываю из»; в глаголах же второго лица совпадают действующий и собеседник, а говорящий выступает отдельно: *иодзэ* «ты бросаешь в», *иодзы* «ты выбрасываешь из». В глаголах третьего лица действующий, говорящий и собеседник — разные лица, и их взаимоотношения по местонахождению, точнее, по их отношению к помещению, в которое что-то бросают или из которого что-то выбрасывают, имеют определенное значение.

Так, при глаголах первого и второго лица *исэдзэ* «бросаю в», *иодзэ* «бросаешь в» говорящий, действующий и собеседник находятся вне помещения, куда что-то бросают, а при глаголах *исэдзы* «выбрасываю из», *иодзы* «выбрасываешь из» говорящий, действующий и собеседник находятся в помещении, из которого что-то выбрасывают.

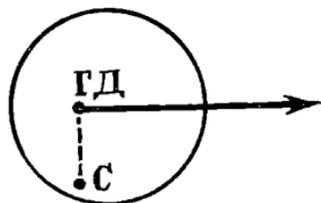
При глаголе третьего лица *редзэ* «бросает в» говорящий, действующий и собеседник находятся вне помещения, а при глаголе *редзы* «выбрасывает наружу» все три участника беседы находятся в помещении.

Взаимоотношения всех трех участников лексической семантики глаголов типа *редзэ-редзы* можно изобразить схематически так:

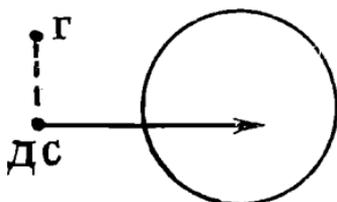
исэдзэ «бросаю в»



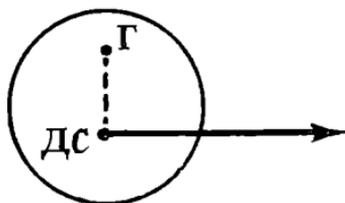
исэдзы «выбрасываю наружу»



иодзэ «бросаешь в»



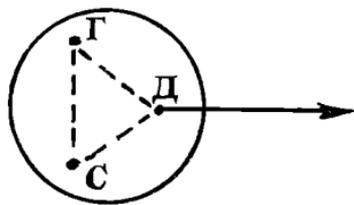
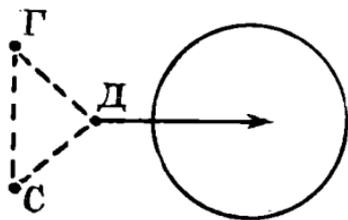
иодзы «выбрасываешь наружу»



+ Г — говорящий, Д — действующий (субъект действия), С — собеседник, а круг обозначает помещение, в которое что-то бросают или из которого что-то выбрасывают; стрелка указывает на направление действия глагола.

редзэ «он бросает в».

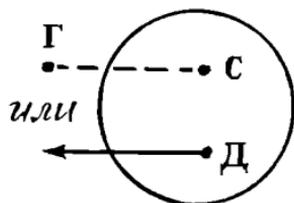
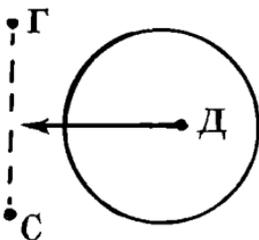
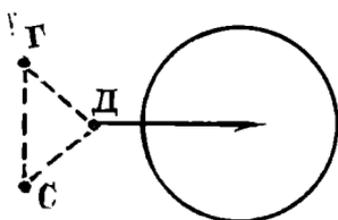
редзы «он выбрасывает наружу»



При участии проверба кѳ- схема выглядит так:

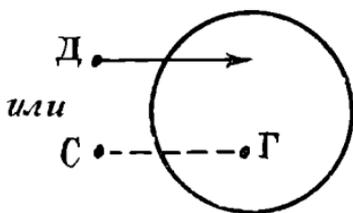
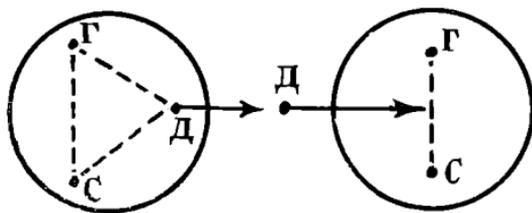
редзэ «бросает внутрь»

кѳыредзы «выбрасывает изнутри»



редзы «бросает наружу»

кѳыредзэ «бросает внутрь»



Вслед за Н. Яковлевым и Д. Ашхамафом, Ю. Мухамеджанов утверждает, что глаголы идз «бросай вовнутрь» — *идз* «бросай изнутри»⁺ образованы от одной и той же основы и в повелительном наклонении их соответствующие глагольные пары полностью совпадают друг с другом⁶.

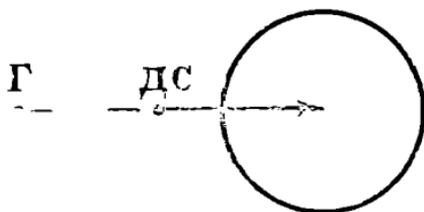
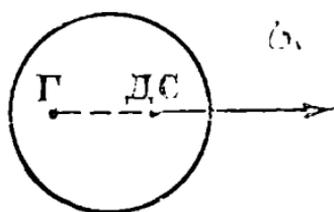
На наш взгляд, о «полном совпадении» глагольных пар типа *идз-идз* нельзя говорить, как и в случае с вышеназванными формами этого глагола, потому что одно значение этого глагола предполагает нахождение говорящего в помещении, а другое требует нахождения говорящего вне помещения.

⁺Правильно: «бросай наружу».

⁶ Мухамеджанов Ю. Назв. работа, с. 45.

изд «выбрасывай наружу»⁺

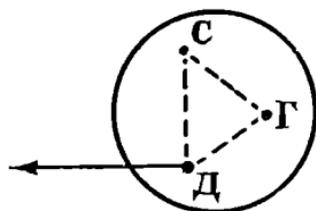
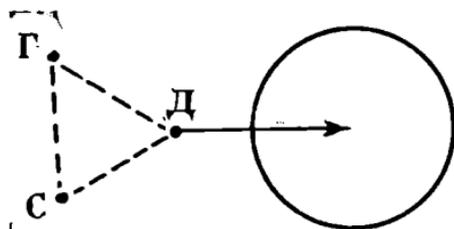
идз «бросай вовнутрь»



Эта схема может отражать значение и других глаголов, обозначающих направление действия к предмету или от предмета:

ехьэ «заходит внутрь»

еклы «выходит наружу»



К приведенным в «Грамматике» Н. Яковлева и Д. Ашхафа глаголам движения, т.е. к глаголам, различающимся только огласовкой (например, *рещэ* «ввозит» — *рещы* «вывозит»), Ю. Мухамеджанов вполне обоснованно добавляет еще и глаголы с различными основами, в которых «содержится указание на направление действия к предмету или от предмета: *еклы* «выходит изнутри»⁺⁺, — *ехьэ* «входит внутрь»⁷.

Мы считаем, что еще шире круг глаголов, содержащих в себе указание на направление движения, или действия. Это касается, во-первых, глаголов типа *хелу* «забывает» — *кьыхетхьы* «вытаскивает», *келхы* «вынимает из» — *келтхьэ* «кладет под», *елъадэ* «забегает в» — *кьехъушъуты* «выбегает изнутри» и т. д.

Во-вторых, сюда нужно включить и такие глаголы, на первый взгляд нейтральные в отношении направленности действия,

⁺У. Ю. Мухамеджанова: «выбрасывай изнутри».

⁺⁺Правильно: «выходит наружу».

⁷ Там же.

а на самом деле содержащие указание на направление действия в сторону от говорящего.

Это глаголы *кIуагъэ* «пошел, поехал (туда)», *чъагъэ* «побежал (туда)», *тхагъэ* «написал (туда)», *нэцIагъэ* «надеялся (туда)» и др. «Глагольная форма *кIуагъэ*, в которой направительное значение материально не выражено, получает семиологическую релевантность вследствие противопоставления ее соотнесенному с ней маркированному элементу *къэкIуагъэ* «(он) = сюда = приехал», с которым нулевая форма составляет глагольную категорию направительности», — отмечает У. Зекох⁸.

Об этом же пишет и Г. Рогава: «...при наличии преверба направления *сюда* преверб направления *туда* в адыгских... языках стал выражаться нулевой формой»⁹.

Нужно отметить, что адыгейский язык различает направление движения к предмету — от предмета и направление движения к говорящему — от говорящего, при этом главным является направление к говорящему — от говорящего, т. е. к 1 и 2 лицам.

Таким образом, глаголы движения, не содержащие в своем составе превербов направления, обычно выражают направление в сторону от говорящего, т. е. направление действия глагола не всегда связано с направительными превербами. Специалисты даже выделяют «локативные» (был) и «направительные» (пошел) глаголы¹⁰. Поэтому одной из особенностей глаголов движения в адыгейском языке нужно считать выражение направления этого движения без превербов. Следовательно, нельзя говорить о выражении направления действия глагола только превербами, оставляя без внимания направленность действия, содержащуюся в самом глаголе.

Как известно, в адыгейском языке глаголы делятся на динамические и статические. Динамические глаголы выражают действие, процесс действия, статические — состояние, результат действия¹¹.

Включение превербов места в динамический глагол не превращает этот глагол в статический, так же как статичес-

⁸ Зекох У. С. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, Адыгейское отделение Краснодарского кн. из-ва, 1969, с. 44.

⁹ Рогава Г. В. Превербы направления в абхазско-адыгских языках. — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, VI, Тбилиси, 1979, с. 85.

¹⁰ Лайонз Джон. Назв. работа, с. 321.

¹¹ Рогава Г. В., Керашева З. И. Назв. работа, с. 101.

кий глагол не меняет свою природу из-за преверба направления. Например, преверб *хэ-* не превращает динамический глагол *маншэ* «ползет» — *хэшыхьэ* «заползает в» в статический, т. е. глагол *хэшыхьэ* обозначает не только движение, но и направление этого движения — направление в сторону от говорящего, точнее, направление к предмету.

Направление к предмету в данном случае выражается, на наш взгляд, не только основой глагола, но и превербом *хэ-*. В глаголах *хэшыхьэ* «заползает в», *хэлъадэ* «забегает в» и подобных им движение направлено во что-то: в лес, в воду и т. д.

Иное положение у преверба *хэ-* в глаголах *хэс* «сидит в», *хэлъ* «лежит в», который указывает только на место, и это указание не противоречит значению глагола, которое не включает в себе движения.

Следовательно, так называемые превербы места *хэ-*, *дэ-* и др. в динамических глаголах могут выражать, на наш взгляд, направление действия, а в статических — место действия.

Сложность и многофункциональность так называемых превербов места делают трудным, а порою и противоречивым путь к выяснению истинной природы этих превербов. Так, З. И. Керашева в первой своей статье, посвященной превербам в адыгских языках, выделяет превербы направления *къ-*, *на-*, превербы места *ш-* (*шъ-*) и пространственные экспоненты, которые являются морфологическими представителями имен в глаголе (*д-*, *х-*, *и-* и др.)¹². В «Грамматике адыгейского языка» она делит превербы в адыгейском языке на превербы направления и превербы места¹³. И в совместной работе З. Керашевой и Л. Чкадуа «Локативные превербы статических и динамических глаголов в абхазо-адыгских языках»¹⁴ проводится примерно такое же толкование превербов места в адыгейском языке, что и в названной «Грамматике».

Ю. Мухамеджанов превербы *х-*, *д-*, *т-*, *е-* и другие квалифицирует в качестве превербов места независимо от того, в составе каких глаголов они выступают—динамических или статических. Он пишет: «Локальные превербы во всех случаях указывают лишь на место и остаются безучастными к направ-

¹² Керашева З. И. Проблема превербов в адыгских языках. — Ученые записки АГПИ, Майкоп, 1957, т. I, с. 233—249.

¹³ Рогова Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка, Краснодар — Майкоп, 1966, с. 112—135.

¹⁴ Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков, АНИИ экономики, языка, литературы и истории, Майкоп, 1980, с. 30—38.

лению, выраженному в значении глагола»¹⁵. На той же странице Ю. Мухамеджанов утверждает, что «при употреблении... с динамическими глаголами превербы места образуют основы, выражающие одновременно и направление к предмету или от предмета»¹⁶.

В доказательство безучастности превербов места к направлению действия глагола он приводит повелительные формы *идз* «бросай внутрь», *идз* «бросай изнутри» и говорит, что «преверб *и-* «внутри» не может выражать два противоположных друг другу направления»¹⁷.

Это мнение не согласуется со следующими фактами.

Во-первых, значения глаголов *идз* «бросай внутрь» и *идз* «бросай наружу» противоположны только относительно движения к предмету — от предмета, а не в отношении к говорящему, от которого направлено действие в обоих случаях. Сам Ю. Мухамеджанов подчеркивает определяющую роль местонахождения говорящего в формировании характера направления глаголов с так называемыми превербами места. А все эти глаголы с превербами места (кроме преверба *ц*) выражают направление действия в сторону от говорящего (*ехьэ* «заходит в», *эклы* «выходит из», *Юхьэ* «подходит к», *Юклы* «отходит от» и др.)

Во-вторых, если преверб направления *кэ-* может выражать два противоположных направления, т. е. и к говорящему, и к собеседнику (см. об этом ниже), то почему преверб *и-* «внутри» не может выражать два противоположных друг другу направления?

В-третьих, некоторые из так называемых превербов места могут явно выражать и направление действия глагола. К ним относятся превербы *блэ-* «мимо», *лээ-* (*лэы-*) «вслед, следом» и др. (и Ю. Мухамеджанов отличает данные превербы от остальных превербов места¹⁸). В предложении *КIалэр гъызэ янэ лэжьагъ* «Ребенок, плача, побежал за матерью» глагол *лэжьагъ* «побежал за» не содержит и намека на место действия, он выражает только направление действия.

Ю. Мухамеджанов невольно признает, что преверб места *е-* «сверху вниз» может означать и направление движения. Он пишет: «В глаголах вроде *е-хы-н*, *е-плъы-хы-н*, на наш взгляд, элемент *-хы-* также обозначает движение от предмета вообще,

¹⁵ Мухамеджанов Ю. А. Назв. работа, с. 50.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 60—61.

а направление сверху вниз передается превербом *e-* (*йэ-*)»¹⁹.

При решении вопроса о способности адыгейских превербов места обозначать направление действия нужно, на наш взгляд, учитывать, что «в абхазском и абазинском языках локативный преверб с исходом на гласный звук *a*, присоединяемый к корню динамического глагола, помимо конкретизации места действия, выражает и направление действия»²⁰, так как «генетически... многие превербы, восходящие к древнейшему лексическому слою абхазо-адыгских языков, являются общими для этих языков»²¹.

Г. В. Рogaва тоже считает, «что превербы направления *сюда* абхазско-абазинских и адыгских языков генетически идентичны»²².

В составе динамических глаголов локальные превербы способны выражать направление движения, а превербы направления в статических глаголах могут обозначать место действия. М. А. Кумахов пишет: «От основ динамических глаголов с помощью превербов *дэ-*, *хэ-*, *йы-* образуются производные основы, которые обозначают направление действия, движения внутри или изнутри предмета»²³. В статических глаголах преверб *кэ-* выступает в роли преверба места. Например, в предложениях *Унэм ихьагъэшъ, кэит, кэит* «Зашел в дом и там стоит, стоит», *Светади кIуагъэшъ кэыщыс* «Пошла к Свете и там сидит» преверб *кэ-* указывает на место, с которым связаны глаголы *кэит* и *кэыщыс*.

На такое положение обращает внимание и М. Кумахов: «в динамических глаголах префикс *кэ-* может не выражать направительного значения: *кээнэн* «оставаться где-либо»²⁴.

«Противопоставление «локативности» и «направительности» может рассматриваться как частный случай более общего разграничения между статичностью и динамичностью»²⁵, — утверждает Джон Лайонз. Правда, такое заключение Лайонз делает в связи с функциями категории падежа, но, по нашему мнению, его можно отнести и к превербам.

Таким образом, деление превербов на превербы направления и превербы места не является исчерпывающим. Приведен-

¹⁹ Там же, с. 46.

²⁰ Керашева З. И., Чкадуа Л. П. Назв. работа, с. 31.

²¹ Там же, с. 38.

²² Рogaва Г. В. Назв. работа, с. 85.

²³ Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. М. — Нальчик, 1964, с. 166.

²⁴ Там же, с. 190.

²⁵ Лайонз Джон. Назв. работа, с. 318.

ные факты, на наш взгляд, позволяют сделать вывод, что превербы типа *хэ-, дэ-, те, и-*, в составе динамических глаголов могут быть как превербами места, так и превербами направления, а в составе статических глаголов выполняют обычно функцию превербов места, другими словами, почти все превербы могут быть и превербами места, и превербами направления. При этом у одних превербов преобладает значение места действия, у других — значение направленности действия.

Способность превербов выражать и место действия, и направление действия обнаруживается в различных динамических глаголах по-разному. Одни превербы в меньшей, другие в большей степени указывают на направление действия глагола, а некоторые превербы вовсе лишены значения места действия — они указывают только на направление действия.

В соответствии с изложенной точкой зрения рассмотрим особенности превербов в бжедугском диалекте⁺

Превербы бжедугского диалекта обнаруживают некоторые отличия от превербов других диалектов адыгейского языка в огласовке и семантике. Рассмотрим наиболее характерные из них.

Преверб *къ-*

Преверб *къ-* является преимущественно превербом направления, т. е. употребляется чаще всего с динамическими глаголами, но может выступать, как уже сказано, и в роли местного преверба — в статических глаголах.

Преверб *къ-* придает глаголу значение «сюда, ко мне», или «к тебе» и выражает направление действия к говорящему — в сторону говорящего или к собеседнику — в сторону собеседника и в зависимости от смысла, времени, числа глагола принимает различную огласовку: *-а-* (*къакло* «идет сюда, ко мне» или «идет к тебе»), *-э-* (*къэкIуагъ* «пришел сюда, ко мне» или «пришел к тебе»), *-ы-* (*къыхьыгъ* «принес сюда, ко мне» или «принес к тебе»).

Значение направленности действия к говорящему — в сторону говорящего преобладает над значением направленности действия к собеседнику — в сторону собеседника, т. е. первое значение разумеется, а второе значение нуждается в определен-

⁺ То, что является общим для литературного языка и бжедугского диалекта в отношении превербов и получило освещение в специальной литературе, мы не повторяем, стараемся рассмотреть только специфическое в превербах бжедугского диалекта.

ном уточнении: ситуативном, с помощью аффиксов или отдельных слов.

Так, предложение *Сурэт кӕзкӕлӕжыгъа?* может обозначать как «Сурет уже приехала сюда, в мою сторону?» (направление действия к говорящему — в сторону говорящего), так и «Сурет уже приехала к тебе, в твою сторону?» (направление действия к собеседнику — в сторону собеседника, находящегося в противоположной стороне от говорящего — на слышимом или «читаемом» расстоянии).

Преверб *кӕ-* выражает направление действия глагола или говорящему, т. е. к первому лицу, или к собеседнику, т. е. ко второму лицу, но не может обозначать направление действия «к нему», т. е. к третьему лицу. В предложении *Тембот тади//тадӕжӕ кӕзкӕлӕгъ* «Тембот пришел к нам» действие глагола направлено в сторону говорящего, т. е. к первому лицу. В предложении *Тембот шӕуади//шӕуадӕжӕ кӕзкӕлӕгъ* «Тембот пришел к вам» действие глагола направлено в сторону собеседника, т. е. ко второму лицу. А в предложении *Тембот ахӕмади//ахӕм адӕжӕ кӕлӕгъӕ* «Тембот пошел к ним» в глаголе уже отсутствует преверб *кӕ-*. Другими словами, прослеживается отношение направления действия глагола только к двум лицам — первому и второму.

Это положение не отрицает, а подтверждает то, что преверб *н-* указывает на направление движения от говорящего к третьему лицу:²⁶ в бжедугском диалекте, как и в адыгейском языке, этот преверб употребляется только в нескольких глаголах.

На наш взгляд, отсутствие направленности действия к третьему лицу связано с самой природой третьего лица. «Адыгейская система личных местоимений отличается тем, что в ней отсутствует личное местоимение третьего лица. Местоимение третьего лица «он» всегда заменяется в адыгейском, как и ряде других языков, одним из трех существующих в нем указательных местоимений,²⁷ — писали Н. Яковлев и Д. Ашхамаф.

Подчеркивая эту же мысль, современный французский лингвист Э. Бенвенист утверждает, что «третье лицо не есть лицо»²⁸. Он ведет речь о лицах, а не о направлении действия глагола, но нам кажется, что для его утверждения аргументом может быть не только то, что в адыгейском языке третье лицо выражает обычно отсутствующее (невидимое) лицо, но и показания преверба *кӕ-*, который не может обозначать направление действия к третьему лицу.

²⁶ Мухамеджанов Ю. Назв. работа, с. 49.

²⁷ Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Назв. работа, с. 286—287.

²⁸ Бенвенист Э. Общая лингвистика. «Прогресс», М., 1974, с. 262.

Значение направленности действия глагола ко второму лицу закрепляется в нашу эпоху, т. е. появление письменности и технических средств передачи слов у адыгов расширили значение направленности действия глагола с превербом *къ-* к собеседнику — в сторону собеседника: в наше время с помощью письма радио, телефона, телеграфа можно сообщить собеседнику, находящемуся в противоположной стороне о том, что действие глагола направлено в его сторону. До появления же письменности на адыгейском языке и звукопередающей техники у адыгейцев это можно было сделать только с помощью устного слова, слышимого адресатом, или через посредника, передававшего сообщение. Например, в наше время говорящий может сообщить по телефону человеку, находящемуся на другом конце провода: *Кимэ ежь имашинэджэ къежьбагъэу къакIо* и собеседнику будет понятно, что «Ким выехал на своей машине и едет к тебе», т. е. ко второму лицу.

Может возникнуть вопрос: стоит ли акцентировать внимание на значении направленности действия глагола к собеседнику — в сторону собеседника, если это значение часто уточняется не только морфологически, но и с помощью самостоятельных слов?

Нам кажется, что стоит, даже необходимо.

Во-первых, направление действия глагола с превербом *къ-* к говорящему — в сторону говорящего тоже допускает уточнение с помощью самостоятельных слов *садэжь, тадэжь, тичыл* и т. д. Например, *Моратэ тади//тадэжь къэкIот* «Морат придет к нам».

Разница в употреблении уточняющих слов при направленности действия глагола к говорящему — в сторону говорящего и при направленности действия к собеседнику — в сторону собеседника заключается в том, что во втором случае значение направленности действия больше нуждается в уточняющих словах, чем в первом.

Во-вторых, изменение направления действия глагола с превербом *къ-* в сторону собеседника происходит и с помощью аффиксов первого лица единственного и множественного числа *сы-ты-*: *сыкъэкIот* «приду к тебе», *тыкъэкIот* «придем к тебе». Хотя преверб *къ-* является формантом, указывающим на направление действия глагола, тем не менее, категория лица, которая «принадлежит к фундаментальным и необходимым характеристикам глагола»²⁹, может оказывать влияние на направление действия глагола, выраженное превербом *къ-*.

²⁹ Там же, с. 261.

Личные аффиксы первого и второго лица единственного и множественного числа при встрече с превербом *къ-* закрепляют одно направление в непереходном глаголе. Если глагол с превербом *къ-* (например, *къэкӀот* «придет») может означать и «придет сюда, ко мне», и «придет к тебе», то прибавление аффиксов первого лица *сы-*, *ты-* к глаголу с превербом (например, *сыкъэкӀот* «приду к тебе», *тыкъэкӀот* «придем к тебе») может означать только направление действия к собеседнику — в сторону собеседника. А аффиксы второго лица единственного и множественного числа *уы*, *шъуы-* в глаголе с превербом *къ-* закрепляют только направление действия к говорящему — в сторону говорящего (например, *укъэкӀот* «придешь сюда, ко мне»; *шъуыкъэкӀот* «придете сюда, ко мне»). При встрече преверба *къ-* с личным аффиксом аффикс стоит на первом месте, а преверб на втором: *сыкъэчъэт* «прибегу к тебе», *укъэчъэт* «прибежишь ко мне».

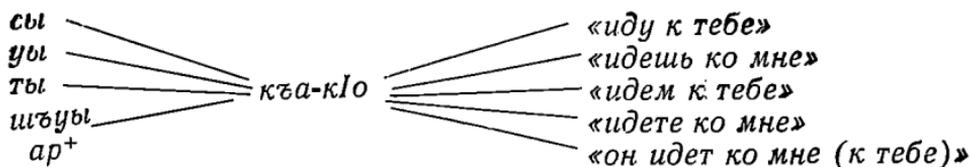
При переходных глаголах сочетание личного аффикса с превербом *къ-* существенно не влияет на направление действия, т. е. глагол с личным аффиксом может означать как направление действия к говорящему (в этом случае действие глагола направлено сугубо в пользу говорящего), так и направление к собеседнику — в сторону собеседника, например, *хъалыгъу къэсхъыт* «хлеба принесу (для себя)», *шъуадэжь хъалыгъу къэсхъыт* «принесу хлеба к вам».

Преверб *къ-* в глаголах встречается очень часто, но он с различной огласовкой употребляется в речи с различной частотностью. Так, преверб *къ-* с огласовкой *а* в значении единственного числа (этой форме в абадзехском и темиргоевском диалектах соответствует огласовка *-э-*: бж. *къакӀо* «приходит», абадз., тем.: *къэкӀо* «приходит») входит в ограниченное число глаголов — их немногим больше трех десятков: *къакӀо* «идет сюда, ко мне» (или «идет к тебе»), *къачъэ* «бежит сюда, ко мне» (или «бежит к тебе»), *къашъо* «танцует», *къажъо* «закипает», *къао* «взрывается» и т. д.

Часто употребляется преверб *къ-* и с огласовками *-э-*, *-ы-*: *къэчъагъ* «прибежал ко мне» или «прибежал к тебе»; *къытхыгъ* «написал мне» или «написал тебе».

Различные огласовки преверба *къ-* имеют, как уже сказано выше, свои особенности изменения, которые обусловлены различными смысловыми, временными и числовыми значениями глагола.

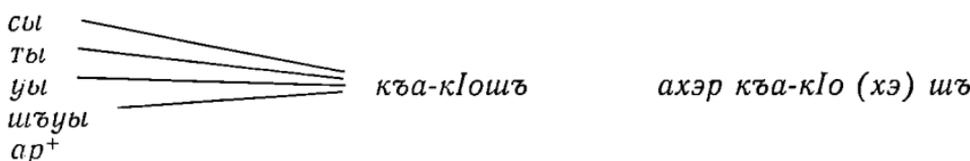
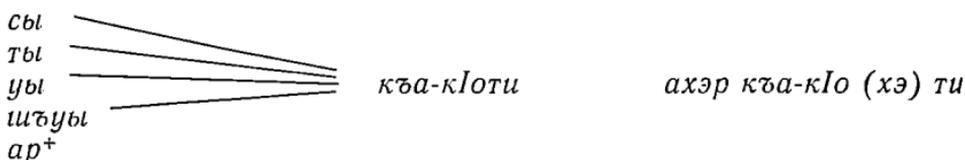
Преверб *къ-* с огласовкой *-а-* во всех лицах и числах в настоящем времени сохраняет огласовку *-а-*. Это можно изобразить схематически так:



ахэр кѣакІох «они идут ко мне», «они идут к тебе».

Преверб кѣ- не изменяет огласовку -а- в причастиях и деепричастиях настоящего времени во всех лицах и числах: кѣакІорэр «приходящий», кѣакІоу, кѣакІозэ «он приходя», сы-кѣакІозэ «я приходя», уы-кѣакІозэ «ты приходя» и т. д.

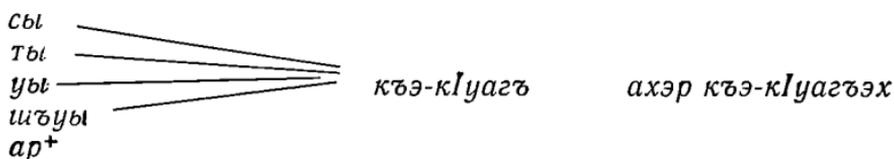
И в следующих глагольных формах преверб кѣ- имеет огласовку -а-:



Формы кѣакІо, кѣакІоу могут образовывать более или менее устойчивые сочетания, вроде: кѣакІо фэдээ, кѣакІо тетэу, кѣакІоу ылозэ, кѣакІоу кѣышІуигѣэшІзэ и т. д., а также могут встречаться формы: кѣакІомэ-кѣакІозэ, кѣакІомэ-кѣачѣээ, кѣакІомэ-џаџІээ, кѣакІомэ-кІожьзэ и т. д.

Преверб кѣ- не изменяет огласовку в глаголах типа кѣакІо и в повелительной форме единственного и множественного числа: кѣакІо! «приходи!» шѣукѣакІу! (или шѣукѣакІох!) «приходите!»

Преверб кѣ- изменяет огласовку на -э- в глаголах будущего и прошедшего времени независимо от лица и числа: кѣэ-кІот «придет», кѣэкІуагѣ «пришел», сыкѣэкІуагѣ «я пришел», кѣэкІуагѣэх «они пришли» и т. д.



Преверб *н-*

Данный преверб является только превербом направления, употребляется лишь с динамическими глаголами. Обозначает обычно направление действия от говорящего к третьему лицу:

<i>сы</i>	_____	<i>нэ-сыгъ</i>	»	«я достиг (дотронулся)»
<i>ты</i>	_____			«мы достигли (дотронулись)»
<i>уы</i>	_____			«ты достиг (дотронулся)»
<i>шъуы</i>	_____			«вы достигли (дотронулись)»
<i>ар⁺</i>	_____			«он достиг (дотронулся)»

ахэр нэ-сыгъэх «они достигли (дотронулись)».

Преверб *н-* может принимать огласовки *-а-*, *-э-*, *-е-*, *-и-*, *-ы-*.

Огласовки *-э-*, *-е-*, *-и-*, *-ы-* употребляются в значении единственного числа: *нэсы* «добирается, достигает», *нигъэсыгъ* «доставил», *негъэсы* «доставляет», *ныригъэгъэсыгъэп* «он не дал ему доставить его туда».

Преверб *н-* малопродуктивен, встречается только в нескольких глаголах и производных от них формах: *нэсы* «добирается трогает», *нэлэбэсы* «достает» *некло* «пойдем, пойдете», *нечъэ* «побежим» (последняя форма употребляется только в детской речи).

В словах *некло*, *нечъэ* преверб *н-* приобретает значение совместности, т. е. действие, обозначенное этими глаголами, не может происходить без участия и говорящего, и собеседника. Данные глаголы не имеют производных, в них преверб *н-* не меняет огласовку.

Глаголы с превербом *н-* мало чем отличаются от обычных глаголов движения, например, таких, как *клуагъэ* «пошел туда». В этих глаголах действие направлено в сторону от говорящего, точнее к третьему лицу, обратное направление, т. е. к говорящему, обозначается глаголом с превербом *къ-*: *къэклуагъ* «пришел сюда». Также и в глаголе *нэсы* «добирается, трогает»: в нем действие направлено в сторону от говорящего, с превербом же *къ-* (*къынэсы* «добирается, трогает сюда») действие направлено в сторону говорящего.

Преверб *н-* в отличие от преверба *къ-* не изменяет на-

правление движения с помощью личных аффиксов *сэ-, уэ-, тэ-, шъуэ-*: *се-нэсы* «я дотрагиваюсь» (действие направлено в сторону от говорящего), *уенэсы* «ты дотрагиваешься» (действие тоже направлено в сторону от говорящего).

В определенном контексте глаголы *къэсы* и *къынэсы* «прибывает сюда» могут быть синонимичными, они оба имеют направление, противоположное направлению действия глагола *нэсы* «достигает туда».

Бжедугский диалект в употреблении преверба *н-* не обнаруживает особых отличий.

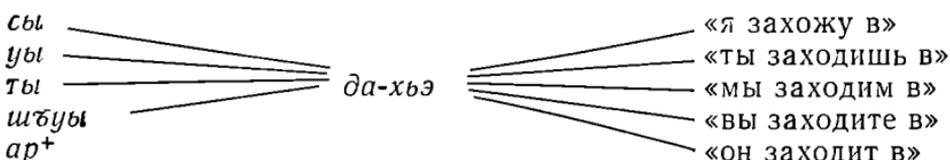
Превербы *д-, х-, чI-, кI-, гу-, къу-, нI-, шIу-*.

Эти превербы достаточно подробно рассмотрены в специальной литературе, поэтому мы их объединяем, указывая лишь на особенности, характерные для бжедугского диалекта.

Данные превербы употребляются как со статическими, так и с динамическими глаголами и являются как превербами места, так и превербами направления. Например, в предложении *Натрыфыр хатэм дэт* досл.: «Кукуруза стоит на огороде» глагол *дэт* «стоит там» является статическим, поэтому преверб *д-* означает место нахождения кукурузы. В предложении же *Шъузэр хатэм дэхьагъ* «Женщина зашла на огород», глагол *дэхьагъ* «зашла туда» — динамический, поэтому преверб *д-* означает направление действия глагола.

Огласовка данных превербов бывает различной в зависимости от значения, времени и числа глаголов. Характер огласовки этой группы превербов аналогичен характеру огласовки преверба *къ-* в глаголе *къакIо* «идет сюда//идет к тебе»: *дахьэ* «заходит в», *дэхьагъ* «зашел в», *дэхьат* «зайдет в» и т. д.

Личные аффиксы не влияют на направленность действия, обозначенного превербом *д-*, как в случае с превербом *къ-*:



Таким образом, в одноличных динамических глаголах единственного и множественного числа настоящего времени со значением направленности действия к предмету эта группа превербов имеет во всех лицах огласовку *-а-, сыхахьэ* «я

захожу в», *ухахьэ* «ты заходишь в», *сычлахьэ* «я захожу под», *уычлахьэ* «ты заходишь под», *сыклахьэ* «я догоняю его», *уклахьэ* «ты догоняешь его» и т. д.

В одноличных динамических глаголах единственного и множественного числа прошедшего и будущего времени превербы имеют огласовку -э-: *дэхьагъ* «зашел в», *дэхьат* «зайдет в», *гуэхьагъ* «подошел сбоку», *гуэхьат* «подойдет сбоку» и т. д.

В глаголах со значением направленности действия от предмета во всех временных формах, а также во всех лицах и числах эта группа превербов имеет огласовку -э-: *сыдэкIы* «я выхожу между», *уычIэкIы* «ты выходишь из-под», *сыкъуэкIы* «я выхожу из-за (угла)» и т. д.

В повелительной форме глагола со значением направленности действия к предмету эти превербы, как и преверб *къ-*, имеют огласовку -а-: *дахь!* «заходи в!» В глаголах же со значением направленности действия от предмета те же превербы имеют огласовку -э-: *дэкI!* «выходи между!» *чIэкI!* «выходи из-под!» и т. д.

В статических глаголах во всех формах времени, даже в повелительной форме, а также во всех лицах и числах эта группа превербов имеет огласовку -э-: *дэс* «сидит в», *чIэс* «сидит под», *дэс!* «сиди в!» *чIэс!* «сиди под!» и т. д.

В бжедугском и темиргойском диалектах превербы в своей семантике обнаруживают различия только в некоторых случаях. Например, в темиргойском диалекте значение «работает учителем в школе» передается с помощью преверба *Iy-*: *Ар кIэлээгъаджэу школым Iyт.* То же значение в бжедугском выражается с помощью преверба *чI-*: *Ар кIэлээгъаджэу школым чIэт.* В бжедугском диалекте *Iyтh* могут сказать о менее ответственных работниках школы — о стороже, шофере, ездовом, кочегаре и т. п. *Ар къэрэгъулэу школым Iyтh.* «Он работает в школе сторожем».

Превербы *йы-//йэ-*; *Iy-*, *лэ-*, *тh-*

Эти превербы тоже употребляются со статическими и динамическими глаголами, могут выражать как место, так и направление действия глагола. Они обнаруживают некоторые отличия от таких же превербов в темиргойском диалекте. Так, преверб *лэ-* в бжедугском часто соответствует превербу *кIэлээ-* в темиргойском: *бж. лээджэ, тем. кIэлээджэ* «зовет вслед за». В бжедугском преверб *кIэлээ-* употребляется реже, чем в

темиргойском, например, в глаголах *к1элъэо* «бьет, стреляет вслед за», *к1элъэллэ* «смотрит вслед за» (глагол *лъэллэ* «смотрит за» отличается от предыдущего глагола своим значением) или в семантике обнаруживает отличия: значение *лъэк1о* (бжедугская форма) «идет вслед за» в темиргойском выражается формой *к1элъэк1о*. В бжедугском форма *к1элъэк1о*, *к1элъы-к1ожыгъ* имеет значение «последовал за покойником», т. е. умер.

Преверб *йы-//йэ-* в некоторых глаголах имеет различную огласовку в зависимости от времени глагола: в настоящем времени преверб принимает форму *йэ-*: *йэхъэ* «заходит в», *йэк1ы* «выходит из», в будущем и прошедшем временах — форму *йы-*: *йыхъат* «зайдет в», *йыхъагъ* «зашел в» и т. д.

Огласовка данного преверба в некоторых случаях бывает различной в бжедугском и темиргойском диалектах: *бж. Ахъцэр сберкассэм йысэлъхъэ*, *тем. Ахъчэр сберкассэм йэсэлъхъэ* «Деньги кладу в сберкассу», *бж. Псэр графинэм йысэгъахъо*, *тем. Псыр графиным йэсэгъахъо* «В графин наливаю воду». В подобных глаголах эти различия наблюдаются только в форме настоящего времени, в будущем и прошедшем временах огласовка преверба в обоих диалектах совпадает: *Ахъцэр (ахъчэр) сберкассэм (йыслъхъат) йыслъхъацт.* «Деньги положу в сберкассу». *Ахъцэр (ахъчэр) сберкассэм йыслъхъагъ.* «Деньги положил в сберкассу» и т. д.

Превербы *ш1охэлэ-*, *к1элъыры-*, *шъхъапырэ-*, *шъхъадырэ-*

Эти превербы сложные, состоят из трех элементов. Из них только преверб *к1элъыры-* может употребляться и со статическими, и с динамическими глаголами: *к1элъырыт* «стоит рядом», *к1элъырыс* «сидит рядом», *к1элъырыхъагъ* «подошел к», *к1элъырэхъэ* «подходит к» и т. д. Вместо трехсоставного преверба в бжедугском в темиргойском диалекте употребляется двухсоставный преверб *к1эрыт*: *к1эрыт* «стоит рядом», *к1эрыс* «сидит рядом», *к1эрыхъагъ* «подошел к», *к1эрэхъэ* «подходит к» и т. д.

Превербы *ш1охэлэ-*, *к1оц1ыры-*, *шъхъапырэ-*, *шъхъадырэ-* могут употребляться только с динамическими глаголами, следовательно, являются только превербами направления: *эзум шъхъапырэк1ы* «перелезает через плетень» и т. д. Преверб *к1оц1ыры-* в темиргойском диалекте часто употребляется там, где в бжедугском используется преверб *пхыры-*: *бж. Мэзым гъогур пхырэк1ы в тем. Мэзым гъогур к1оц1ырэк1ы* «Дорога проходит через лес».

Превербы *жэхэ-, лэхэ-, шлуэхэ-, нхэкIэ-, IэкIэ-, кIэкIэ-*

Эти превербы тоже сложные, состоят из двух элементов, употребляются как со статическими, так и с динамическими глаголами. Огласовку меняет только вторая часть преверба: *жэхэхэ* «наступает на него», *жэхэхэагэ* «пригрозил ему» и т.д.

Превербы данной группы имеют почти те же особенности, что и рассмотренные выше превербы *д-, х-* и др. Огласовка превербов группы *жэхэ-* обнаруживает свои отличия в бжедугском диалекте только в глаголах настоящего времени единственного и множественного числа: *бж. шлуэхафэ, тем. шлуэхэфэ* «падает на острие», *бж. IэкIафэ, тем. IэкIэфэ* «попадает ему в руки» и т. д.

Превербы *тыри-, ре-, ебгэу-, бл-*

Данные превербы встречаются только в составе динамических глаголов, являются только превербами направления.

В их употреблении бжедугский диалект не обнаруживает особых отличий.

Превербы *клоцIы-, шхьары-*

Эти превербы употребляются как со статическими, так и с динамическими глаголами, могут быть и превербами места, и превербами направления: *клоцIытI* «стоит внутри», *клоцIэпшы-хэ* «заползает внутрь» и т. д.

Бжедугскому превербу *шхьары-* в темиргойском диалекте соответствует преверб *шхьащы-* *бж. шхьарыт, тем. шхьащыт* «стоит над ним», *бж. шхьарэхэ, тем. шхьащэхэ* «заходит над ним» и т. д.

Преверб *IэпIы-, нхэIуы-, жэдэ-*

Эти сложные превербы тоже употребляются с динамическими и статическими глаголами, являются как направляющими, так и локальными превербами. В их употреблении бжедугский диалект не обнаруживает особых отличий.

Преверб *щ-*

Этот преверб — единственный из так называемых превербов места, который указывает на границы совершения действия глагола, но не содержит и намека на направление этого дейст-

вия. Так, в предложении *КIалэр Iэгум щэджэгу* «Мальчик играет во дворе» место действия глагола *щэджэгу* «играет в» ограничено двором, притом действие не направлено в какую-либо сторону.

Это отмечает и З. Керашева: преверб *щ-* «обозначает место действия независимо от предмета и действительно является превербом места»³⁰.

Таким образом, преверб *щ-* стоит несколько особняком среди так называемых превербов места. Его отличие от других превербов заключается, во-первых, в том, что четко указывает на место, где совершается или начинается действие глагола, а также проявляется состояние предмета, во-вторых, он не может быть, на наш взгляд, превербом направления, хотя успешно сочетается с динамическими глаголами. *КIалэр институтым щеджэ*. «Парень учится в институте». *Сабыер янэди щыс*. «Ребенок сидит около матери. *ШакIом тыгъужъэр бжъаIомди щырифыжъагъ*. «Охотник погнал волка около пасеки». В глаголе *щырифыжъагъ* «погнал оттуда» последнего предложения преверб *щ-* указывает на начало действия глагола, а направление действия глагола выражено превербом *-ри-*.

Из сказанного вытекает, на наш взгляд, следующие выводы. Глаголы движения и без превербов в адыгейском литературном языке и в бжедугском диалекте содержат указание на направление этого движения. Строгое деление превербов на превербы направления и превербы места не является вполне исчерпывающим. Так называемые превербы направления могут быть и превербами места (кроме преверба *н-*), а превербы места — превербами направления (кроме преверба *щ-*), в зависимости от характера глаголов — статических или динамических, — в составе которых выступают эти превербы.

Превербы направления и превербы места в бжедугском диалекте обнаруживают некоторые отличия от превербов темиргойского диалекта в огласовке и семантике.

В бжедугском диалекте преверб направления *къ-* может выражать как направление действия к говорящему (иметь значение «сюда, ко мне), так и направление действия к собеседнику (значение «к тебе»).

³⁰ Рогова Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка, Краснодар — Майкоп, 1966, с. 134.

ОТРАЖЕНИЕ АДЫГСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТОПОНИМИИ АДЫГЕИ, КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Предки адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) были автохтонным населением Северо-Западного Кавказа. В древности они обитали на юго-западе Северного Кавказа и Черноморском побережье. Проживая постоянно на указанной территории, адыги на протяжении многих столетий, а может и тысячелетий, достаточно хорошо изучили свой край и создали большое число географических названий, составляющих значительный пласт в составе гидронимов, оронимов и ойконимов Кавказа. Изучение отмеченных топонимических названий представляет большой интерес для истории адыгских языков (тем более это особенно важно для новописьменных языков — адыгейского и кабардино-черкесского, — располагающих записями лексики в сравнительно позднее время) и позволяет судить об экономической и общественной жизни наших предков.

В данной статье анализируются исконно адыгские топонимические названия, встречающиеся на территории Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, рассмотрены также и географические названия Краснодарского края, так как адыги проживали и проживают в настоящее время за пределами указанных областей и республики. Исследуемый материал извлечен из труда Дж. Н. Кокова «Адыгская (черкесская) топонимия, Нальчик, 1974» и из статей К. Х. Меретукова «Из топонимики Северо-Западного Кавказа», Ученые записки Адыгейского НИИ, т. XII, Майкоп, 1971 и «Из топонимики и гидронимики Адыгеи», Ученые записки Адыгейского НИИ, т. XIV, Майкоп, 1972.

Северо-Западный Кавказ отличается исключительным разнообразием природных условий и естественных ресурсов. Во флоре этого края насчитывается около трех тысяч видов цветковых и споровых растений, приспособленных к различным условиям¹. Все это не могло не найти своего отражения в адыгской топонимии. Общеизвестно, что географические названия по своей природе составляют древний пласт топонимии, хотя отчасти не исключена возможность их появления и в более позднее время, даже в наши дни.

Изучая топонимы, связанные с флорой, мы можем обнаружить интересные данные об исчезнувших особенностях ландшафта определенной местности, о перенесении названий с других территорий (этот вопрос не входит в задачу нашего исследования). Нас интересует вопрос о том, как отражается флористическая лексика в адыгской топонимии. С этой целью рассмотрим оронимы, ойконимы и гидронимы и выявим некоторые закономерности.

В адыгских оронимических названиях часто фигурирует апеллатив *пцелы* «ива», верба>//*пцеш* «ивняк», что соответствует повсеместному распространению ивняков вдоль рек: адыгейск. *Пцелыкъо, Пцелышъхъэхъоу, Пцелгъошъу, Пцелжъый, Пцешыжъыр, ПцешкIыхъэ, Пцеш, Къэзэныкъоежъ пцеш, ПцештIуалэ.*

Второй «активной» лексемой можно считать адыгейск. *дае*// каб.-черк. *дей* «лещина»: адыгейск. *Дэялъ, Дамкуалъ*; каб. *Деймэз, Дейкъуэ, ДейкIуэцI.*

Адыгейск. *чъыгае*// каб.-черк. *жыгей* «дуб» встречается в следующих названиях: адыгейск. *Чъыгэекъомэз, Чъыгэякъу, Чъыгэемэзлъахъ, Чъыгэемэз, Чъыгэежъ*: черк. *ЖыгэйшIэху.*

Адыгейск. *мыстхъэ* «вяз» дало такие оронимы: *Мыстхъалъ, Мыстхъэмэз, Нэкъарэ имыстхъалъ, Мыстхъэбын.*

Такой же активностью, как и «вяз», обладает апеллатив *къужъай* «груша, грушевое дерево»: адыгейск. *Къужъэялъ, Хъатыкъ икъужъай*, каб. *Къужъей закъуэ, Къужъэибэ, Къужъей махуэ.*

По два названия мы находим с лексемами адыгейск. *сырыб* «айлант, китайский ясень», адыгейск. *мые*//каб.-черк. *мей* «яблоня лесная» и *зае* «кизил»: *Сырыбылъэ, Сырыбыцлъахъ, Мыетыку, Мей лэбыщэ хуей, ЗэIуашъхъ, Зэетх.*

Со следующими лексемами в материалах мы обнаружили по одному оронимическому названию: адыгейск. *кIай* «ясень» — *КIай гъэхъун, тфэи* «граб» — *Тфэялъ*; *псэи* «черноклен» — *Псэ-*

¹ См.: Харакоз М. Ф. Лекарственные растения Краснодарского края и их использование, Краснодар, 1974, с. 3.

ялъ; пчэи «бук» — Пчэякъо; шхъомчы «каштан» — Шхъомчы-
якъу; отабэ «лоза» — Отэбэгъэхъун; ныхы «осина» — НыхыкIэ-
шъу; пхъэгулъ «алыча» — Пхъэгулъыежъ; каб. дэшхуей «грецкий
орех (дерево)» — Дэшхуей дэхъэлэ; хьэмкIутIей «боярыш-
ник» — ХьэмкIутIей гуэрэныжъ; чыцIыпей «бересклет» — Чы-
цIыпей; шэдыгъуей «черешня» — Шэдыгъуей; черк. пхъэмыф
«нежной-дерево» — Пхъэмыфыкъуэ (Это, конечно, не может
быть основанием для утверждения, что в языках адыгского кру-
га с этими лексемами не встречаются другие оронимы).

Наблюдаются случаи, когда ороним соотносится с лексе-
мой, обозначающей анатомическое строение растений: «колюч-
ка», «фрукт» и т. п. Например, адыгейск. панэ//каб.-черк. банэ
«колючка» входит в состав таких топонимов, как адыгейск.
Пэнэшхор, Пэнэжъыр, Пэнэгу; каб. Банэжь хуей, Банэхукъуэ,
Банэкъуэ. Ср. аналогичные образования: адыгейск. къужъы
«груша (фрукт)» — КъужъгъэгъунIэ, мы «лесное яблоко» —
Мыжъый, чы «хворост», «прут» — Чыжъыешхор.

Некоторые топонимы происходят от слов, связанных с наз-
ваниями совокупного множества растений. Ср. адыгейск. пхъа-
лъэ «лес, заросли деревьев» и Лъэмгъан ихъалъ, Пхъэлъэжъ,
ЦубытIым ихъалъ; къуджыр «кустарник, заросли кустов» и
Къуджыр, КIыцэ «кустарник, заросли кустов» и КIыцэ; черк.
гъурицэ «кустарник, заросли кустов» и Гурицэ.

В адыгских языках сравнительно малочисленны оронимиче-
ские названия, восходящие к наименованиям травянистых расте-
ний. Из них самыми распространенными можно считать такие
топонимы, в состав которых включается лексема къамыл
«камыш» (видимо, это связано с хозяйственным значением
камыша): адыгейск. Къамылыжъ тыку, Къамыл гъэхъун, Къа-
мылыкIэгъэхъун, Къамылхъурай, каб. Къамылыкъуэ.

Среди оронимических названий можно выделить такие то-
понимы, которые условно могут считаться постоянными (естест-
венно допустить, конечно, исчезновение растительности по
каким-либо причинам): адыгейск. псыуцэ «осока» — Псыуцылъэ
гъэхъун, Псыуцкъуахъэр, енэб «папоротник» — Енэбылъэ; каб.
къэлэр «черемша» — Къэлэрыкъуэ.

Другие топонимы тогда можно признать случайными, ситуа-
тивными, т. е. связанными с каким-либо случаем или явлением,
чаще это имеет место, видимо, в микротопонимии. Например,
адыгейск. картоф «картофель» — КартофчIэхыпIэ «Место, где
выкапывают картофель», щыбжъый «перец» — Щыбжъыикъу,
пындж «рис» — Пынджыкъу; хьэ «ячмень» — Хьэпкъэ, хьамцIый
«рожь» — ХьамцIышпIэр, ХьамцIыйкъушхъ, нашэ «дыня» —
НэшэпкъытIукI: каб. Джэшы «фасоль» — Джэшыпхъэ.

Считаем, что гидронимы в адыгских языках, которые связаны с фитонимами (названиями растений), большей частью созданы на базе оронимов. Следовательно, такие гидронимы можно считать оторонимическими. Ср.:

Ороним	Гидроним	Апеллятив
адыгейск. ⁺ <i>Пцешэтыку</i> ¹ → <i>Пцештыку</i>		<i>пцеш</i> «ивняк»
⁺ <i>Пцелькѳо</i> → <i>Пцелькѳо</i>		<i>пцелы</i> «ива»
⁺ <i>Остыгѳай кІэй</i> → <i>Остыгѳай кІэй</i>		<i>остыгѳай</i> «пихта»
каб. ⁺ <i>Кѳамылыкѳуэ</i> → <i>Кѳамылыкѳуэ</i>		<i>кѳамыл</i> «камыш»
черк. ⁺ <i>Пыжѳгуэн</i> → <i>Пыжѳгуэн</i>		<i>пыжѳ</i> «терн»

По всей вероятности, чтобы не было путаницы между оронимом и гидронимом для дифференциации этих явлений адыгские языки стали прибегать к использованию номенклатурных терминов *псы* «река», «вода» и *псынэкІэчѳ* «родник» Ср.

Ороним	Гидроним
<i>Зсикѳуэ</i>	<i>Зсикѳуэпс</i>
<i>Псэикѳу</i>	<i>Псэикѳупс</i>

Гидронимы легко образовывались в результате соединения фитонима и лексем *псы* «река», «вода» и *псынэкІэчѳ* «родник»: адыгейск. *Кѳужѳэпс* (из *кѳужѳы* «грушевое дерево» и *псы* «река»)

Лашэѳопс (из *лэшагѳо* «желтый клен» и *псы* «река»)

ЗэежѳпсынэкІэчѳ (из *зэежѳ* «старый кизил» и *псынэкІэчѳ* «родник») каб. *Деипс* (из *дей* «лещина» и *псы* «река»)

Ойконимов, непосредственно образованных от названий растений в адыгских языках сравнительно мало: ср., например, *Блашэпсын* > *Лэшэпсын* и *блашэ* «клен», *Пэнэхэс* и *панэ* «терновник».

Чаще всего ойконимы либо образованы от оронимов, либо восходят к оронимам, связанным с названиями растений. Ср.:

Ороним	Ойконим	Апеллятив
адыгейск. <i>Мыекѳо + нэ</i> → <i>Мыекѳуанэ</i>		<i>мые</i> «яблоня лесная»
<i>Кѳамылыкѳу</i> → <i>Кѳамылыкѳу</i>		<i>кѳамыл</i> «камыш»
<i>Псэйтыку</i> → <i>Псэйтыку</i>		<i>псэи</i> «клен»

¹ Оронимы, наличие которых в прошлом в адыгских языках предполагается.

Некоторые названия населенных пунктов созданы в русском языке на базе оронимов и гидронимов, заимствованных из адыгских языков, с использованием русских словообразовательных элементов — суффиксов. Ср.: русск. Станица *Келермесская* адыгейск. *Къэлэрмэз*-Келермес⁺ ск-ая.

Станица <i>Беноково</i>	каб. <i>Бэнэкъуэ</i>	Беноко+ов-о
Станица <i>Гостоговская</i>	адыгейск. <i>Остыгъай</i>	Гостого+евск-ая

Следовательно, анализ адыгейского и кабардино-черкесского материала свидетельствует о том, что в топонимии Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии адыгские названия растений нашли широкое отражение. Это свидетельствует о языковом богатстве адыгских народов и о их наблюдательности.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АДЫГЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Первые записи лексического и текстового материала на адыгейском языке были произведены в XVII веке (Э в л и я Ч е л е б и), продолжалась регистрация адыгейских слов и в XVIII веке (Ф. Ш т р а л е н б е р г, И. Г ю л ь д е н ш т е д т и др.), но считать эти попытки началом адыгейской письменности нельзя: запись осуществлялась алфавитами, созданными для языков иной генеалогической и типологической принадлежности, без надлежащего их приспособления к нормам адыгейской речи.

Предварительным условием возникновения у народа письменности служит составление алфавита, призванного лечь в основу письма. Созданию такой предпосылки адыгейской письменности было положено начало в первой половине XIX столетия. Почин принадлежит Н а т а у к у Ш е р е т л у к у, который в самом начале минувшего века «трудился над созданием алфавита» адыгейского языка, но «по настоянию духовенства принужден был предать огню труд свой» (Султан Адиль-Гирей).

В создание условий возникновения у адыгейцев письменности внес свою лепту преподаватель Петербургского университета И. Г р а ц и л е в с к и й, который в 1829 году «составил на русском черкесский алфавит». Этот алфавит предназначался в первую очередь для изучения родного языка адыгами, служившими в то время в Кавказско-горском полукэскадроне, находившемся в Петербурге и сыгравшем «объективно-положительную роль в истории сближения горцев с Россией»¹.

¹ Гарданов В. К., Мамбетов Г. Х. Введение к кн.: Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, Изд-во «Эльбрус», 1978, с. 7.

С помощью алфавита ученики И. Грацилевского «впоследствии даже переписывались между собой»².

Одновременно с И. Грацилевским трудился над изобретением основы адыгейского письма Султан Хан-Гирей, который был «зачинателем науки и просвещения родного народа», «пионером в разработке адыгской истории, этнографии и фольклора» и сыграл «основополагающую роль в развитии адыгской литературы на русском языке»³. Примерно к началу 30-х годов XIX века он составил адыгейский алфавит, в основу которого положил систему русской графики. В «Записках о Черкесии» Хан-Гирей писал: «К этим опытам (т. е. к опытам Н. Шеретлука и Ш. Ногма. — У. З.) я могу еще присовокупить и собственный: мною была составлена азбука для этого (т. е. адыгейского — У. З.) языка»⁴. При помощи этой азбуки Хан-Гирей записывал адыгейские предания. Предпринятый опыт, — писал Хан-Гирей, — «меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения, без которого народ черкесский никогда не достигнет благодетельной степени гражданской образованности»⁵.

Как известно, в имеющихся публикациях Хан-Гирея не приводится составленный им адыгейский алфавит. Однако текст этих сочинений содержит множество адыгейских слов, изображенных «письменами» автора «Записок о Черкесии». По орфографической записи этих слов мы и попытались «восстановить» адыгейский алфавит Хан-Гирея*.

Почин И. Грацилевского и Хан-Гирея был подхвачен автором «Словаря русско-черкесского или адыгского» Леонтием Люлье, который также использовал для своей адыгейской азбуки графическую систему русского языка. Алфавит Л. Люлье появился на свет в 1840 году. Составлен он в основном на материале шапсугской разновидности адыгейской речи. Хотя эта азбука была важным шагом, ориентированным на создание адыгейской письменности, она не могла служить надежной основой письма, ибо в ней не нашли должного отражения специфические явления адыгейской речи, к ним оказались менее приспособленными средства русской графики.

² Петин С. Собственный его императорского величества конвой. 1811—1911 гг., изд. 2. СПб, 1911, с. 66.

³ Гарданов В. К. и Мамбетов Г. Х. Указ. соч., с. 3.

⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, Изд-во «Эльбрус», 1978, с. 95.

⁵ Там же.

* Алфавит см. на стр. 90.

Адыгейский алфавит Хан-Гирея

А [а]	К [к]	Ф [ф, цу, шъу]
АЙ [я]	КК [къ]	ФВ [шIу]
Б [б]	ККО [къо, кIо]	Х [х]
В [кратк. у, цу]	ККУ [къу, кIу]	ХГ [гъ]
ВА [уа]	КО [го, ко, кIо]	ХГО [гъо]
ВВ [цу]	К [гу, ку, кIу]	ХГУ [гъу]
ВО [о]	Л [л]	ХХ [хъ, хь]
ВФ [шIу]	ЛЬ [лъ]	ХХО [хъо]
Г [г]	М [м]	ХХУ [хъу]
Д [д]	Н [н]	Ц [цI, ц]
ДЗ [дз]	О [о]	ЦЦ [цh]
ДЦ [цI]	П [п]	Ч [ч]
ДЧ [кI]	ПП [пI]	Ш [ш]
ДЪ [дж]	Р [р]	ШЬ [щ]
Е [э, е]	С [с, шъ]	Ъ [I]
Ж [е]	СШ [шъ]	ЪО [Iо]
ЕЙ [ж]	Т [т]	ЪУ [Iу]
ЖЬ [жъ]	ТД [тI]	Э [Iэ]
З [з, жъ]	ТЛ [лI]	Я [я, а]
ЗЖЬ [жъ]	ТТ [тI]	
И [ы, и]	ТЧ [кI]	
Й [й]	У [у]	

Начинание Н. Шеретлука в области изобретения арабской по происхождению адыгейской азбуки приобрело впоследствии силу традиции благодаря усилиям Умара Берсея (Омара Берсеева), который «практически и теоретически знал основательно» адыгейский язык. Азбука Умара Хапхаловича состоит из двадцати восьми арабских по происхождению букв, четырех персидских по исходному материалу букв и четырнадцати букв, изобретенных самим автором для обозначения специфических звуков адыгейской речи. В качестве графических эквивалентов гласных звуков составителем азбуки рекомендованы специальные надстроочные и подстроочные знаки (диактрики).

Научная и педагогическая общественность встретила азбуку У Берсея с живым интересом. Академики М. Броссе, Б. Дорн и А. Шифнер указывали, что У Берсей «гораздо лучше умеет выразить согласные, свойственные черкесскому языку, чем издатель «Русско-черкесского словаря» Леонтий Люлье, который довольствуется одними согласными русского алфавита», и подчеркивали, что составитель адыгейской азбуки, напротив, употребляет «несколько очень удобных отличительных знаков и ви-

доизменений арабских согласных для обозначения различных оттенков черкесских звуков».

О достоинствах составленной У Берсеем азбуки свидетельствует и тот факт, что она для адыгских просветителей служила наилучшим мериллом оценки появлявшихся позднее алфавитов. Например, одним из положительных качеств усларовской азбуки кабардинского языка считалось то, что она «в главном, именно в выражении звуков, нисколько не уступает берсеевской»⁶.

У.Берсей и его ученики, которых он обучал в Ставропольской гимназии и которые впоследствии работали в учебных заведениях, прилагали все возможные усилия, чтобы «привить народу» вновь составленную «грамоту». Известный кабардинский просветитель К. Атажукин писал: «Ученики из горцев, возвращавшиеся на время каникул домой и имевшие привычку прочитывать своим односельцам басни и рассказы, записанные буквами Берсеева, были осаждаемы просьбами сохт и мулл, желавших выучиться этой азбуке»⁷. Но далее К. Атажукин с горечью констатировал, что «ни сам Берсеев, ни ученики его из горцев при тех условиях, в которых они находились, не в состоянии были сделать что-либо для проведения в народ вновь изобретенной письменности»⁸.

Азбука У Берсея, наряду с отмеченными достоинствами, имеет и существенные недостатки: она не выдерживает полностью так называемого фонологического принципа, не охватывает всех звуков адыгейской речи и т. д. Некоторые специалисты адыгейского языка (А. Хатанов и др.) не считают положительным и то, что берсеевская азбука содержит графические эквиваленты арабских по происхождению звуков, представленных в заимствованных словах⁹.

Коллекция адыгейских азбук включает в себя и систему графических знаков, вышедшую из-под пера выдающегося лингвиста-кавказоведа П. К. Услара. Изобретение составляет часть «Черновых заметок [о черкесском языке]» Петра Карловича, помещенных в посмертно опубликованной его монографии «Абхазский язык» в качестве приложения¹⁰. Приступая к составлению азбуки, П. Услар имел убеждение в том, что специфичес-

⁶ Атажукин К. Попытки введения кабардинской письменности. — Газ. «Терские ведомости», 1870, №№ 10 и 11.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См. об этом: Хатанов А. А. Из истории адыгейских алфавитов. — Ученые записки Адыгейск. НИИ. Т. V Языкознание. Краснодар — Майкоп, 1966, с. 195.

¹⁰ Услар П. К. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

кие особенности адыгейского произношения «не препятствуют созданию полной и немногосложной азбуки для самих черкесов, потому что 1) отрывистое произношение согласных может быть обозначено одним общим знаком, 2) разнообразие произношения одних и тех же гласных и двугласных обуславливается исключительно звуковыми законами языка, которые каждым черкесом усваиваются вместе с матерним молоком, а не требованиями различия смысла двух сходных слов»¹¹. Однако обстоятельства не позволили знаменитому кавказоведу изучить адыгейский материал настолько, чтобы выявить «все тонкости черкесского выговора посредством письма», что, безусловно, сказалось и на созданной им «черкесской азбуке».

Последние десятилетия минувшего века также ознаменовались появлением целого ряда упорядоченных инвентарей графических знаков, имеющих своим назначением стать фундаментом адыгейского письма.

В 1878 году принялся за дело превосходно знавший арабскую грамоту Хаджибеч Анчок, который и стал творцом новой адыгейской азбуки на базе арабской графики. Работая над проблемой, Хаджибеч Шханчериевич проявлял заботу о создании как можно более простой и вместе с тем максимально полной азбуки. Буквами своего же изобретения Х. Анчок записал множество произведений устного народного творчества и др.

Азбука Х. Анчока имеет ряд преимуществ перед составленными до нее алфавитами: а) она включает в себя 68 букв и полнее выдерживает так называемый фонологический принцип; б) в ней все графические знаки одинарные; в) она содержит более контрастные буквы; г) в ней больше линейных гласных знаков и т. д.

Попытки создания основы адыгейской письменности предпринимались и зарубежными адыгами, к которым относятся:

1) Доктор Махмуд Пчегатлук, составивший на материале арабского письма «черкесскую азбуку» в 1902 году. Издана азбука в том же году в Турции. Позднее, в 1904 году, М. Пчегатлук создал на латинской графической основе адыгейский алфавит, который был опубликован в Турции.

2) Магомед Кемаль Хуаж, чей алфавит на арабской графической основе увидел свет в 1910 году в Египте.

3) Бленауко Баток, азбука которого, основанная на латинском письме, напечатана в 1912 году в Турции.

4) Группа адыгов, составившая в Константинополе «черкес-

¹¹ Услар П. К. Черновые заметки [о черкесском языке]. Приложение к монографии «Абхазский язык». Тифлис, 1887, с. 61.

скую азбуку» на базе арабской графики. Азбука вышла вторым изданием в 1913 году.

Как видно из вышесказанного, до Октябрьской революции было предпринято немало попыток создания адыгейской письменности, но они не увенчались успехом, потому что не имелось для этого необходимых условий. Такие условия возникли лишь после Октября.

В целях осуществления важнейшей задачи культурной революции, повышения политического, технического и культурного уровня всего народа было по инициативе комиссара по горским делам при Кубанском облисполкоме М. Х. Шовгенова решено составить адыгейский алфавит. Ответственным делом было поручено А. И. Б е к у х у. В кратчайший срок, как того требовал ритм времени, Ахмед Исмаилович создал адыгейский алфавит, взяв за основу азбуку доктора М. Пчегатлука. Азбука была в 1918 году литографирована в г. Екатеринодаре¹².

На алфавите А. И. Бекуха печатались первая национальная газета, орган комиссариата по горским делам при Кубанском облисполкоме «Красная Кубань» (1918), впоследствии — газеты «Советская Кубань» (1920), «Адыгэ макъ» (1923) и «Адыгэ псыукI» (1926). На этом алфавите выходила вся литература на адыгейском языке первого десятилетия существования нашей письменности.

Арабизированное адыгейское письмо сыграло в свое время положительную роль в деле ликвидации неграмотности среди адыгейцев, не имевших до Октября письменности на родном языке. Но впоследствии, в середине 20-х годов, особенно явно обнаружилась неспособность арабской графики служить основой адыгейского письма. Не могли не сказаться негативные особенности арабской графики, на которые в свое время указывал Ф. Энгельс — наличие надстрочных и подстрочных знаков, одинаковость начертания многих букв, отсутствие гласных букв. Все это затрудняло овладение адыгейской грамотой в школе, затрудняло письменное общение. Стала необходимой замена арабской графики латинской. Графика латинская имеет ряд преимуществ перед арабской: отсутствие надстрочных и подстрочных знаков, наличие меньшего количества внешне одинаковых букв, существование гласных букв и т. д.

Адыгейская письменность была переведена с арабской графики на латинскую в 1927 году. Это мероприятие представляло для того времени поистине значительный шаг вперед в дальнейшем культурном развитии адыгейского народа. В. И. Ленин

¹² См.: Хатанов А. А. Из истории адыгейских алфавитов, с. 199—200.

с полным основанием называл латинизацию письма на Востоке «великой революцией».

Латинизированный адыгейский алфавит лучше обслуживал потребности нашей письменной практики, полнее отвечал требованиям письменного общения. Чувствовалось это особенно в начале существования латинизированной адыгейской письменности. С течением времени стремительно развивающаяся адыгейская письменность стала требовать большего, чем могла дать ей латинская графика. Латинский алфавит имеет в своем составе лишь 25 букв, в связи с чем неоправданно быстро оказывались исчерпанными возможные графические построения букв для передачи на письме сравнительно сложной системы звуков адыгейской речи. Затруднительным оказывалось также техническое использование латинизированного адыгейского алфавита, которое ограничивалось узкими рамками полиграфической базы и машинписи, специально организованных для Адыген. Существенным недостатком латинской графики было и то, что не отвечала в должной мере возросшим требованиям максимального использования средств родного языка для изучения русского языка, являющегося языком межнационального общения народов нашей страны, не способствовала в достаточной степени приобщению адыгейского народа к передовой русской культуре.

В силу этих обстоятельств оказалась неизбежной, исторически необходимой замена латинизированного алфавита более совершенной графикой. Выбор пал на славяно-русский алфавит, который располагает наибольшими возможностями быть основой адыгейского письма. Славяно-русский алфавит состоит из 33 букв, арабский же имеет лишь 28 букв, а латинский и того меньше — 25 букв. Такое сравнительно большое количество знаков славяно-русского алфавита делает возможным, не выходя за пределы русской графики, создавать для обозначения специфических звуков (фонем) адыгейской речи различные буквосочетания и тем самым избавляет от необходимости заниматься буквотворчеством путем изменения внешнего вида наличных знаков или изобретения новых знаков. Славяно-русский алфавит имеет в своем арсенале также отсутствующие в арабской и латинской азбуках так называемые немые буквы, которые значительно облегчают комбинационные возможности при создании линейных графических знаков адыгейского письма. Славяно-русская азбука содержит не известные арабскому и латинскому алфавитам буквы для одинарного графического обозначения отдельных дифтонгов адыгейской речи. Славяно-русский алфавит включает в себя также гласные буквы и даже

графические эквиваленты дифтонгов, чего в большей степени не достает, например, арабской азбуке.

Эти и другие внутренние достоинства, которыми, в отличие от арабской и латинской азбук, обладает славяно-русский алфавит, и определили, наряду с указанными выше обстоятельствами внешнего (экстралингвистического) порядка, выбор русской графики в качестве основы адыгейской письменности.

Перевод адыгейской письменности с латинской графики на русскую был осуществлен в 1938 году. Практика показала, что только такое решение вопроса могло вывести адыгейскую письменность на широкую дорогу дальнейшего развития и процветания.

ХЪАТКЪО АХЪМЭД ИПОЭЗИЕ ЫБЗЭ ЕХЪЫЛІАГЪ

Адыгэ литературэм лъапсэ фэзгъэуцугъэ усакІомэ Ахъмэд зэу ащыщ. Сьд фэдэрэ литературабзэми лъапсэ фэзышІын зы-лэкІыщтыр бэу зытхыгъэр арэл, анахь ІупкІэу, анахь дэгъоу народым ыбзэ ибайныгъэрэ икъэІокІэ дахэрэ кызыІэкІахыи, иу-сэхэм ащигъэфеди цІыфхэм зэфэдэкІэ къаштагъэр ары нахь. Джаш фэдэ хъугъэх Хъаткъо Ахъмэд иусэхэр. УсэкІошхом амалэу ыгъэфедэхэрэр хэтырэ адыги гурэІо, пэблагъ, ий. Арэуштэу ыкІыщытыр, ежь поэтыр ІупкІэу инарод ыгу, ыбзэ, ымакъэ акІэдэІукІыгъ, ар ежь ылъы шыщы хъугъэ, народым игупшысэрэ игулытырэ ежь ыпкышышол кыыхэхагъ, ар хьалэлэу, нэшІо-шыгъэ хэмылэу, акылыгъи, гъэсэныгъи, Іэдэбныгъи дыкІы-регъэгъушъ, кызыхыгъэ народым ретыжышъ ары.

Хъаткъо Ахъмэд иусэхэм тяджэ зыхъукІэ, ар зэрэусэкІошхо шыпкъэр нафэ къытфэхъу. Жэбзэ дахэу къытфыщинагъэм, ежь илъэхъан игъом народым ищыІэкІэ-псэукІэ кызэригъэ-лъэгъуагъэм, игугъэ-гупшысэ дахэхэр кызэрэтхипхэагъэм иорэд дахэхэм, ицІыфыгъэ-зэфагъэ яхъатыркІэ, ежым зэрикіса-гъэу ыцІэ къетэІо ыкІи къетІошт. Мыщ фэдизыр кызэригъэ-лъэгъуагъэр адыгабзэ, арышъ иусэхэр дгъэфедэзэ бзэм ылъэ-ныкъокІэ амалышІоу поэтым ыгъэфедагъэмэ ащыщхэм такы-тегушыІэн. Амалэу иІагъэр бэ: зэгъэшэныр (сравнениер) зыфэгъэхыгъэр (обращениер), гушыІэмэ язэкІэлъыкІокІэ-язеп-хыкІэ амалыр, алитерацниер, фольклорымрэ классикхэмрэ яфэмэ-бжымыэхэм ежь истиль шъхъаф зэрадиІыгъыр, метафор-хэр, нэпэмыкІхэр. Мыщ фэдэ амалхэр тэрэзэу, къекІоу къэІо-гъэн закъом фигъэІорышІэхэрэп. Ахэр иІашэу шыІэныгъэр къе-гъэлыагъо. Нахыпэрэ шыІэныгъэ тхъамыкІагъом изэрэщы-тыгъэ кыты зыхъукІэ поэтым гушыІэу, зэгъэшэнэу, къэІуа-

кІэу ыгъэфедэхэрэр зы, шыІэкІакІэм инэфынэ дахэхэм тахищэ зыхъукІэ ыгъэфедэхэри зэриггэпсыри нэпэмыкІ шыпкъ.

Хьаткъо Ахьмэд иусэхэм анахь чЫпІэшхо ащызыубытырэмэ гъэсэныгъэ-пІуныгъэ темэр ащыщ. А темэр анахь хьылъэу, а лъэхъаным анахь шыІэныгъэм ищыкІэгъэ Іофыгъомэ ащыщыгъ. Ащ икъэгъэлъэгъон усэкІошхор гъэшІэгъонэу къекІуалІэ. Іэлэ-Іэсэныгъэшхоу, Іушыныгъэу поэтым хэлъыгъэр а темэм ехьы-лІэгъэ усэхэми къагъэлъагъо. Поэтым ау сьдми «шъуедж» ыІоу лозунг къыдзырэп, ащи гъогу гъэнэфагъэ къыфыхехы. Народыр гъэсэныгъэм зэрэкІэхъопсэу, зэрэфэбанэрэр гүфэбэныгъэ хэлъэу гурыІогъошІоу, унэгъоІоф фэдэу, къызэрыкІоу усэ гъэ-шІэгъонхэмкІэ, сурэтэу тапашъхъэ къырегъэуцо:

Ти Ленинын зэрыт газетым

Іэ щифээ, Лымафэ фэджэ ныом... («Ти Ленин», 18 н.)¹

Газетым Лымафэ щэгүшІукІы, Іэ щэфэ тхылъыпІэм еджэкІэ амал зыІэкІэхъэгъэкІэ цыфым. Мы лыжъыр, сабий кІогъакІэр апэрэ лъэубэкъум зэрэщыгушІукІырэм фэдэу, гушІоу тапашъ-хъэ къеуцо. Ар ауштэу къэзышырэр «Іэ щифээ» зыфиІорэр ары. Усэу газетэу «Адыгэ псэукІэм» иапэрэ номер фэсэтхы» зы-фиІорэм гушыІэу шигъэфедэхэрэр сабий къэхъугъакІэм гъэ-шІуабзэу ралорэм ехьышырых.

КъэхъугъакІэшъ, Іэ щысэфэ,

Сфэмыубытэу зыІо-зыщэ ськІырэпльы

Газет **щыпэм** уемыплъ

КъыкІэлъыкІощтыр ащ фэдэп.

УзэрэтефэкІэ джэуапэу,

Уапэ илъымкІэ мэкъашІэу,

Шъзогъу кІас, лэжъакІохэмкІэ щхэпсы. (23 н.).

Хьаткъо Ахьмэд дэгъоу ышІэштыгъэ гушыІэу «къыдэкІы-гъакІэшъ» зыфиІорэр адыгабзэм зэрэхэтыр, ау ащ ычІыпІэ «къэхъугъакІэшъ» еІошъ етхы. ГушыІэу «апэрэм» ычІыпІэкІэ «щыпэм» еІо, «уезджэкІэ» зыфиІорэм ычІыпІэ «узэрэтефэкІэ» етхы, «шъзогъу кІасэкІэ» еджэ, гушыІэу «ІэлпІэгъушхом» ычІы-пІэ «щхэпсы» еІо. Ащ фэдэ зэхъокІыныгъэмэ усэм имэхъанэ кІочІэшхо къахалъхъэ, народым иеплъыкІэ нахь къегъэнафэ. Илъэс мин пчъагъэхэм адыгэ народыр зэсэгъэгъэ гушыІэхэу унагъом сабий къыфэхъумэ агъэфедэу щытыгъэхэр джы газетэу къыдэкІыгъакІэм ехьылІагъэу къэІуагъэу хъугъэ. АщкІэ поэтым къытегъашІэ адыгэ народым ыбзэ тхылъыпІэм хъарыф-хэкІэ тетхагъэу къызыІэкІахъэм гушІогъошхоу иІагъэр. Цыф къэхъугъэкІэ къодыеп ар, **щыпэ** бынэу щыты нахь!

¹ Мыры къыкІэлъыкІощт щысэхэри къызыдетхыгъэр; Хьаткъо Ахь-мэд. Цыфыр щэрэІ. Адыгэ тхыль тедзапІ, Мыекъуапэ, 1969.

Адыгэхэм «Лэныгъэри» дэКлон-къэщэри» зэфэдэ аЮ. Ащ къырагъэкIырэр къэсыгъэ Юфыр къэгъэуцужьыгъуаеу зэрэщытыр ары. Мыщ ехьылIагъэу гъэшIэгъоны усэу «Пшъэшъищ ятхыд» зыфиЮу Хьаткъо Ахьмэд 1926-рэ илъэсым ытхыгъэр. Гъэсэныгъэм фаблэу, фэбэнэрэ цIыф къызэрыкIохэр сыд фэдизэу пэрыохъу афэхъугъэхэки къагъэуцужьынхэ алъэкIырэр. Диным пылхэр, е гъэсэныгъэм хэшIыкI физимыIагъэхэр еджэным пыхьэрэмэ апэуцужьыхэу къыхэкIыщтыгъ, ау ар къэбгъэуцужьын Юфэу шытыгъэп. Ары поэтым мырэуштэу зыкIитхырэр:

Тырэ нырэ къагъани,
Анэ къызыфизэу,
Агу зыхэтIагъэу,
Гъэсэныгъэм кIэхъопсхэу,
Ащ зыфырагъэхьыгъ,
Янэплъэгъу кIасэм гофагъэх. (32 н.)

Мыщ дэжым поэтым фразеологиехэр дэгъу шъыпкъэу ыгъэфедэгъэх. Ащ имызакъоу гушыIэу «гъэсэныгъэр» зыфиЮрэр псэ зыпыт пкъыгъом фэдэу къыхэфэ, ар хэгъэки, пшъашъэхэр шъэфэу зыкIэхъопсыщтыгъэ кIалэу джы шъхьагъусэкIэ «гофагъэхэу» къытсгъэлъэгъу. Ащ кIочIэшхо усэм къыреты, шыIэныгъэр къэбгъэуцун зэрэмылъэкIыщтыр, ащ сыд фэдэрэ пэрыохъушхо къыпэкIэфагъэми зэрэзэдихьыщтыр ары. Адыгэ пшъашъэхэр «янэплъэгъу кIасэм гофагъэх» ыкIи шъыпкъэныгъэ дызэрэхэу кIыгъуштых. Джары поэтым къыIомэ шIонгъор.

«ШIэныгъэм гъунэ иIэп», арышъ ащ жъи кIи зэхидзырэл. А гупшысэ гъэшIэгъоныр къыгъэлъагъоу поэтым усэ зэкIужь дахэ зэхелхьэ:

ЫжакIэ иджыбэ рилъхьяжы,
КIэлэ къежъэгъакIэм алъычъэу,
Шумафэ ликпуиктым екIужьы.
(«Хэта кIюдырэ, тыда тызэкIурэ», 42 н.)

Мы темэ шъыпкъэм ехьылIагъ усэу «Седжэнт сижъышъхэм» зыфиЮу Ахьмэд 1924-рэ илъэсым ытхыгъагъэри. Мыщ образнэу е абстрактнэу сурэтышхоу къыщитырэл народыр гъэсэныгъэм зэрэкIэхъопсырэр, зэрэфэбанэрэр. Шъхьаихыгъэу, макъэр Iэтыгъэу, къызэрыкIоу, тIэкIуи губжыгъэу шыIэныгъэ шIункIэу зыхэтыгъэм езэщыгъэу, дунэакIэу зыхэхьагъэм акъылырэ къулаерэ дыриIэу хьалэлэу фэлэжъэнэу зэрэфаем ехьылIагъэу фэмышыIэжъэу цIыфмэ яджэ:

Къаштэ тхылъыр, къеджэ итым,
Тумы охъу а мышIэныгъэр!...
МакIэ нэмыIэми — сишлуагъэ къакIоу,
КъэкIощт псэукIэм садэлэжьэн пай
Седжэшт сижъышъхэм! (59 н.)

А лъэхъаным, мышIэныгъэр агъэкIодынэу банэхэ зэхъум,
диштэу поэтым нусэхэри ыгъэпсыщтыгъэ. Мэкъэ IэтыгъэкIэ,
зэкIэми зехаригъэхышэу, тхыгъэ усэу «НекIох еджапIэм» зыфи-
Iорэри:

ГъорекIо кIали,
Мыгъэ зыублагъи
Тхылъхэр шъуаблыгоу
Школым шъукъекIу! (63 н.)

Мыщ фэдэ усэхэм а лъэхъаным мэхъанэшхо яIагъ шIэны-
гъэр цIыф жъугъэхэм алъыгъэIэсыгъэнымкIэ. Коммунистическэ
партиемрэ Советскэ правительствэмрэ яполитикэу народэу
къэралыгъом нсыхэр гъэсэгъэн, шIэныгъэ ягъэгъотыгъэн фэе
зэраIоу, зэрэфэбанэщтыгъэхэмкIэ поэтыри IэпыIэгъушхо хъуш-
тыгъ.

Лениным партием, революцием, родинэм, зэкъошныгъэм
яхъылIэгъэ темэхэм Хъаткъо Ахъмэд нусэхэм чIыпIэшхо ащау-
быты. Мыхэр къээгъэлъэгъорэ усэхэм оптимизмагъэр къахэщы,
макъэр Iэтыгъэу, лIыхъужъыгъэ теубытагъэ пытэ ахэлъэу шы-
тых. Ащ фэдэу ахэр къээышIырэр гушыIэу ыгъэфедэхэрэм ягъэп-
сыкI. Сказуемэу хэтыхэр аорист шъуашэм регъэуцошъ, пыуп-
кIыгъэу, ушIомыкIыжъынэу усэм къыщитырэм шIошъхъуныгъэ
къыхалъхъэ. Ащ нэмыкIэу, зэфэдэ конструкциихэр тIо-щэ къыIо-
жъэу, кIигъэтхъы зыхъукIэ ащи поэтым къыIо шIоигъор инэу
къегъэлъэшы. Теплтын «Лениным ишIэныгъэ тиIашэ» зыфиIорэ
усэм игъэпсыкIэ:

Щыгъэт, зетелъхъ!
Ленинэу
Революционер изыхъытэрэ гур,
Ленинэу
Социализмэм игъэпсыкIэ бзыпхъэр,
Ленинэу
Мэзэхэ шIункIым
ЛэжьакIохэр хэзыщрэ пащэр,
Ленинэу
Индустриер тэ зэрэдгъэчъырэр
Къытхэмыгъыжъэу пфэтшIэнэп. (100 н.)

Поэтымрэ родинэмрэ зэгопчын умылзэкIынэу зых, ары ыкIи ащ зыкIнтхырэр:

Хэгзэгум сырий
Ежь зыери сэры!

Ау ащ имызакъоу, Родинэм ибайныгээрэ иинагээрэ ащ шIу-лзэгъуныгзэу фыриIэмрэ усэкIошхом образнэгзэ ин хэлзэу тапашъхэ кырегзэуцо:

Сихэгзэгу ыцыпэ
Сэ сынэмыс!
**Тыгзэм лзэпэпцIыеу зелзтышъ — фэллырэп,
Жыбгээр зышэсыкIи — изакъоу фэчырэп.
Сихэгзэгушхо IаплI ещэкIыни,
ЗэскъузылIэни сэ сыгу елзэкIы. (129 н.)**

Зэкъошныгзэу тихэгзэгушхо шыпсэурэ цIыфлзэпкъ зэфэшъ-хъафымэ зэдыряIэр кыггэлзъагъоу, чыракIоу лэжъакIоуи шыпсэухэрэр зэрзэдэлэпыIэжъхэрэр нафэ кытфишIэу, IэкIыб кээралхэм арыс лэжъакIохэми тыгухэр зэрапэблагээр къаушы-хъатэу Ахъмэд усабэ зэхелъхэ. Ахэм ащыщых: «Къаштэ пIапэ», «Фэсапцэп, фэсыжъапщых», «ШIомыкI» нэмыкIхэри.

Хъаткъо Ахъмэд нусэхэр нахыбэу зыфэгзэхыггээрэр природэр, лэжъэныр, техникэр, дзэкIолIхэр, комсомолыр, пионерир, шыIэныгээр арых. Мыщ ехыылIэгзэ усэхэр зэхилъхэ зыхъукIэ поэтым ымакзэ шъабэу, гзэтIылыгзэу, гум хапкIэу, поэтичэскэ амал шIагъохэр нахыбэу ыгзэфедэу ешIы.

Усэу «Пчыхэ» зыфиIорэм тыгзэу къекIотэхичи инышхоу къэлзъагъорэм исурэт мыщ фэдэу къеты:

Тыгзэу непэрэзымафэм джумартэу кытеплзэу,
Чылзэ кIыIоу тызтетым псэр кыитезыпхээрэр
Мыхъахзэу нэгубгъоу къахаплзэу еублэ. (25 н.)

НэмыкI усэу «Типсы шхъуантI» зыфиIорэм псыхъоу Лабэ изэрэщыт зэгзэфагзэу, аллитерациер игзэкIотыгзэу щигзэфедэзэ, псэум фэдэу тапашъхэ кырегзэуцо:

Ти Лабэ — нэлIуц
**Пцелыбэ ынапц,
МыжъуакIэр цэжъгзэеу
ЗэдикIэу кыIопс.
Псы нахъшIэгъуадж:
Джэгум хэтэу мэгубжы... (94 н.)**

«Зэдашхэр Іэшлү» ало адыгэмэ, ащ фэд зэдэлажъэми лэ-
жыгыэшлү кырахи. Джащ фэгъэхыгы поэтым мырэуштэу зи-
тхыкІэ:

НэбгыритІум зэбэнымэ хъасэр аутэ.

Шъэ зэдэлажъэмэ — мэкъэгъагъэшъ зеІэты. (119 н.)

Насыпыгъэшхоу зэдэлажъэм кыххыгъэм кыххэкІыкІэ,

Тиныкыо-тыкыохэр зыхэтэгъэзы

ЩыІэкІэ тэрэзым зыфэтэгъэпсы. (97 н.)

Ныкыо-тыкыохэр зыхагъэзыны лэжыгыэр нахыбэу кыра-
хыжынымкІэ зишІогъэшэо кыаІорэмэ техникакІэу цыф лэ-
жыаІом кыІэкІахыэрэр зэу ащыщ. Ащ фэгъэхыгыгъэу поэтым
усэ гъэшІэгъонхэр нІэх:

Трактор лъэшыр губгъом кыихыагъ!

Гъэблэ-къэмыкІыр

Чыфэ хэмыкІыр.

КъэмыкІыжыныу тфычІижъухыагъ («Гъатхэ», 62 н.)

НэпэмыкІ усэм поэтым мырэу щетхы:

Унэгунщым афэпхыщтыр а зы мафэм **кыычІедзы,**

КІэкІэдзагъэу шъэожъыехэр лыдэкІы,

«Шы кІэмытэу мачъэ» алошъ, ныожъхэр **егъэкъы.**

Чэу кыогъум нысакІэхэр **кыыкыуешы** («Трактор», 102 н.).

Техникэр, поэтым кыызэригъэлъагъорэмкІэ, лэжыным фэ-
гъэхыгыгъэ кыодыеп, цыфхэм язэхэшыкІи кыеІэты нахь. Гу-
щыІэу ыгъэфедэхэрэм ар дэгъоу кыытагъашІэ; ныохэр зэмыса-
гъэу алъэгъурэм ашІогъэшІэгъонэу егъэкъых, нысакІэу егъа-
шІэм кыогъупэмэ кыақъоплэу, лъэхэмыхъэ-зыгъэбылтым хэты-
гъэхэр кыогъум **кыыкыуешышъ** лэжыкІо жъугъэмэ ахещэ,
Джащ фэдэ гущыІэ гъэшІэгъонхэмкІэ техникам прогрессив-
нэ мэхъанэу иІэр поэтым кыытегъашІэ.

Къэралыгъор, социализмэр кыэухъумэгъэныр анахь пшъэ-
рылшышхоу щыт. Ащ кыыхэкІыкІэ народым ухъумэкІо-дзэкІо-
ллыхэр шлү елэгъу. А шІулэгъуныгъэшхоу дзэкІолІхэм афы-
тиІэр поэтым усэ дахэхэмкІэ кыыреІотыкІы. «ДзэкІогъу маф»
зыфІорэм мырэуштэу щетхы:

Сянэ Іэчъэ-лъачъэу

Іэлымэкыыр кыеушъ,

Іаплыр кыысецэкІышъ

ЩхыпцІэу кыыслэплэжь...

КІасэу хъасэм хэтым

Къаплэзэ Іэ кыешы;

Бригадэр мэгушюшъ
Регушцы орэдым... (104 н.).

Къэралыгъор, ащ пухъумакиохэм афэгъэхьыгъэх усэхэу «Уашъомки тикын, чыльэмки тикын», «Лыхъужты пльыжь», «Лынапэ», «Дзэ пльыжьым сэки», «Часовой» нэмыкхэри. Джи кызынэсыгъэми зэкиэм зэльашэ мыщ фэдэу Ахьмэд нусэхэр:

Осыр къэсышъ нэм кieuпцIэ
Шлем папцIэр чIегъэсай...
Псэ емыблэжьэу часовойр
Уаеи пхырыплэу, сакъэу пльыр... (90 н.).

Хьаткьо Ахьмэд социализмэ шыIэныгъэр ыгу риубытагъэу, ащ хьалэлэу фэлажьэщтыгъ. Апэрэ сатырэмэ ахэтэу социализмэм лъапсэ фэзышырэмэ ащышыгъ. Социализмэ ныбжьыкIэм кIочIакIэхэр ищыкIагъэу щытыгъ. Ащ фэдэ кIочIакIэу къэралыгъом иIагъэр комсомолыр ары. Комсомолым шыIэкIакIэм чыпIэшхо шиубыты хъугъэ. Ащ ежьыри хэтыгъ. Комсомолым лыхъужьныгъэу кыхафэрэр багъэ шыIэкIакIэм игъэпсынки, икхэухъумэнки, ипыйхэм ябэнынымки. Ахэм яхьылагъэу Ахьмэд усэ шIагъохэр кытфышинагъ. «Комсомолыр — ударник» зыфиIорэм мырэущтэу щетхы:

Комсомол бланэу,
Комсомолэу пэрыт —
Дгъэпсырэ дунаер оуи!
Дэфый!
Егъэху!
Ехьулэу гъэцакIэ,
«Ильэситфыр»
ИльэсиплIым блэмыгъэкI! (56 н.).

Хэта зымышIэрэр поэтым нусэ шъхьалэу «Сибилет» зыфиIорэр! Мыщ ежь зэрэпсаоу Хьаткьо Ахьмэд хэтэлъагъо:

Сижьабгъу бгъэджьыбэ
Сибилетэу сикIасэу,
Комсомолэу сызием
Къыситыгъэр ерэль.
Сэмэгубгъур пхыралэу,
Сыгоу Iэлыр къэлэсэу,
Мысысыжьэу зыщыхъурэм
А билетыр ишъухыжь. (121 н.)

Ахьмэд изакъоп мыш хэтлѡагъорэр—комсомолѡу зыери ары нахь. Комсомолым ыгу ихыгъѡу, зышъхамысыжъѡу шыІэкІа-кІэр ыгъѡпсыщтыгъ. МѡшІо лыгъѡшхор, хыдзѡшхор ыпѡкІѡ кыикІыми къѡуцу имыІѡу ыпѡ ригъѡхъущтыгъ. Джары поѡтым къытигъѡлѡгъурэр, джары поѡтыр игъонѡмысѡу зыкІѡсасагъэр. Комсомолым исатырхѡм ахѡз кыыхѡкІыми нѡкІѡу къанѡрѡп — пионерыр кыыкІѡлѡлѡ, нѡкІы хъугъѡм ар еуцо.

Хъаткѡ Ахьмэд иусѡхѡм анахь лѡагѡу къахѡщѡу, анахь усѡ зѡтегъѡпсыхъагъѡу ахѡтыр «Хѡта кІодырѡ, тыда тызѡкІурѡ» зы-фиорѡр ары. Мы усѡм шыІѡныгъѡм ылѡѡныкѡ пѡтѡур пІоми хъуиѡу кызѡриубытрѡ закъор арѡп имѡхъанѡ къѡзыІѡтырѡр, ежъ усакІом поѡтичѡскѡ амалышІоу щигъѡфѡдѡхѡрѡри ары нахь. Поѡтым образнѡу, зѡгъѡпшѡн амалыхѡр ыгъѡфѡдѡзѡ, къѡзыуцу-хъѡрѡ, зыгъѡпѡрѡ шыІа-кІѡр сурѡтышхѡ шыгъѡм фѡдѡу та-пашъхъѡ кырегъѡуцо. Усѡр мыш фѡдѡу кырегъѡажъѡ «Мазѡм нысакІѡу ошъуапщѡм зыритѡу...» — шъуеплѡ ащ мазѡр шъабѡу ошъуапщѡмѡ акІыб зѡрѡхъурѡр кызѡеритырѡм. ЯкІѡсѡ лІыжъ къѡбарІуатѡу нашѡм пѡсым «Мѡзѡныкѡу ыжѡпкъ къѡнѡфѡу» къѡІо: «Лъѡхъаныр зѡ-о-кІы цыфымѡ захъожъы!...» (33 н.). А «ГушыІѡ мыл ткІопсѡу жѡкІѡ осым кыпызырѡр ГъучІ бзыгъѡ плыгъѡу къѡІыстѡкІыгъѡхѡм тѡдыр, «Лъѡхъаныр зѡокІѡу, цыф-лѡм захъожъри дѡтѡшт» (34 н.). ИгъѡкІотыгъѡу такъытемыгу-щыІѡми мыш зѡгъѡпшѡнѡу хѡтхѡм кІуачІѡу, образѡу къатыхѡ-рѡм хѡти гу альѡетѡ. ЛІыжъым кыІорѡ къѡбарым ежъ поѡтыри хахъѡ, лиричѡскѡ образѡу хѡуцо. Ащ кыыхѡкІыкІѡ литературнѡ геронмрѡ лиричѡскѡ образымрѡ зѡгопчын умылѡкІынѡу поѡтым къѡтых. Ащ ишыхъатѡу мы усѡхѡр къѡтхъын:

Тихахъѡ сыхаплѡѡу сыІыстмѡ —
ГушІогъѡ псалѡѡу къѡзѡрѡфыжъѡ:
Шыблѡ зыхѡогъѡ емлыч шѡхъогъѡу,
Илгыгъѡ шыплъырым фѡдѡу сѡхъулІѡ:
Зым къѡзгъѡгъѡазѡми — адрѡр сІѡкІѡкІы,
КъызѡІѡкІыкІонѡу жабзѡр пимыкъу.
ГушыІѡ зырызѡу сатырмѡ акІасшІѡрѡр —
Шы кІѡшІѡгъѡкІѡу мѡпкІѡтѡлѡят.
...Ситхыгъѡ рыпсалѡѡрѡм ар дерѡІыгъ
Гъынѡнѡ-тхакІу кысерѡмыІу... (35 н.)

ЩыІѡкІѡжъ зѡцѡлѡшхѡ гузѡжъогъум исурѡт кыыгъѡлѡлѡгъѡ-ным пѡе поѡтым мыш фѡдѡ зѡгъѡпшѡнхѡр егъѡфѡдѡ: «Бгъѡжъ зѡ-пыйхѡу, зѡлѡпсыхыгъѡу... ЗѡфызѡчІѡплѡѡу унѡхѡр щыс». «Гуш-тѡр ышыгъѡу, ибгъѡны пѡІо кыщыкъузагъѡу, мафѡм зы закъѡ Іугъѡ ыгъѡу, зыщимыгъѡухѡри нахъыб.» «Емыгъѡхъ зѡбѡнышъ

улэупкIэр шIуахы». «**Мы дыо лыбашьохэр** уихьасэ хэлъэу, кыбуашьоу, кьэблэжьрэм ишIур **мы шьхьэлъэ шIойхэм** пшIу-
рашъу». (39 н.).

Поэтыр шыIэкIакIэм кытегушыIэ зыхьукIэ зыхапшIэу гум
зыкьелэты, нэгушIо укьэхъу. Ар ащ фэдэу кьэзышырэр гушы-
Iэу, зэгъапшэу, метафорэу, эпитетэу ыгъэфедэхэрэр ары. Теп-
лын усэм ымакьэ зыкызыериIэтырэм:

Джы **щытхьур, лыгьэр** зыхэлъ
Октябрэшхом **итыгъэ**
Темыр кьэзэкькIэ **кыкьокIы...**
ЗызыутIыIузэ
РечьэкIыщтыгъэ Фарзэ дашэхышъ,
Iушъашьэу, зигощэ
Хьалгьонэ псыгьохэм арэчъ,
Кьэбэскьэ **шхьатIыргьохэр** кьечьыхьэ,
ШIоу зэрэхэхьонэу егъэшьокIых.
Зынэмысышъурэм **фэгүIэу,**
НацIэу мэуцушъ мэлпызы.
Ны гумэкIыпхэу
Ашъхьэ Iэ щифэу
Фыкьогъэ **цIыкIум ыгъапэу**
Ар **зэрипIуштым еусэу**
Мэфэ кIыхьэшхом,
Кьэбаскьэм хэт. (40-41 н.)

ГъэшIобзэ гушыIэ дахэу, зэгъэпшэн амалэу поэтым ыгъэфед-
дэрэмэ гур чэфы кьашIы, шыIэныгьэр шIу уагъэлъэгъу, ула-
жьэмэ зэрэнасыпышхор зыхыуагъашIэ.

Поэтым иусэхэм аллитерацием, зэгъэпшэным, фразеологи-
ем, гушыIэжъхэм язакъоп поэтичэскэ амалэу ащегъэфедэ-
р. Ащ фольклорым изементхэри кьекIоу иусэхэм ащегъэфедэ.
Адыгэ фольклорым зыфэгъэхьыгьэр (обращениер) убгьугъэу
кызыэрэхафэрэм фэдэу Хьаткьо Ахьмэди иусэмэ кьахегъахьэ.
ГушыIэм пае, усэу «Хэку зэлукIэм тэджэ» зыфиIорэр зыфэгъэ-
хьыгъэ убгьугъэкIэ кырегъажьэ: «ШIуфэс, шIуфэс шьотэIо
Совет хасэу тызэрыс хэкум итет!» Джащ фэдэу фольклорым
ижанрэу «хьохъу» зыфаIорэм ехьшыр усэхэри иIэх. Шъуеплъ:

Тилэжьыгъэ гъэбэжъоу,
ЧIы мыжъуагъэ имылъэу,
Тигьогухэр убагъэу,
ТиIофшIапIэ тфэIагъоу,
Совет Iофыр тIэ илъэу,
Гъэсэнэгьэр тэ тхэлъэу...

Бай кээралмэ тапеІэу,
ІъэІукІэ адэжь тымыкІоу
Хэку шъхьафитыр зэрэпшІын! (81 н.).

Адыгэ фольклорым хэт «ІурыІунчъ» зыфІорэ жанрэ шъхьа-
фыри. Ащ ишапхъи Хьаткьо Ахьмэд иусэ зырызхэм ахэтэ-
лъягъо. ГушыІэм пае, зедгъэпшэн усэу «ШІомыкІ» зыфІорэмрэ
адыгэ народым иусэу ежь Ахьмэд къытхыжыгыгъэгъэ ІурыІун-
чъэу «Чэтыу» зыфІорэмрэ.

О шІомыкІэу лыдыбз,
ЧІыныбэшхор зихапІ,
ЗэтекІэпІи къэтэдж,
Къытхэтаджи къыткІаІ... (76 н.).
Мяу-маур сикушь,
Кушьэрыкьо зинапц,
Чэуцэпкыыр зигъогу,
Зыгу цІыкІур зишІулъ... (83 н.).

Шъуяплъ ащ яшапхъэхэр зэрэзэфэдиным, зэрэзэтефэрэм. Поэ-
тыр къэзыІэтэу, ар народым шыщы шъыпкъэ зышІырэмэ зэу
ащыщых мы фольклорым иамалхэр Ахьмэд зэригъэфедэрэмн.

Поэтым иусэхэр зэкІэ зыфэгъэхыгыгъэр цІыфыр ары: «ЦІы-
фыр щэрэІ — шыІэмэ хъяр, Ащ нахь гушІуагъо тетэп дунаем».
(118 н.).

Мы гушыІэ шІагъохэу Хьаткьо Ахьмэд иусэмэ къахэтхыгыгъэ-
хэр джы непэ къаІуагъэм фэдэх, анахъэу джыдэдэм ахэр чы-
жъэу, цІыфыбэмэ яджэх «марджэ хъужьын зызэтешъуІаж,
шъукъэуцужь, нейтрон бомби нэмыкІи жъугъэтІылъ, шъущы-
мышь цІыфым «цІыфыр щэрэІ — шыІэмэ хъяр!»

Хьаткьо Ахьмэд дэгъу дэдэу ышІэщтыгъэ ыныбжь ыпэкІэ
зэрэлъыкІуатэщтыгъэр, ау сьд ыныбжь хъугъэми ыгу икІэ-
лагъэ зэримыбгынэщтым ицыхъэшхо телъыгъ. Ащ ехьыІагъэу
лирическэ усэ дахэ поэтым зэхелъхъэ. Ар «Жъыгъо» зыфІорэр
ары. Ащ мырэуштэу щетхы:

Тыгъэм ижъыгъэр
Мазэти,
Ар къызыхидзыгъ, къыпхъуати. (114 н.).

Мы усэхэм къаушыхьатырэр, поэтым ыгу жъыгъор, узыр, зэ-
фэнчъагъэр пфиштэнэу зэрэщымытыгъэр ары. Максим Горькэм
зэриІогъагъэу «машІор шІои хъурэп». Хьаткьо Ахьмэд ыгуи
ышъхъи мыхъун ябгъэлкІын плъэкІынэу шытыгъэп. Тиадыгэ
литературэ, анахъэу поэзием, ар мэшІошхоу, гъогу гъэнафэу
хэтыгъ, ары ыкІи имыстыгъоу сти ыгу къызкІэуцугъэр, нахь тэ-
рээу ежь зэриІощтыгъэу, ыгу «Іэлыр къзкІэІэсагъэр». Поэтым

ыгу кьэИэси самбырэу тЫсыгъэми, ар джыри кьытхэт. Тэрэз поэтым зыфилогъагъэр: «СылИэми мылИэжъэу сиорэд кьэнэшт» (129 н.). Шъыпкъэ, поэтыр непэ кьытхэтыжъэп, ау нусэ-орэд-хэр кьэнагъэх, ахэр непэ псаоу кьытхэтых. Ахэр непэ тэуп-лэакIу, «УплэакIугъом зэрэщалоу сикIэсагъэшъ, сцIэ кьешъу-Iу» ыIуи поэтыр псаузэ кьэлъэлогъагъэшъ, непэ шIукIэ ыцIэ кьэтIо.

3. У. БЛЭГЪОЖЪ

ГУЩЫIЭХЭМ ЯЛЕКСИЧЕСКЭ МЭХЪАНЭ КЪЫРЫКИОРЭМЭ АЩЫЩ

Бзэр общественнэ явлениеу зэрэщытым кьыхэкIэу ащ изэ-хьокIыныгъэхэм адаклоу хэхъо, нахь бай мэхъу. Ау бзэм фэмы-дэу обществэм зэхьокIыныгъэу хэхъухьэрэр цIыфмэ нэрылээгъу кьафэхъу, нахь псынклэу зэхашIэ. Бзэр обществэм епхыгъ нахь мышIэми, обществэм зэхьокIыныгъэу фэхъухьэрэр бзэм ащ лъы-пытэу кьыхэщыхэрэп, псынклэу кьыщылъагъохэрэп.

Бзэм хэхъоныгъэу, зэхьокIыныгъэу фэхъухьэрэм бзэм рыгу-щылэхэрэм ащ тетэу гу лъамытэу бэрэ кьыхэкIы. Шъыпкъэр площтмэ, гущылакIэу ащ кьыхахьэхэрэр кьыхэщэу, гу лъатэуи уарехьылIэ. Сыда плэмэ обществэм понятиякIэхэу, предметхэу, пкыгъохэу кьылэкIахьэхэрэр гущылакIэкIэ кьэпIон фае. Ахэр ыпэкIэ бзэу кьызхахьэхэрэм имылагъэхэмэ, псынклэу кьыхэщы-нэр ащ кьыхэкIэу цIыфэу а бзэм рыгущылэрэмэ гу лъатэнэу ра-гъажъэ. Гущылэм пае, Октябрьскэ социалистическэ революцием кьытыгъэ гущылэхэу коммунист, совхоз, колхоз, партие, комсо-мол, совет, социализм, коммунизм зыфэплощтхэр адыгабзэм кьызэрэхэхагъэхэр адыгэхэмэ псынклэу зэхашIагъ ыкIи яны-дэлъфыбзэ гущылэхэм фэдэу аштагъ.

Ау ащ фэмыдэхэу, псынклэу бзэм кьыхэмыщыхэу, мэкIэ-макIэу зэхьокIыныгъэхэр хэхъухьэх. Ахэмэ нахьыбэрэмкIэ гу алъызытэхэрэр, ахэр кьыхэзгъэщыхэрэр бзэм изэгъэшIэн пылъ цIыф гъэсагъэхэр арых. БзэшIэныгъэм пылхэм бзэм ишэнхэр, ащ кьырыкIуагъэхэр зерагъашIээ шIункIым хэгъэ-былхьэгъэ нэшанэхэр кьагъэнэфы, цIыф жъугъэмэ нэрылээгъу кьафашIы.

Ащ фэдэу зигугъу кьэпшIын плэакIыштхэр бзэм макъэу хэтхэм, грамматическэ нэшанэу иIэхэм, гущылэхэм ямэхъанэ зэ-хьокIыныгъэу афэхъухьэрэр, ахэр зыкIыфэхъухьэрэр арых.

Зигугъу къэтшыгыгъэ лъэныкъохэу бзэм илэхэм жъажъэу зэхъоклыныгъэхэр афэхъух, илъэсипшI пчъагъэхэм къыхэщынхэу ахэр гъунэм нэсыхэрэп, мэкIэ-макIэу а процессыр макIо. Ары бзэм рыгушыIэрэ пстэуми а «шъэфхэр» зыкламышIэхэрэр, гу зыкIылъаамытэрэр.

Ащ фэдэ зэхъоклыныгъэхэу бзэм хэхъухъэхэрэр, литература-бзэмрэ диалектхэмрэ, бзэ зэфэшъхьафхэм яфэмэ-бжьымэу зэтэхъэхэрэр, ахэмэ яструктурэрэ ясистемэхэмрэ зэрэзетекIыхэрэр, гушыIэм зынэсырэ бзэхэм мэхъан пчъагъэу ащырилэхэр, ахэр къызхэкIыхэрэр, къызтекIыхэрэр, зыщагъэфедэхэрэр, стилистическэ плъышъоу яIэн алъэкIыштхэр зэрэзетемыфэхэрэр ары анахъэу къызхэкIыхэрэр. ГушыIэм пае, адыгэ гушыIэу *КIон* зыфиIорэм «Адыгабзэм изэхэф гушыIалъэу» А. А. ХьэтIанэм, З. И. КIэрашэм зэхагъэуцуагъэм (еплъ: Мыекъуапэ, 1960 илъэс, н. 364) зы мэхъан ёхъу гушыIэм къыритырэп «КIон (кIоныр) кIуагъэ гл. имасд. ийти, пойти, поехать». Шъыпкъэ а зигугъу къэтшыгыгъэ адыгэ гушыIэм мэхъанэу иIэр бэкIэ нахьыб, ау «ГушыIалъэм» ары ныIэп кыгъэлъагъорэр. Урысыбзэ гушыIалъэу С. И. Ожеговым зэхигъэуцуагъэм. (еплъ: Москва, 1972 илъэс, н. 219) а гушыIэм имэхъанэгъоу *идти* зыфиIорэм мэхъан зэфэшъхьафхэу 25-рэм ехъу кыщеты. Ащ кыгъэлъагъорэр гушыIэхэр бзитIоу зэнэсыхэрэм ямэхъанхэмкIэ нахьыбэм зэрэзетекIыхэрэр ары. Арышъ, бзэ зэфэшъхьафхэм ахэт зэмэхъанэгъу гушыIэхэр зэбгъапшэхэмэ ямэхъанкIэ ренэу зетэфэхэрэп. Ащ къыхэкIыкIэ зэрэбгъэфедэштхэмкIи, гушыIэу зыгоуцон алъэкIыштхэмкIи зы бзэм къыхэкIыхэу адрэ бзэм хахъэхэ зыхъукIэ ахэмэ унаIэ атебгъэтын фае.

ЕтIани гъэшIэгъоныр, гушыIэр зы бзэм къыхэкIэу адрэ бзэм хахъэ зыхъукIэ имэхъан зэхъоклыныгъабэхэр зэрэфэхъурэр ары: зэмкIэ имэхъан зеушъобгъу, зэмкIэ нахь бгъузэ мэхъу, бзэу къызхэкIыгъэм мэхъанэу щыримыIагъэр зыхэхъагъэм кышшигъотэу къыхэкIы.

Ащ фэдэхэу анахъэу мыщ тыкызышытегушыIэ тшIонгъор *погода* зыфиIоу урысыбзэм къыхэкIыгъэу адыгабзэм шагъэфедэрэр, ащ имэхъанкIэ пэблагъэхэу *уае, ошIу* зыфэпIощтхэм къарыкIуагъэхэр, ащ къарыкIхэрэр ары.

ГушыIэу *погода* зыфиIорэм джыдэдэм кыкIырэр «атмосферэм изытет». Ау ренэу ежь имэхъан ар тетыгъэп. Ежь урыс гушыIэр къызтекIыгъэр *год* зыфиIоу общеславянскэ гушыIэу илъэс зимэхъаныр ары. ЧыжьэкIэ узэкIэлэбэжьмэ, ащ имэхъаныгъэр джы имэхъаныр арэп, нэпэмыкI: «узфэен, угу ыхъын уахът, хъяр, мэфэки маф». А гушыIэу *год* зыфиIорэм приставкэу *по-* пыхьи гушыIакIэу *погод-эр* урысыбзэм къыхэхъагъ. Ар апэу урысыбзэм шагъэфедэ зэхъум мэхъанэу иIагъэр *ошIу*

«хорошая погода». Ащ кыхэкIэу антонимэу *уае* зыфэпIощтыр кыгьэлъэгъонэу урысыбзэм кыхэхьагъ «непогода» зыфэпIощтыр. Урысыбзэм *уаерэ ошIурэ* а охътэ чыжьэм узыплъэкIэ зэрэзэтырафыштыгъэхэр *погода* — *непогода* зыфэпIощтгъэхэр арых. Ау бзэм хэхъо зэпыт, зэхъокIыгъэхэр фэхъух. *Погод-эми* имэхъанэ зэхъокIыгъэ. Джьидэдэм урысыбзэм *погодэм* зэфэхьысыжьыгъэ (обобщеннэ) мэхъан иIэу щагъэфедэ. Къызэрэ-тIуагъэу, ащ кыкIырэр «атмосферэм изытет». Арышъ, урысыбзэм *ошIу* аIон фае зыхъукIэ агъэфедэ «хорошая погода», «солнечная погода», *уаер* кырагъэкIэу — «плохая погода», «пасмурная погода», «ненастная погода».

Адэ адыгабзэм гушыIэу *погода* зыфиIорэм пэблагъэу сьд фэдэ гушыIэхэ иIэхэр, сыда ащ кырыкIуагъэр? Атмосферэм изытет ахэм сьдэуштэу кьагъэлъагъора? Адыгабзэм иIагъа гушыIэ *погодэм* фэдэу зэфэхьысыжьыгъэ (обобщеннэ) мэхъан иIэу атмосферэм изытет кыгъэлъагъоу?

Бзэм кырыкIуагъэхэр зэбгъашIэу, бзэшIэныгъэм пылъ гъэсагъэхэм яIофшIагъэхэм нэIуасэ зафэпшIымэ, бзэм ехьылэгъэ упчIэу къэуцухэрэм джэуап къэптынэу амал кыпIэ-кIахъэ.

Профессорэу Н. Яковлевымрэ доцентэу Д. Iэшхъэмафэмрэ атхыгъэ IофшIагъэу «Грамматика адыгейского литературного языка» зыфиIорэм шыхагъэунэфыкIы (еплъ: Москва—Ленинград кышыдэкIыгъ, 1941 илъэс, п. 239): акэрэу арабыбзэм кыхэкIыхэу адыгабзэм гушыIэхэр кыхэхъанхэу зыщырагъэ-жьагъэр я III—IV-рэ лIэшIэгъухэр ары. А уахътэм адыгэхэмрэ Египет шыпсэурэ цIыфхэмрэ социальнэ-экономическэ, щэн-щэфын Iофэу зэдыряIэхэм заушъобгъугъагъ. Ащ кыхэкIэу адыгабзэм араб гушыIэхэр кыхэхъанэу хъугъэх. Ахэмэ зыкIэ ащыщыгъ *хьао* зыфиIоу «жы кьепщэн» зимэхъаныгъэр; арабыбзэм идиалектхэм ащ погодэм джы урысыбзэм щыримэхъанэр гушыIэу *хьао* зыфиIорэм щыримэхъаныгъ. ГушыIэу *хьао* зыфиIорэр адыгабзэм ифонетическэ нэшанэмэ адыригъаштэу слог закъо ехъу мыхъоу гушыIэу «О»—ыIоу агъэфедэу хъугъэ. А зэман чыжьэхэм гушыIэу «О» зыфиIорэм мэхъанэу иIагъэр атмосферэм изытет ары. НэмыкIэу къэпIон хъумэ, лIэшIэгъу пчъагъэкIэ узэкIэлэбэжьымэ, гушыIэу «О»-м мэхъанэу иIагъэр зэфэхьысыжьыгъэу (обобщеннэу) щытыгъ, джы *погодэм* иIэ мэхъанэр ащ иIагъ.

Ау профессорэу Н. Яковлевым гушыIэу *уашъо* зыфиIорэр арабыбзэм къызэрэхэкIыгъэу зэриIорэм дезымыгъаштэхэрэр щыIэх. Адыгабзэм инаучнэ зэхэфынкIэ специалистышхоу Г. В. Рогова зэрилъытэрэмкIэ, гушыIэу *уашъо*-р арабыбзэм кыхэкIыгъэп, адыгэ гушыIэ шъыпкъэу щыт (еплъ: Г. В. Рогова.

К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгейских (черкесских) языках, Тбилиси, 1956, с. 126.). Ащ демыгъэштэн плъэкIыштэп. Сыда пIомэ гушыIэу *уашто* зыфэпIощтыр зэрэадыгэ гушыIэр къээзгъэшъыпккъэу щысэу шыIэр макIап. Аульэ Пщымафэ иофшIагъэ къызэрэщи-гъэлъагъорэмкIэ (еплъ: П. У. Аутлев. Новые материалы по религии адыгов. — Ученые зап. Адыгейского НИИ ЯЛИ, т. IV История и этнография. Краснодарское кн. изд-во, 1965, с. 191—192), гушыIэу *уашто* зыфиIорэр адыгэмэ диным елъытыгъэу шIошъхъуныгъэу яIагъэм къыхэкIэу тхъэм рапхыштыгъэ, тхъэм ычIапIэ рагъэуцоштыгъэ. *Уашто-р* тхъэу алъытэщтыгъэ. Ар къыгъэшъыпккъэу адыгэ пшысэхэм щысабэхэр къахэбгъотэщ-тых. ГушыIэм лае, нартымэ янэу Сэтэнай *уашто-р* тхъэу елъытэ (еплъ: Адыгэ пшысэхэр, Мыекъуапэ, 1955 илъэс, н. 16—17). Джы къызнэсыгъэми къаIорэр пIошъ агъэхъу ашIонгъо зыхъу-кIэ адыгэмэ аIоу бэрэ зэхэпхышт: «*Мыр зиошто лъанI къасIорэр шъыпккъэкIэ*». «*Мыр зиуашто джарэу хъугъэкIэ*». Арышъ, гушыIэу *уаштор* фэшъхъафырэ бзэ горэм къытыгъэу щытэп. Ащ къыхэкIыкIэ, ар адыгэ гушыIэу плъытэныр тэрэз.

ГушыIэу *уашто-р* уаеми ошIуми зэтыримыфэу атмосферэм изытет къыгъэлъагъоу адыгэмэ загъэфедэрэр бэшIагъэу шытын фас, урыс гушыIэу *погода* зыфэпIощтым джы къырагъэкIырым фэдэ мэхъанэ иIэу. Ары *погодэм* изытет къагъэлъэгъон зыхъу-кIэ джы къызнэсыгъэм зыкIаIорэр: «*Уаштор къызэIахъэ*», «*Уаштор къызэIехыжы*», «*Уаштор нэгъуцу*». Тэ тызэреплъы-рэмкIэ, чыжьэу узэкIэлэбэжымэ «о» (уэ) зыфиIорэ макъэр гу-шыIэу *уашто-м* джы шыщыр, гушыIэ шъхъафэу шытыгъ. Ащ атмосферэм изытет зэфэхъысыжыгъэу, уаеми ошIуми зэтемы-фыгъэу зэгорэм имэхъанэкIэ къыгъэлъагъоштыгъэ.

Ау уахътэр макIо, шыIакIэм зэхъокIынгъэхэр хэхъухъэх, бзэми ащ дакIоу зэхъокIынгъэу фэхъугъэр макIап. Ахэмэ зы-кIэ ашыщ гушыIэу «О»-м къырыкIуагъэр. А зэфэхъысыжъ мэхъанэу «О»-м иIэр нахъ макIэу адыгабзэм шагъэфедэу ре-гъажъэ. ТIэкIу-тIэкIуэ а гушыIэу «О» зыфиIорэр изакъоу а мэхъанэр къикIэу амыгъэфедэжьэу мэхъу. *Погодэр* зытетыр къа-гъэлъагъохэу гушыIэхэр ащ годзагъэхэу агъэфедэхэу мэхъу. Ахэр къээзгъэлъагъохэрэр, къээзгъэшъыпккъэхэрэр джы адыга-бзэм къыхэтэгъуатэх. Ахэмэ зыкIэ ашыщих мы гушыIэхэу «О»-р зыхэтыхэр: *о-шIу, уа-е, о-шъу, о-гъу, о-сы, о-щхы, о-шъо-бы, о-шъуапцэ, уа-шъо*.

Мы гушыIэхэр *погодэр* зытетыр зэфэхъысыжыгъэу шымы-тэу, гъэнэфагъэу, атмосферэм къырыкIохэрэр зэхэугуфыкIы-гъэу къагъэлъагъо. Арышъ, урыс гушыIэу «погодэр» адыгабзэ-кIэ зы гушыIэкIэ къэпIонэу зэрэмыхъурэм, адыгабзэм атмос-

ферэм изытет зэфэхьысыжыгыгъэу зы гущыIэкIэ а мэхьаныр кы-
рыптынэу зэримыIэм кыыхэкIэу урысыбзэм кыыхихыгыгъэу егъэ-
федэ.

Ары зэрэхъурэри бзэхэр зэнэсыхэ зыхъукIэ. Ренэу яфэмэ-
бжымыэ зетехьэ. Зы бзэм имыIэ гущыIэр адрэ бзэм кыыхехы,
ежь бзэу кыыхэзыхырэм ишэнхэм афегъэIорышIэ, ишъуашэкIэ
ефалэ, зэрищыкIагыгъэу егъэфедэ. Ащ бзэр къегъэбаи, нахь кIуа-
чIэ кыыреты, ыпэ лыкIотэнымкIэ, хэхъонымкIэ амалышIухэр
кыIэкIелъхьэ. Ары мы тилъэхъан бзэхэм яфэмэ-бжымыэ зете-
хьаным, зэрэгъэбаижьынхэм тихэгъэгу мэхьанышхо зыкIыщы-
ратырэр.

ТыкыызтегущыIэгъэ Iофыгыгъохэм къагъэлъагъорэр, гущы
Iэхэм ямэхъан кырыкIуагыгъэм язэгъэшIэн нахь игъэкIотыгыгъэу
Iоф дэшIагыгъэмэ адыгэ бзэшIэныгыгъэм амалыкIэхэр кыIэкIилъ-
хьащтых, бзэшIэныгыгъэм кыгыгъэуцурэ Iофыгыгъохэм язэшIохын
нахь кыгыгъэпсынкIэщт

«ПКІЭМРЭ» «УАСЭМРЭ» ЗЭРЭЗЭТЕКІЯХЭРЭР

Бзэм хэт гушыІэ пѣпчъ хъишъэ зыпымылъ ахэтѣп, ау ахѣр зѣхѣпфын, зѣбгъѣшІѣн ящыкІагъ. Мыщ зигугъу кыщытшІымѣ тшІоигъор ямѣхъанѣкІэ зѣпѣблагъѣхѣу, ау зѣтемыфапѣхѣу щыт гушыІѣхѣр арых.

ЗымышІѣрѣм, бзэм изѣхѣфын зи кыин пымылъѣу, кыытыри щымыІѣу, Іоф зѣщыгъоу кыыщыхъушт, ау народым итаурыхъи, сѣмѣркъѣури, щхѣнри, хъишъѣри — зѣкІэ зыхѣлъыр бзѣр ары. Джары ыкІи адыгѣмѣ сыдигъокІи жабзѣм мѣхъанѣшхо зыкІыра-тыщтыгъѣр, зыкІапсыхъѣщтыгъѣр.

Народым бзѣр кыыдежъѣ нахъ, зы цыф горѣм тІысѣу кыыгупшысырѣп. Народым бзѣр иІѣ зыхъукІѣ, ар иІашѣу мѣхъужышъ накъыли, игупшыси, ищыІакІи, изѣкІуакІи — зѣкІѣ кыыреІотыкІыжы, кыырегъѣлъѣгъожы. Ащ фѣдѣу куоу хахъѣу, чыжъѣу тыхищѣу кыызкІѣдгъѣжъагъѣр бзѣм ылъѣныкъо пѣтѣухѣр мыщ дѣжъым зѣкІѣ кыыщитІотыкІынѣу арѣп. Ау тѣ тыкыызтегушыІѣмѣ тшІоигъо гушыІѣхѣр адыгѣ народым ищыІѣкІѣ-пѣсѣукІѣ епхыгъѣхѣу щытыхѣшъ ары.

Адыгабзѣм хэт гушыІѣу — «пкІѣ». Мыщ имѣхъанѣ кыытѣу адыгабзѣм гушыІѣ щагъѣфѣдѣ нѣмыкІыбзѣм кыыхѣкІыгъѣу, ар «уасѣ» зыфатІорѣр ары. Ау гъѣшІѣгъоноыр ежъ адыгѣ гушыІѣ шъыпкъѣмрѣ мыдрѣ гушыІѣу тыбзѣ кыыхѣхъагъѣмрѣ зѣрагъѣфѣдѣхѣрѣр ары.

ГушыІѣу «уасѣр» зыщагъѣфѣдѣрѣр щѣн-щѣфѣн Іофым пылъхѣ зыхъукІѣ ары. ГушыІѣм паѣ: «Мы гъунджѣм тхъапш **ыуаса?**» — пІоу уупчІѣмѣ, «**ыуасѣр** сомишъ» — кыыуаІожыщт. Ащ нѣмыкІѣу гушыІѣу «уасѣр» зыщагъѣфѣдѣщтгъѣр, диным е феодальнѣ зѣхѣтыкІѣу яІагъѣм кыыхѣкІѣу, бзылъфыгъѣу дѣкІуагъѣм **ыуасѣ**

агъэнафэ зыхъукIэ, е лIы укIыгъэ Iофхэм яхъылIагъэу лъыуа-сэхэр атыжъхэ зыхъукIэ арыгъэ. КIэкIэу къэпIон хъумэ, гушы-Iэу уасэр зыщагъэфедэрэр егъэзыгъэу, уасэр ямытымэ мы-хъунэу е къыуамытымэ мыхъунэу зыхъукIэ ары. ПыупкIыгъэу товарым **уасэр** зэбгъашIэ пшIонигъомэ ары. Мы гушыIэр гъэ-шIоныгъэм, гуфэбэныгъэм е гушIуагъом къахэкIэу цIыфым уишIуагъэ ебгъэкIынэу, е ыгу къыдэпщэенэу, рыбгъэгушIо-нэу фашIэ зэрашIэрэр къызэрыкIрэ адыгэ гушыIэмэ къахахъэ-рэп, къахэхъани ылъэкIырэп, бзэм ыштэрэпышь. ГушыIэм пае, **«хъупхъэуас»** пIомэ хъуштэп, арэуштэу адыгэмэ аIо хабзэп.

Адыгэ гушыIэу **пкIэр** пкъыгъом уасэ епхыгъэп. **ПкIэр** гу-шыIэу **пэкIы-м (гум пэкIы)** къытекIыгъэкIэ енэгуюягъо. Имэхъа-нэкIэ, бзэм зэрэщагъэфедэрэ шIыкIэмкIэ, ежъ гушыIэм изэхэты-кIэкIи **пкIэр пэкIы-м** зэрэпэгъунэгъур гъуащэрэп. **ПкIэр** къызы-хахъэрэр гушыIэ зэхэлъэу адыгэмэ яшэн-хабзэхэр нахъ къэз-гъэлъагъоу, зэхэтыкIэ гъэшIэгъонэу яIэхэр къызэрыкIхэрэр арых.

ГушыIэу **пкIэ** зыфиIорэр зыхэтыр мыхэр арых: *лэжъа-пкIэ, хъупхъа-пкIэ, гушIуа-пкIэ, гуихы-пкIэ, укIыта-пкIэ, лъэхэхъа-пкIэ, улэу-пкIэ, гъэшIуа-пкIэ, кIуа-пкIэ, тхъэпчъыIуа-пкIэ, гъэ-тэджы-пкIэ, плъа-пкIэ, пща-пкIэ*. Мы гушыIэхэр зыщагъэфедэ-рэм пэпчъ ежъ ихъышъэ пылъ, зыр зыщагъэфедэрэм адрэр ща-гъэфедэрэп. Ар зытехъухъарэр ежъ народым шэн-хабзэу хэлъ-хэм япхыгъэхэшь ары.

ЛэжъапкIэр зыщагъэфедэрэр ежъ цIыфым ылэшъхъытIукIэ иакъылкIэ, ыкIуачIэкIэ къылэжъыгъэм къыпэкIакIоу тефэрэр къыратыжъын хъумэ ары. Революцием ыпэкIэ, гъэпщылIакIо-хэр зыщэIэм, мы гушыIэм ычIыпIэкIэ *чырапкIэ* зыфиIорэр нахъ агъэфедэщтыгъ.

ГушыIэу **хъупхъапкIэ** зыфиIорэм терминэу *«премия»* зыфа-Iорэм имэхъанэ къеты. ЛэжъаIохэр, хъупхъэу зиIофхэр зыгъэ-цакIэхэу, игъом е пIалъэм зипшъэрылъхэр зэшIозыххэу, иIоф-шIагъэрэ ихъупхъагъэрэ зэдиштэу, цIыфмэ чанэу адэлажъэу, ащ агу зыкъезгъаштэу лажъэрэм ежъ къылэжъыгъэу *лэжъап-кIэм* нэпэмыкIэуи *хъупхъапкIэ* ептынэу тефэ. Ащ гушыIэу *хъуп-хъапкIэм* ычIыпIэкIэ бэрэ *шIухъафтын* зыфиIорэр шагъэфедэу къыхэкIы. Ащ пае *шIухъафтын*м мэхъанэхэу *премие, подарок* зыфэпIощтхэр къызэлъырагъэубыты. Мы гушыIэр зэрагъэфедэ-рэр мытэрэзэу тэлъытэ. *ШIухъафтын* ептын плъэкIыщт, гушыIэм пае, цIыфэу хъакIэ къыпфакIуи, пхъакIи бгъэкIожъыгъэми, ау ептыгъэм *хъупхъапкIэ* епIомэ хъуштэп. *ШIухъафтын* ифэшъуаш лэжъэкIо чанзэ ыныбжъ хэкIотагъэу зыныбжъ хагъэунэфыкI-рэми, унагъом нысакIэ иIэми, ишIыхъаф хэлэжъагъэми, ыгукIэ гъэблагъэми.

Гушылэхэу *хъунхъанкIэ*, *шлухъафтын* зыфилохэрэр ямэхъанэ-кIэ зэтекIых, арышъ, дгъэфедэхэ зыхъукIи тэрэзэу чIыплэм кыщекIурэр хэтхымэ нахьышIу хъушт. *ХъунхъанкIэм премиел* нмэхъанэ къеты, *шлухъафтыныр подаркэм* нахь пэгъунэгъу.

ГушыуапкIэр зыщагъэфедэрэр цIыфым мыш фэдэхэр зехихымэ ары: унагъом сабий кыфэхъугъэмэ, кIалэр дзэ къулыкъум кыкIыжыгъэмэ, кыщагъэмэ, лъэшэу узажэщтыгъэ Iоф горэ дэгъоу зэшIокIыгъэу зэхэпхыгъэмэ. Мы къэбар гушыуагъохэр апэу кыюзыIорэм *гушыуапкIэ* тефэ.

ГуихыпкIэр зэхьылагъэр кыпэблэгъэ цIыф горэ ошIэ-дэмышIэу, сэмэркъэоу бгъэщтагъэмэ е къандис удешIи, бгъэп-цагъэмэ ары.

УкIытапкIэр зыщатырэр сэмэркъэум кыхэкIэу зыгорэ бгъэукIытэжъэу «ужэхахъэмэ» е ар щытэу къэмыуапхъэ горэ кыпIэклаIомэ ары. Мыри егъэзыгъэ Iофэп, ау цIыфым ыгу хэбгъэкIыгъэр хэбгъэхъожьын, ар нахь благъэ кызыфэпшIын мэхъанэ раты. ШъхъакIэфэныгъэ, гъэшIоныгъэ шэнэу адыгэмэ ахэлъмэ зэу ащыщ.

ЛъэхэхъапкIэр, хабзэу адыгэмэ ахэлъыгъэу, джыри чылэгъо зырызхэм къадэнэжыгъэмэ япхыгъ. Гуащэр, пщыр, пщыкъор нысэм лъэхэхэхэмэ *лъэхэхъапкIэ* раты. Махъулъэр шIугуащэм, шIупщым алъэхэхэхэмэ, *лъэхэхъапкIэ* афешIы.

УлэупкIэр зыфагъэшъуашэрэр цIыфэу Iоф кIын горэ кыбдэзыIэтыгъэу, уимыIэхьылэу ежь-ежырэу фаеу кыбдэулэугъэр ары. Ащ фэдэ цIыфыр зыгорэм шыгугъкIэ кыбдэлэпыIагъэп, ежь ыгукIэ фаеу, ихьэлэлыгъэ, изэхэшIыкIыныгъэ кыхэкIэу ары нахь. *УлэупкIэри* гъэшIон хабзэу адыгэмэ ахэлъ.

ГъэшIуапкIэри адыгэ цIыф зэхэтыкIэ дахэм епхыгъ. *ГъэшIуапкIэ* фэпшIымэ игуапэ хъушт гъунэгъу ныом е лIыжъым. Зыгорэм ушыIагъэу укызыкIожькIэ япсауныгъи укIэупчIэу зыгорэ *гъэшIуапкIэуи* зяптыкIэ, ахэпшIыкIэу ахэмэ гопэшхо ащэхъу. Ахэр тхьамыкIэу ящыкIэгъэшхокIэ арэп, угу кызэрэкIыгъэхэу, Iофы пшIэу, зэрэпщымыгъупшэхэрэм ишыхъатэу *гъэшIуапкIэри* кызэрэпхыгъэр ары нахь.

ГушыIэу **кIуапкIэ** зыфиIорэм тын е фэшIэн мэхъанэ ратырэп, ау фэгъэшъошэн мэхъанэ иI. ЗэкIэми уакъыхащи, цыхъэ кыпфашIи, Iофы горэ зэшIопхынэу, зыгорэм уагъэкIонэу «*уикIуапкIэ* кыкIыгъ» кызыуаIокIэ, хэт ущыщми уигуапэ хъушт. Арышъ, *кIуапкIэми* гъэшIоныгъэ, Iахьлыгъэ мэхъанэ адыгэмэ раты.

ТхьэпчыIуапкIэр¹ хабзэу адыгэмэ зэгорэм ахэлъыгъэу къаIожьы. Нысэу къащагъэм янэ-ятэмэ IэплъэкI кIыхъэ къарагъэхьыщтыгъ «нысэудж» ашIэу тхьэ елъэлухэ зыхъукIэ, а тхьэ елъэлурэм ытамэ едзэкIыгъэнэу. Тхьэ зелъэлухэкIэ, а тхьэ елъэ-

лугъэ ныом е лЫжЪым лэплъэкЪыр ратыштыгъ. Джары ащ *тхъэпчылыуапкIэ* зыкЪырауагъэри (тхъэ елъэурэм гушылэхэр кЪыпчыштыгъэх — *Тхъэ-пчы-луа-пкIэ*)¹.

ГъэтэджыпкIэр джы кЪызнэсыгъэми адыгэмэ шэны афэхъугъэу ахэлъ. Нысэр къашэнэу кIогъэ кIэлэ купым ащыщ горэм, пшъашъэр унэм кЪырашынэу кЪызэрытэджыжыгъэхэм тетэу, ахъщэми зы пкЪыгъо лъапIэ горэм унэм кЪыренэ. Ащ *гъэтэ-джыпкIэ* адыгэхэр зэреджэрэр.

ПлъапкIэр ефэндмэ е Iээ нэпцIымэ аратыштыгъ. Фал халтэу «къехъулэшт-кЪыщышIыштхэр, кЪырыкIоштыр» цIыфым кЪызыраIокIэ, а къезылуагъэм, фэплъагъэм сьд щыщми зыгорэ ратыштыгъ. Ащ адыгэмэ *плъапкIэ* рауагъ.

ПщапкIэр зэпхыгъагъэр сьмаджэм епшэрэм зыгорэ фэшIэгъэныр ары. ЦIыфым ыкIышъохэр бэгыгъэу, моу ушыкIоцIырыплъ фэдэу е плъыр-стыр узым ригъэзыгъэу щылты зыхъукIэ, е нэ тефагъ аIоу зыгорэ къеузы фэдэу зыхъукIэ, лЫжЪыми ныоми тхылъыбзэ зышIэ горэ тхъэ елъэIузэ епшэштыгъэ. Ащ ыуж сьмаджэм ыгу жьы дэхъагъэ фэдэу къашыхъуштыгъэ. А «Iазэм» дахэ горэ раIоштыгъэ. Джащ фашэиштыгъэм *пщапкIэ* зэреджэщтыгъэхэр. Ыужым узэу а запшэщтыгъэхэм «*пщэпкIэ* уз» раIоу хъугъэ.

Мыщ зигугъу кЪыщытшIыгъэ гушылэхэр адыгабзэм бэрэ щагъэфедэх, ау гушылэ пэпчъ имэхъанэ икъоу пстэуми къагुरымыIонкIи е адыгэ шэн-хабзэу ахэр зэпхыгъэхэм ащымыгъозэнхэкIи мэхъу. Ащ тегъэпсыхъагъэу мы IофшIагъэр ттхыгъэ.

¹ Ащ ехьылIагъэу еплъ: М. А. Меретуков. Культ очага у адыгов. — «Ученые записки АНИИ», т. VIII, Майкоп, 1968, с. 309.

Мы гушылэр Мэрэтыкъо Мэхъутарэ абдзэхэ къэлуакIэм техыгъэу «ТхъэпчылуапкIэ» еIошь егъэфедэ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

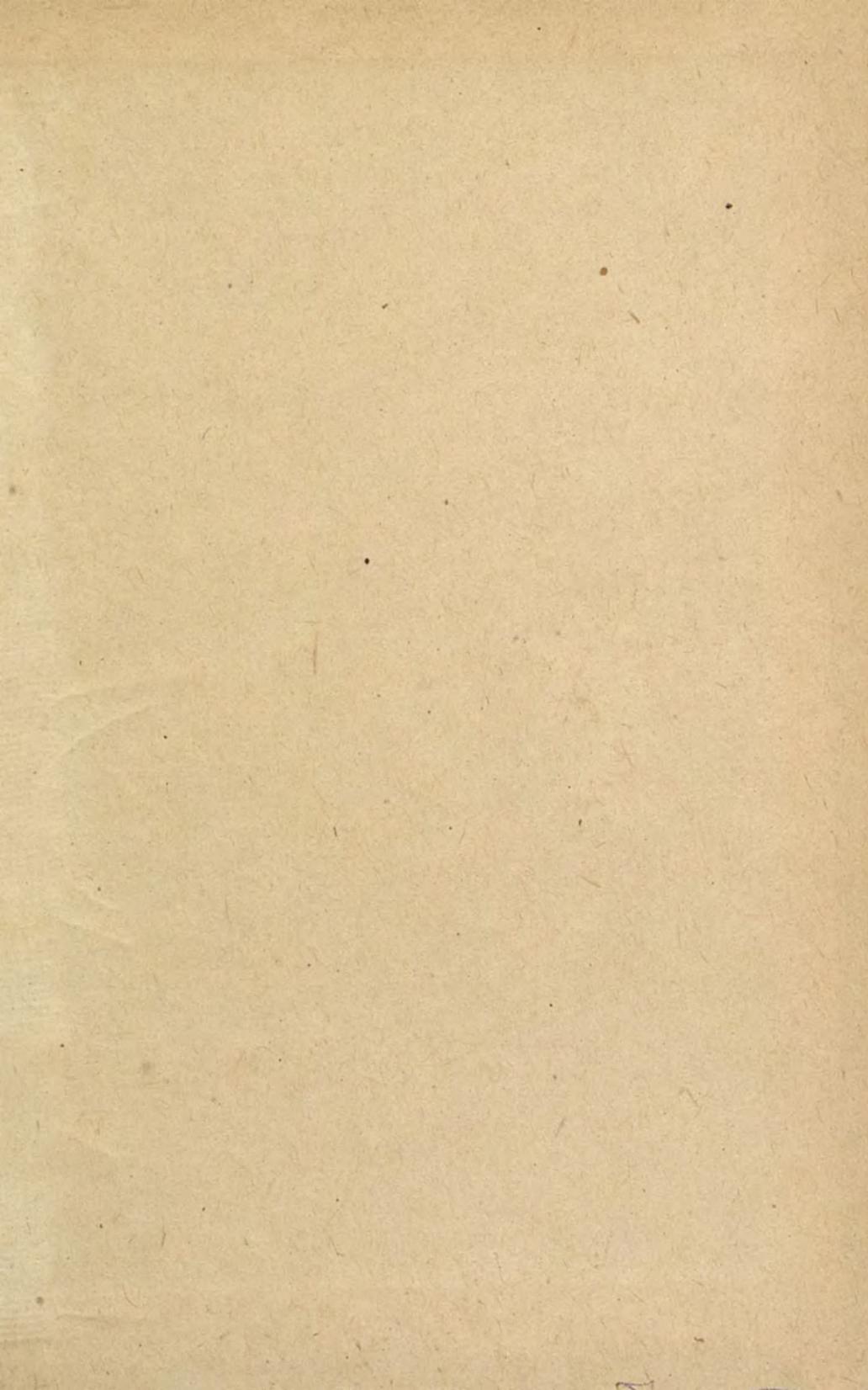
<i>Зекох У С.</i> О грамматических категориях в адыгейском языке	3
<i>Тхаркихо Ю. А.</i> Стилистическая дифференциация адыгейского литературного языка и ее отражение в лексикографических изданиях	36
<i>Меретуков К. Х.</i> О функциональном соотношении послеслогов и превербов в адыгейском языке	51
<i>Хут К. И.</i> Превербы в адыгейском языке (на материале бжедугского диалекта)	62
<i>Абрегов А. Н.</i> Отражение адыгских названий растений в топонимии Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии	83
<i>Зекох У С.</i> Краткая история адыгейской письменности	88
<i>Гъыщ Нухъ.</i> Хъаткъо Ахъмэд ипозэиэ ыбзэ ехьылгагъ	96
<i>Блэгъожъ Зулкъарин.</i> Гушыгъэхэм ялексическэ мэхъанэ къырыкlorэмэ ашыщ	106
<i>Гъыщ Нухъ.</i> «ПкIэмрэ» «уасэмрэ» зэрэзэтскIыхэрэр	111

ВОПРОСЫ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Вып. III

Техн. редактор Паринов Б. П.

Сдано в набор 24.07.82. Подписано в печать 14.07.83. МА 00101. Формат бумаги 60×84 1/16. Усл. печ. л. 6,5. Заказ 0255. Тираж 500. Цена 70 коп. Адыгблпо-лиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, г. Майкоп, Пионерская, 268.



70 коп.